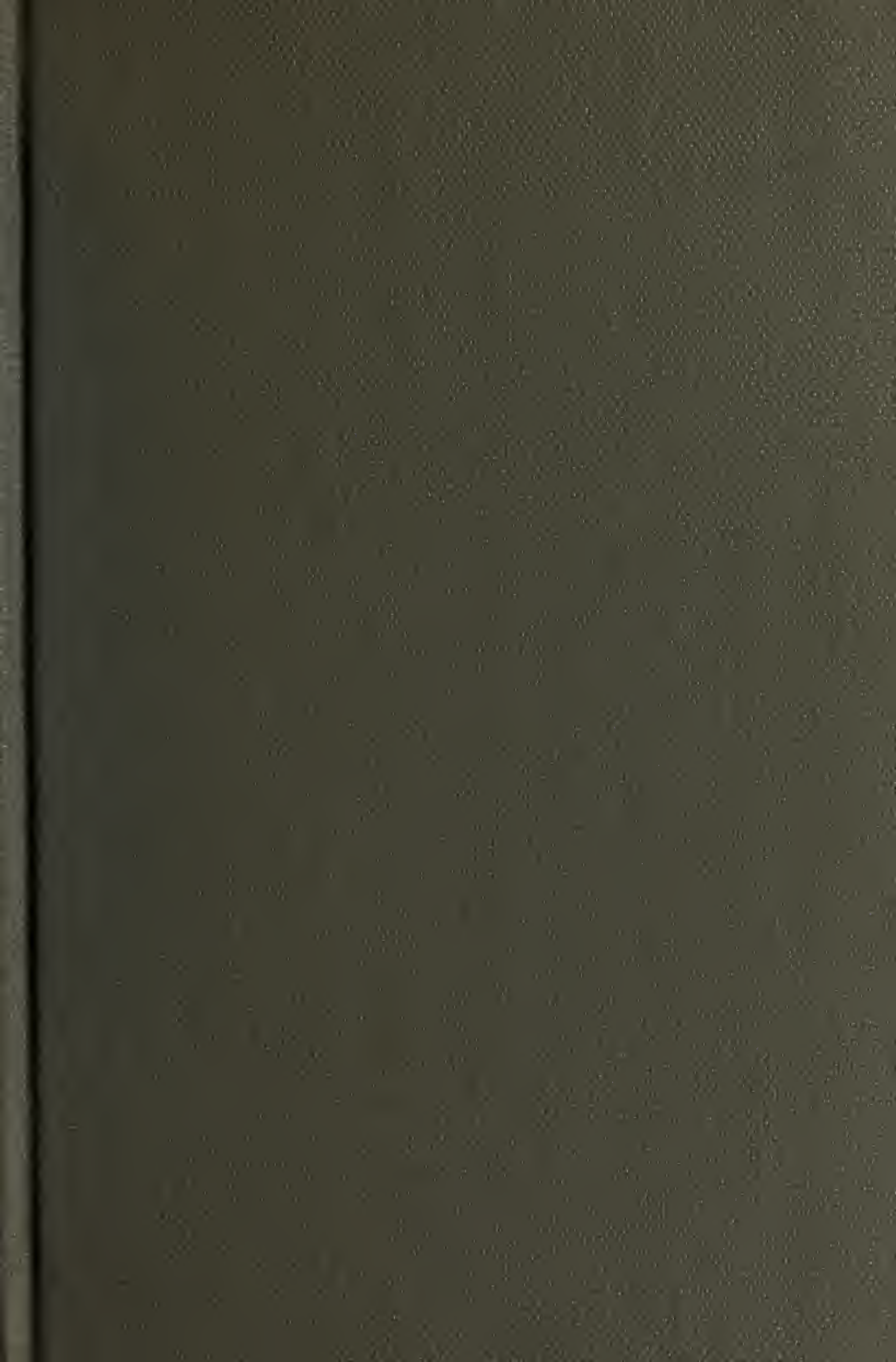
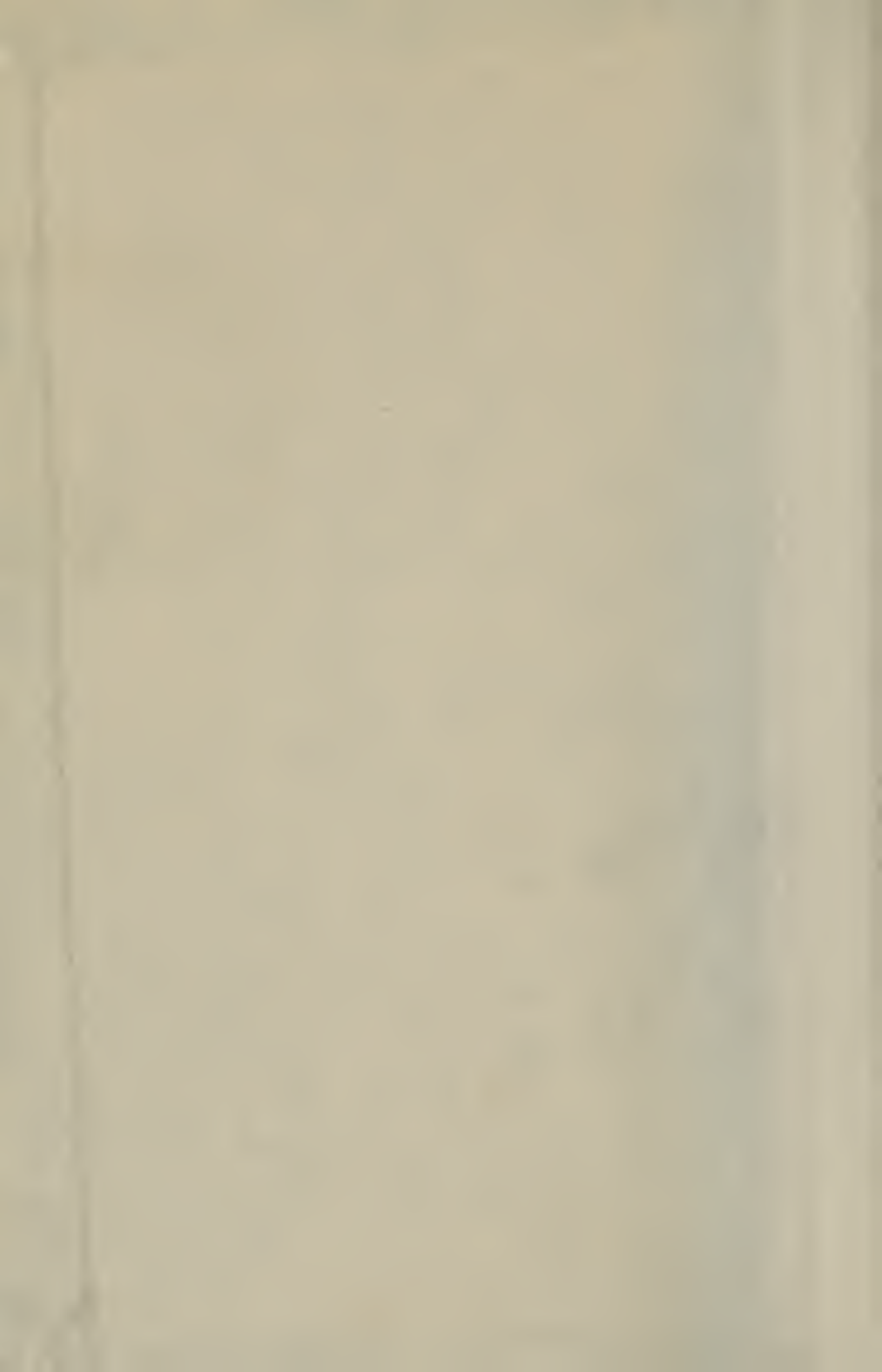
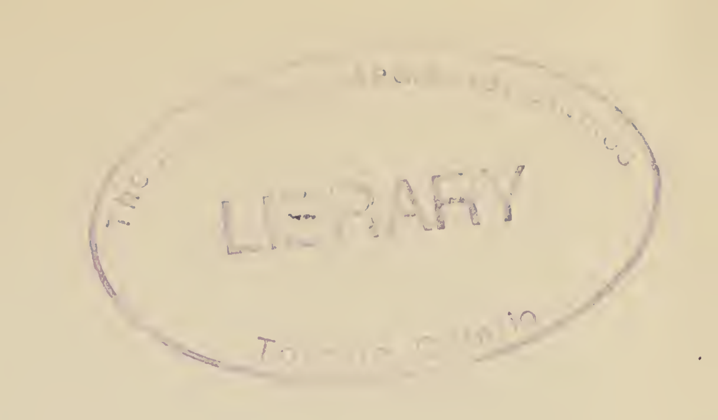

ПОЖАРСКОЙ
И
МИНИНЪ,

Спасители Отечества.

Сочиненіе

Павла Львова,

Члена Императорской Россійской Академіи.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Ценсурнаго Комитета.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

печатано въ Типографіи В. Плавильщикова,

1810 года.

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕЛИЧЕСТВУ,

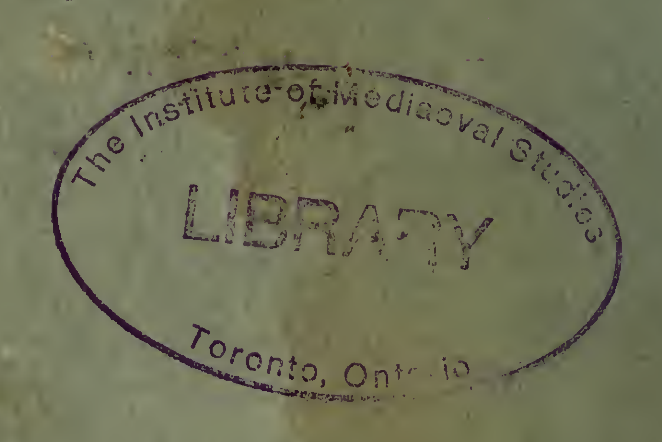
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ

ГОСУДАРЮ,

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ

ВСЕЯ РОССІИ.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Изображеніе доблести и славы побѣдоноснаго Россійскаго народа, народа, которой чтитъ въ ТЕБѢ Монарха и Отца, дерзаю посвятить Августѣйшему имени ТВОЕМУ, — обладатель полсвѣта! Се жертва чистыя души, пламенѣющей любовію къ Отечеству и безпредѣльнымъ къ ТЕБѢ усердіемъ. — Удостой, пріими трудъ сей. Одно ТВОЕ Милостивое на оный воззрѣніе составитъ все счастіе.

ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ!

Твоего

Вѣрноподданнѣйшаго.

Павелъ Львовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА I.

КНИГА II.

КНИГА III.

Герои храбры и усерды,
Которымъ промыслъ положилъ,
Прiять намѣренiя тверды,
Противу беззаконныхъ силъ;

На васъ лавровые вѣнцы
Въ несчетны вѣки не увянутъ,
Доколѣ Россы не престанутъ
Гремѣть въ подсолнечной концы.

Ломоносовъ. Ода 17.

ПОЖАРСКОЙ и МИНИНЪ,

спасители Отечества.

Вступленіе.

Весьма рѣдко случиться можетъ такое прекрасное зрѣлище, чтобы, въ одно время, въ одной странѣ явилися два великіе мужа, не взирая на разность ихъ породы, званія, лѣтъ и образа жизни, имѣвшіе одинакія добродѣтели; одинакую цѣль и такое сходство въ благородствѣ духа, которое соединяло бы ихъ взаимнымъ уваженіемъ гораздо болѣе, нежели узы крови, связующія ближайшихъ родственниковъ; таковы были въ Россіи: Князь Димитрій Михайловичь Пожарской и Нижегородской купецъ Козьма Мининъ. Важное

обстоятельство открыло имъ, что надлежитъ имъ обоимъ, совокупными силами дѣйствовать во благо человѣчества; тогда доблесть сближила ихъ и они неразлучились до толѣ, пока видѣли, что нуженъ Отечеству ихъ подвигъ; они воздвигли Московскую державу.

Взирая на дѣла Князя Пожарскаго и Козьмы Минина можно ли въ томъ сомнѣваться, чтобы провидѣнїе неучаствовало въ произведенїи великихъ людей? — Оно ихъ низпосылаетъ на землю, свершить опредѣленїе непреложныхъ судебъ своихъ: спасти отъ бѣдъ царства; или сокрушить рогъ народовъ строптивыхъ.

Но прежде нежели начать зданїе, надлежитъ положить оному основанїе; напередъ должно опыскать источникъ произшествїй и тогда уже говорить о самыхъ произшествїяхъ, показующихъ дѣйствїе великихъ людей. Потому то и полагаю за необходимое, приступая къ изложенїю достохвальнаго подвига безсмертныхъ Ироевъ нашихъ, сказать напередъ вкратцѣ о состоянїи Отечества; дабы сама истинна, открывая

времена и случаи, довела слушателя по порядку событіи до эпохи спасенія Россіи. Впрочемъ, говоря о Пожарскомъ и Мининѣ, толикоже не возможно избѣгнуть повѣствованія о самой Россіи, колико нельзя некоснуться вселенной, когда предлежитъ слово о свѣтилахъ небесныхъ и дѣйствіяхъ ихъ. Обстоятельство Литовскаго нашествія и раззоренія Москвы, толь сопряжены съ обстоятельствами давнобытнѣйшими, и отъ нихъ зависимы, что ни единаго звена изъ сея цѣпи выключить не можно, начиная покрайнѣй мѣрѣ отъ времени свержения Татарскаго ига; а коснувшись оныхъ давно-протекшихъ обстоятельствъ нельзя несказать равномѣрно и о томъ, что было оплотомъ Россіи, что избавляло ее не однократно отъ совершеннаго разрушенія. Мы увидимъ, что ея несокрушимою силою, ея мѣдяною стѣною была, во всѣхъ случаяхъ, любовь къ Отечеству. И такъ начнемъ отъ сея изящныя добродѣтели, отъ сея виновницы всѣхъ чрезвычайныхъ произшествій, причинившихъ незагладимыя премѣны на лицѣ земли; начнемъ отъ любви къ отечеству; представимъ владычество ея въ Россіи и шествуя по

*

стезѣ ея, величественными дубами и неувядаемыми лаврами осѣненной, срѣтимся съ преславными Ироями нашими, Пожарскимъ и Мининымъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О древнемъ состоянiи Россiи и ея бѣдствiяхъ.

Читая лѣтописи мïра, созерцавая въ нихъ распространенïе народовъ, возвышенïе и упадокъ царствъ, и видя дѣянïя людей, строгимъ судомъ истинны, въ наставленïе, потомству переданныя, можно ли небыть убѣждену въ томъ, что любовь къ отечеству есть высочайшая изъ всѣхъ добродѣтелей, украшающихъ родъ человѣческïй? Ибо цѣль ея, — общее благо, которое истинный Ирой предпочитаетъ всему на свѣтѣ, жертвуя оному жизнïю своею: слѣдовательно любовь къ отечеству превышаетъ и самую любовь къ себѣ собственно. Сïя

превосходнѣйшая добродѣтель, душа всѣхъ прочихъ добродѣтелей, какія соединяться могутъ токмо въ благородномъ сердцѣ ревностнаго гражданина. Она, обращая ихъ въ обязанности, приводитъ въ дѣйство строгимъ требованіемъ ненарушимаго оныхъ исполненія. Сія то достохвальнѣйшая, паче всѣхъ, добродѣтель, возвышая духъ слабаго смертнаго и подкрѣпляя оный всепреодолѣвающею, чудесною силою своею, съ неоскудѣваемою твердостію сопряженною, была виною тѣхъ приснопамятныхъ произшествій, коихъ чрезвычайность поражаетъ умы наши, и произвела тѣхъ великихъ мужей, коимъ глубокая древность сооружала храмы, приносила жертвы, нарекши ихъ полубогами; мужей тѣхъ, которыхъ дѣла, общихъ похвалъ достойныя, представляются намъ болѣе вымыслами, оной баснотворной древности, нежели истиннымъ событіемъ. Любовь къ отечеству не токмо что сохраняла народы въ благосостояніи и безопасности, но даже спасала ихъ отъ бѣдствія, вознося на крайную степень славы и, подобно солнцу, озаривъ собою царства, до ея подвиговъ во мракѣ безвѣстности лежавшія, купно съ его лучами, пролила свѣтъ

свой на все пространство вѣковъ грядущихъ. Что содѣлало Грецію и Римъ громкими? Что привлекло къ нимъ общее удивленіе? Что, какъ не сія святая любовь къ отечеству безсмертныхъ сыновъ ихъ? Не Александрамъ, не Кесарямъ они обязаны славою своею; но Кодрамъ, Леонидамъ, Епаминондамъ; но Деціямъ, Регуламъ, Катонамъ. Аттиллы и Тамерланы такіе же были побѣдители какъ Кесари и Александры; и тѣ и другіе суть мужи кровей; и тѣ и другіе пребудутъ въ роды родовъ предмѣтами ужаса. Вмѣсто благословенія клятва общая воздастся именамъ ихъ; между тѣмъ какъ описаніе знамѣнитыхъ дѣлъ заступниковъ Греціи и Рима, подражанія достойныхъ сыновъ отечества, и поднесь приводитъ душу въ восторгъ, привлекая къ нимъ почтительное изумленіе позднѣйшихъ потомковъ. Леонидъ съ тремя стами воинами остановилъ несмѣтное ополченіе Персидскаго Самовластителя, влекшаго за собою всѣ силы Азіи и большой части Африки; Леонидъ спасая отечество ...... не умеръ, но началъ жизнь безсмертную. Монархія Персидская пала, а слава Спартанскаго Ироя существуетъ еще; да

и пребудетъ, доколѣ сіяетъ солнце. А Катонъ! Катонъ одинъ мужественно противуборствовалъ побѣдителю свѣта, ревностно защищая Римъ, свободу и законы; но когда увидѣлъ, что служеніе отечеству пресѣклось, что онъ не можетъ уже болѣе споспѣшествовать блаженству согражданъ своихъ, тогда оставилъ сей превратный міръ; самъ отверзъ себѣ врата вѣчности — и понынѣ живетъ; да и будетъ жить во всѣ вѣки. Хотя вселенная и трепетала Помпея; хотя и покорилась она щастливому на брани Фарсальской Кесарю, но Катонъ, посреди Помпея и Кесаря былъ, и всегда будетъ нѣкіимъ божествомъ посреди смертныхъ.

Съ тѣхъ поръ какъ лукавая политика Филиппа погасила тлѣтворнымъ дуновеніемъ своимъ пламенный свѣтильникъ добродѣтели сея въ Греціи, а жестокое насиліе владыкъ Рима, каковы были Нероны и Геліогабалы, содѣлало тоже въ Римѣ, съ тѣхъ поръ уже нестало ни Греціи, ни Рима; остались одни преславныя имена великихъ мужей, свидѣтельствующія о падшемъ могуществѣ и по-

гибшемъ благосостоянїи сихъ древнихъ царствъ. Всеистребляющее время не токмо не умалило величїя Ироевъ, но, съ прїумноженїемъ числа лѣтъ, вящше и вящше приумножало честь и славу ихъ, кои, какъ должная дань, имъ приносимы отъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Ирои, торжественно шествуя чрезъ всѣ годы до нашихъ дней, срѣтаемы были всѣми поколѣнїями съ истиннымъ уваженїемъ; посреди хвалебныхъ пѣсней и при громкомъ рукоплесканїи всего потомства сопровождаемы были изъ вѣка въ вѣкъ; удивленїе предшествовало имъ изъ рода въ родъ, а благородное ревнованїе послѣдовало за ними отъ народа къ народу.

Послѣ достопамятныхъ временъ Грецїи и Рима любовь къ отечеству являлась иногда въ величественномъ сїянїи своемъ въ нѣкоторыхъ странахъ; но нигдѣ толь сильно и постоянно невладычествовала, сїя священная добродѣтель, какъ въ странѣ Россїйской. Смѣло ссылаюсь въ томъ на всѣ бытописанїя. Пусть строгїй изслѣдователь разсмотритъ и сравнитъ времена и случаи царствъ; пусть онъ скажетъ: въ какой

странъ любовь къ очеству, въ ознаменованіе себя, явила силу и счастіе народа отъ 338 года до Рождества Христова; то есть отъ времени паденія гражданскихъ добродѣтелей въ Греціи, когда Филиппъ одержалъ полную побѣду при Херонѣе, и отъ 48 лѣта до Рождества же Христова, отъ того пагубнаго Римлянамъ лѣта, когда Кай Юлій поразилъ отечество свое на поляхъ Фарзальскихъ, до 862 года по Рождествѣ Христовомъ, когда призванъ былъ Рюрикъ на Княженіе въ Великій Новградъ; то есть, до того знаменитаго въ лѣтописяхъ нашихъ времени, когда основалась Россійская держава; когда доблественный духъ Россіянъ, потомковъ Славянскаго племени, соединенныхъ любовію къ отечеству, подтвердилъ въ цѣломъ мірѣ, великими и частыми побѣдами, славу храбрыхъ предковъ своихъ; оныхъ воинственныхъ предковъ, которые, сдѣлавшись извѣстными Европѣ подъ настоящимъ своимъ именемъ въ III вѣкѣ, еще и прежде того ратовали подъ именами Скифовъ, Сарматъ, Вандаловъ и подъ об[illegible]мъ именемъ сѣверныхъ браненосцевъ [illegible] Они устрашили древнихъ Персовъ [illegible]зумили высокосердаго сына

Аммонова (3); и колико кратъ приводили въ трепетъ сильныхъ на сушѣ и на водахъ Римлянъ (4). Добропобѣдные Праотцы Россовъ проходя концы вселенныя чудныя премѣны въ свѣтѣ дѣлали (5). Они освоили не малую часть земнаго шара, владычествовавъ отъ понта Евксинскаго и моря Хвалынскаго до края сѣверныя Двины, а отъ Волгскихъ водъ до Адріатическихъ пучинъ (6). Безъ сомнѣнія имѣли они множество достопамятныхъ событій, которые моглибы свидѣтельствовать о изящныхъ качествахъ ума и сердца ихъ; но не проницаемая давнобытность все поглотила (*), кромѣ нѣкоторыхъ, всѣми лѣтописателями упоминаемыхъ, воительскихъ подвиговъ, по которымъ, какъ по остаткамъ древнихъ храмовъ, показующихъ еще лѣпоту и обширность зданія, также и дивный замыслъ зодчаго, судить можно о превос-

---

(*) Доказательствомъ сему служитъ *Ироическая пѣснь о походѣ на Половцовъ Игоря Святославича,* писанная въ исходѣ XII вѣка. Въ ней упоминается о пѣснопѣніи *Бояна.* — Но гдѣ его пѣсни? — Одно токмо имя его до насъ достигло. — *Соч.*

ходствѣ душевныхъ свойствъ народа сего (7). Повѣримъ сей истиннѣ: что народъ тотъ никогда небываетъ побѣдоносенъ, въ которомъ нѣтъ вообще великаго духа; или, естьли оный и былъ, но разслабленъ сталъ роскошью, праздностїю, терпимостїю явно буйствующихъ пороковъ, и наконецъ совершенно попранъ силою иноплеменныхъ; въ какомъ состоянїи мы видимъ нынѣ древнїя монархїи.

Обращая внимательное око на твои протекшїе вѣки, любесное отечество, непобѣдимая Россїя, съ сердечнымъ веселїемъ должны видѣть сыны твои, что ты ни въ какомъ случаѣ не измѣняла сродному тебѣ величїю духа. Когда непостоянный жребїй всѣхъ народовъ въ чреду твою, удручалъ и тебя, Царица полсвѣта, тягчайшимъ игомъ различныхъ бѣдствїй, какъ то: лютымъ нашествїемъ Татарскихъ Ордъ, мучительнымъ правительствомъ самозванцевъ, междуусобїемъ, звѣрскимъ нападенїемъ Литвы и коварнымъ разграбленїемъ отъ Шведовъ; ты превозмогала всѣ твои напасти, сколь нибыли они пагубны, смертоносны; ты недопустила ни единаго

изъ сихъ бѣдствїй сокрушить до конца славы твоея; — чему однако же подвергалися самыя страшныя Государства. Всегда ополчаясь великимъ духомъ своихъ ревностныхъ сыновъ, вооружаясь единою силою жаркой къ тебѣ любви ихъ, безъ малѣйшаго пособїя иныхъ державъ, ты преодолѣвала враговъ твоихъ, всему мїру ужасныхъ; попирала ихъ гордыню; то налагала на нихъ оковы; то взимала съ нихъ дани; то давала отъ себя имъ Царей, а наконецъ и на всегда порабощала, или паче, усыновляла ихъ себѣ, даруя имъ, равное съ кровными чадами твоими, благодѣнствїе. Чѣмъ бѣдствїе твое было опаснѣе, тѣмъ отважнѣе подвизалися сыны твои, тебя ради, готовые на тьму смертей; тѣмъ вящше открывалися добродѣтели народа твоего и множае умножалась слава твоя. Тако твердый камень, чемъ паче разимъ бываетъ губительнымъ железомъ, тѣмъ болѣе изъ плотныхъ нѣдръ своихъ издаетъ огня.

Въ благополучные времена царствъ смиренная любовь къ отечеству наслаждается однимъ скромнымъ удовольствїемъ: исполнять свои гражданскїя обязан-

ности. Тогда она подобна врачебному былїю, не примѣтно по лугамъ прозябающему, наравнѣ съ прочими злаками; оному изрѣдка растущему былїю, которое, хотя и не поражаетъ зрѣнїя яркими цвѣтами, но за то расточаетъ цѣлебное благоуханїе по окрестности и живоносными соками своими сугубитъ мѣру жизни. Коль же скоро настаютъ мрачные дни общїя скорби, тогда сїя добродѣтель является во всей своей грозной безпредѣльности. Общее нещастїе возбуждаетъ ее, вооружаетъ неустрашимостїю, предпрїимчивостїю, рѣшимостїю, — и кто дерзнетъ тогда противустасти ей? Общее бѣдствїе равно пронзительному осѣннему вѣтру, раздувающему искру во пеплѣ таившуюся, которая внезапно вспыхнувъ, содѣлывается не угасимымъ пламенемъ и пожираетъ самыя твердыя зданїя.

Чѣмъ прилѣжнѣе вникнемъ въ лѣтописи наши, тѣмъ справедливѣе будемъ согласоваться въ томъ, что Россїи принадлежитъ титло матери Ироевъ; ибо отъ девятаго столѣтїя и по сїе девятое надесять не проходило ни единаго вѣка, который бы не былъ ознамено-

ванъ достопамятными дѣлами Ироевъ Россїйскихъ. Въ доказательство сему я предложу о томъ здѣсь, сколько можно ясно и кратко, начиная отъ Гостомысла и до очищенїя Москвы отъ Литвы, то есть, до избранїя на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, дѣда Петра перваго. Съ того же времени и поднесь, въ продолженїи почти двухъ сотъ лѣтъ, надлежало бы изчислять великихъ людей Россїи не по вѣкамъ, а по годамъ, и описанїе похвальныхъ дѣлъ ихъ заняло бы большое книгохранилище.

Еще до Рурика правительствалъ въ Новѣградѣ *пресловутый мужъ* Гостомыслъ, о которомъ по сказанїю Іоакима и прочихъ Лѣтописцевъ, можно заключать, что былъ у Славянъ свой Соломонъ (8). Искусное вѣденїе народоначальства и порядокъ возставленный въ смутномъ Новѣ градѣ содѣлываютъ величїе Рурика (9). Въ томъ же девятомъ вѣкѣ Олегъ гремѣлъ своими едва имовѣрными побѣдами и мудростїю (10).

Въ десятомъ вѣкѣ сїяла своими великими добродѣтелями рѣдкая въ Царицахъ и дивная въ женахъ, Ольга. А храбрый Святославъ, сынъ ея, нашъ

Ахиллъ, нашъ Ѳисей, покорялъ многолюдныя области и потрясалъ стѣнами Византiйскими. Въ концѣ того же вѣка святолѣпный Владимiръ, отвсюду окруженный несмѣтными трофеями и лучезарнымъ свѣтомъ вѣры, въ силѣ крѣпости своея и въ торжествѣ духа, подъялъ Россiю до небесъ.

Въ первомъ надесять, княжилъ Витязь миролюбивый и законодатель благоусмотрительный Яросалвъ I, съ которымъ Солоны и Ликурги должны раздѣлить вѣнцы свои. Праправнуки его блистали въ лучахъ славы на великолѣпнѣйшихъ престолахъ Европы (11).

Въ дванадесятомъ, Владимiръ Мономахъ владычествовалъ премудро и преславно ратоборствовалъ. Покоренные имъ Греческiе Монархи поднесли ему въ даръ дiадиму свою и святыя бармы (12). Въ томъ же вѣкѣ были у насъ великiе князи: Мстиславъ I, и Вячеславъ I, милосердiемъ и благими нравами прославившiеся (13). Тогда же повелѣвалъ одаренный отличными достоинствами, препохвальный Князь Юрiй Долгорукiй, основатель Москвы и многихъ градовъ (14). Въ томъ же столѣтiи княжилъ Миха-

илъ I, Государь науками просвѣщенный, вѣдатель поучительныхъ языковъ, покровитель словесности и художествъ (15).

Въ третьемъ надесять, паче всѣхъ Ироевъ сего вѣка разпространялъ свое величїе и славу, даже до изумленїя враговъ отечества, Александръ Невскїй, воитель побѣдоносный, государь правосудный и мужъ богомудрый (16). Въ томъ же вѣкѣ сїялъ своимъ великимъ умомъ и обширными знанїями, многовѣдущїй Константинъ I (17).

Въ четвертомъ надесять, повелѣвали достохвальные Государи и купно побѣдители: Александръ II (18), и Іоаннъ I Калита (19); и тотъ въ роды родовъ благословенный вѣнценосецъ, храбрѣйшїй полководецъ, заступникъ отечества, коего память драгоцѣнна всему потомству, Димитрїй Донской (20). Тогда же достохвально сражался съ утеснителями Россїи и державствовалъ премудро Василїй II (21).

Въ пятомъ надесять владычествовалъ великїй Іоаннъ III, избавитель Россїи отъ Татарскаго ига, насадитель

внутренняго благоустройства, побѣдитель странъ, строгїй блюститель порядка (22). Въ тоже время отважная Марфа Борецкая, подобная Брутамъ и Сцеволамъ, защищала Новградъ, свободу его, и *правду русскую.* (23); она принесла имъ въ жертву дѣтей своихъ и себя.

Въ шестомъ надесять, царствовали: доблественный Василїй, достойный сынъ отца и достохвальный отецъ преславнаго сына (24). По немъ Самодержавствовалъ безсмертный сынъ его Іоаннъ IV, *Грозный*, низложитель сильной, кипчатской власти, покоритель царствъ; онъ былъ монархъ, воинъ, судїя строгїй, и просвѣтитель народа. Сопредѣльные Государи нарицали его Императоромъ (25); ему принадлежало бы и титло отца отечества, естьли бы гнѣвъ его, сопротивленїемъ дерзновенныхъ раздражаемый, не затмилъ нѣсколькихъ лучей его величїя. Тѣ преизящныя свойства духа, каковыхъ ради Римляне избирали себѣ въ Кесари: Андрїановъ, Клавдїевъ, Аврелїановъ, соединялися въ единомъ Іоаннѣ. На гробѣ его самая строгая справедливость необиновенно начер-

тать можетъ ту же самую надпись, коею Римъ украсилъ гробъ Императора Проба (26); равно тому и мы скажемъ: *здѣсь почіетъ царь Іоаннъ, истинно достойный сего имени, побѣдитель народовъ, побѣдитель утѣснителей.* Въ концѣ того же вѣка былъ Годуновъ, о которомъ хотя и вѣщаетъ Исторія, что мрачнымъ путемъ достигъ онъ престола, но царствовалъ благоразумно; былъ щедръ и рачилъ о славѣ отечества; онъ привлекъ къ себѣ особое уваженіе Европы и Азіи: Послы Елесаветы Англинской, послы Папскіе, послы Имперскіе, послы славнаго Шаха Абасса, Оттоманскіе, и иныхъ державъ благоговѣли предъ скипетромъ его. Сѣверные владыки, прельщенные достоинствами благовоспитанныхъ дѣтей его тщились соединиться съ нимъ узами родства (27).

Въ седьмомъ надесять вѣкѣ мы видѣли Шуйскаго. Онъ избранъ былъ на царство за добрыя свойства его. Но увы! видѣли и бѣдственную его судьбу (28). Сей вѣкъ, всѣхъ прочихъ вѣковъ присно-памятнѣйшій, есть самый чувствительнѣйшій для Россіи, какъ по ея крайнему злоключенію, такъ равно и по ея

всерадостному возстановленїю; сей вѣкъ родитель вѣковъ пресвѣтлыхъ; отъ него произошли красныя времена царствованїя Романовыхъ; въ семъ то веселящемъ сердца Россїанъ вѣкѣ, явились два великїя свѣтила Московской славы, и началоположники щастїя нашего: Князь Димитрїй Михайловичь Пожарской и Козьма Мининъ, спасители отечества. Что были въ Аѳинахъ Мильцїяды и Фокїоны, въ спартѣ Леониды, въ Римѣ Эмилїи, Камиллы, и Сципїоны, то все въ первомъ зрѣла Россїя; добродѣльми Аристида, Фабрицїя, Цинцината преисполнена была душа втораго.

О! колико блаженъ тотъ повѣствователь, который изящнымъ даромъ краснорѣчиваго слова можетъ выразить всю важность подвига и красоту доблести сихъ безсмертныхъ мужей! тотъ самъ пѣснопѣнїя достоинъ. Но я не смѣю предпринять сего, превышающаго силы мои труда; скудный талантъ мой недостаточенъ воздать достойную хвалу, толь дивнымъ Ироямъ.... Хочу токмо принесть имъ чистую жертву усердїя; хочу токмо излїять здѣсь чувствованїя благоговѣнїя, коимъ исполнено сердце мое

къ преславной памяти ихъ. Соотечественники мои да простятъ слабое вѣщанїе мое сему не преодолимому и увлекающему меня чувствованїю; писатель же превосходнѣйшїй, да сложитъ Пожарскому и Минину слово, восторгъ въ души вливающее, и рѣчь его, какъ величественная Волга, на красивыхъ брегахъ коея сїи духи хранители отечества явились, какъ благоносная Волга, напаяющая плодотворными струями своими пространное русское царство, да протечетъ до скончанія вѣковъ! Странѣ той, гдѣ родились Мининъ и Пожарской, какъ не имѣть своихъ Омировъ, своихъ Пиндаровъ, своихъ Виргилїевъ? Дѣла ихъ, требующїя приличнаго имъ славословїя должны быть воспѣты, и, — конечно будутъ воспѣты..... Благовонное миро уже уготовано въ самомъ богатомъ свѣтильникѣ; потребенъ токмо огнь; въ сердцахъ ли Россовъ нѣтъ сего огня?...... Впрочемъ, колико бы я ни тщился возвысить здѣсь гласъ мой въ хвалу избавителямъ нашимъ, все было бы тщетно; ибо какая хвала сильнѣе и краснорѣчивѣе той, которая заключается въ сихъ краткихъ словахъ, произносимыхъ потомствомъ при каждомъ воспоминанїи

дражайшихъ намъ именъ ихъ: *Пожарской и Мининъ спасители отечества.* Да и какая хвала достаточна украсить дѣла такихъ Ироевъ, коихъ памятникъ, — все отечество; коимъ всѣ сыны онаго и сыны сыновъ ихъ, и самые позднѣйшїе потомки обязаны уже почтенїемъ и благодарностїю. Существованїе Россїи, обширность ея, изобилїе, побѣды, торжества, щастїе, — се громкая ихъ хвала; славнопрестольная Москва, матерь Петрополя и многихъ велелѣпныхъ градовъ, — се ихъ трофей; царствованїе же Петра I и Екатерины II — достойная имъ награда, за ихъ подвигъ. Намъ остается единственно благодарить Промыслъ, что Пожарской и Мининъ родились въ Россїи, а не въ иной странѣ мїра; ибо странѣ той, коей они принадлежатъ, конечно суждено свыше, быть первою Монархїею (29).

И такъ, дабы показать коль лютыми напастьми постигнуто было Московское царство и коль высокой цѣны стоитъ пожертвованїе избавителей онаго, представимъ предъ лицемъ строгихъ судей не узорчатую ткань вымысла, чарующую очи пестрыми цвѣтами

воображенія, а самую истину; да сама она, не хитрымъ, но чистымъ и проницающимъ сердца краснорѣчіемъ своимъ возвѣститъ хвалу Ироевъ. Гдѣ истина вѣщаетъ, тамъ ничтоженъ вымыслъ, не нужно витійство.

Отъ коего же времени начать слово? Обстоятельства Россійской Исторіи всѣ равномѣрно важны. Простирая взоръ мой на огромное зрѣлище древней и новой Россіи, и преносяся мыслію отъ единаго событія къ другому теряюсь въ пространствѣ сего волнующагося океана многообразныхъ произшествій, то крайнюю высоту щастія, то бѣздну золъ открывающихъ. Боже! какое обширное зрѣлище чрезвычайныхъ премѣнъ! какая тучная жатва и добрыхъ и злыхъ дѣлъ человѣческихъ! милліоны людей въ такомъ точно движеніи, какъ неизчислимое множество класовъ покрывающихъ необозримую ниву; когда вѣтры на нихъ подуютъ, они струятся, переливаются растилаются, возвышаются и упадаютъ, живо изображая непостоянство водъ морскихъ. Я созерцаваю случаи временъ давнихъ и вездѣ вижу великій духъ Россійскаго народа. Каждое обстоя

тельство отечественной Исторїи есть обильный для меня источникъ новыхъ ощущенїй, то радасти, то прскорбїя, приводящихъ въ недоумѣнїе: съ чего бы благопотребнѣе начать? Я теряюсь въ сихъ ощущенїяхъ, подобно Лаертову сыну, когда, достигнувъ Итаки, онъ востекъ на отечественный брегъ, и бросалъ алчные взлады на всѣ предмѣты, желая все вдругъ обнять; то духомъ лѣтелъ ко всѣмъ мѣстамъ, желая вдругъ быть вездѣ; ненаходя въ радости словъ, повергался ницъ, лобызалъ прахъ земли, ему безмѣрно любезной и гласомъ, рыданїемъ прерываемымъ, возсылалъ благодарственное моленїе къ предстательницѣ мудрыхъ, къ оруженосной Палладѣ, что привела его въ дражайшую, родительскую страну (30).

Касаться ли тѣхъ вѣковъ, когда Великїй Новградъ простирая свое могущество на четыренадесять народовъ (31) и обьемля почти весь Сѣверъ, приводилъ въ ужасъ иноплеменныхъ; когда отъ Волховскихъ тихихъ водъ до бурныхъ пучинъ Западныхъ морей, до Южныхъ и Восточныхъ, отдаленнѣйшихъ царствъ взаимна была его торговля (32);

когда подъ мирною сѣнїю древнихъ отеческихъ законовъ, Ярославомъ подтвержденныхъ, процвѣталъ онъ купно съ родственнымъ ему Псковомъ, какъ Тиръ съ Сидономъ? Или обратиться къ другой столицѣ Славяноросcовъ, къ величественному Кїеву, въ которомъ созидалъ щастїе людей Владимїръ просвѣтитель, — подобно Сезострису въ стовратыхъ Өивахъ, — повелѣвая всѣми народами на Югѣ обитающими, отъ Болгарскихъ равнинъ и до предѣловъ Авзонїи, отъ Ледовитаго моря и за предѣлы Тмутараканскїе, до Чернаго моря (33); взималъ дани съ Царя Града и имѣлъ подъ державою своею Корсунь съ плодоносною Тавридою (34)? Долгодневный Кїевъ, сей пышный градъ, изобилующїй благами щедрой природы, роскошно возлежа по высотамъ нагорнымъ и любуяся въ зерцалѣ Днѣпровскихъ водъ своею мужественною красотою, удостовѣряетъ еще и по нынѣ коль многочестна была и быть долженствовала древность лѣтъ его. Тако старецъ, сребристою сѣдиною украшенный, отдыхая на одрѣ покоя, подъ кровомъ сыновъ добропобѣдныхъ, величавою сановитостїю своею привлекаетъ къ себѣ почтенїе; хотя гласъ его

протяженъ и трепещущъ, хотя изнемогли члены его, но стройное и мужественнное сложенїе раменистаго тѣла его, еще довольно показуетъ, коль юность его была доброзрачна; предъ взоромъ же его висящая желѣзная, тяжелая колчуга, старинное, богатырское убранство отъ давняго времени потусклое, и страшный мечь въ головахъ, съ палицею острыми шипами изгвожденною, свидѣтельствуютъ о немъ, что былъ ратоборецъ многосильный.

Описывать ли пагубное нашествїе кровожаждущаго Батыя, и тѣ злѣйшїя бѣды, каковыми изнурена была Россїя, терзаемая ордынскою лютостїю въ продолженїе 240 лѣтъ (35)? Но всѣ онѣ, сколь ни были губительны, не превосходили однако же тѣхъ бѣдъ, коими поразили ее коварная Литва и клятвопреступные Готѳы, прїявшїе твердое намѣренїе преломить скипетръ Мономаха, раздѣлить Россїю, уничтожить ее могущество, и сїю Царицу Царствъ, низринувъ съ ея великолѣпнаго престола, повергнуть въ вѣчное, поносное рабство. Мятется духъ отъ единыя мысли! сїе совершилось бы, ежели бы Пожарской и Mининъ не спасли ее.

Упомянемъ напередъ, кто снялъ съ Московскаго царства постыдныя Татарскія оковы; чьй мощныя мышцы, подобно Атлантовымъ, подьяли паки Россію до свѣтозарной превыспренности; упомянемъ о семъ того ради, дабы увидѣть потомъ, что было виною ея вторичнаго упадка и едва неконечнаго разрушенія.

Два побѣдоносные Іоанна воздвигли Россію изъ праха уничиженія на высокій степень величія. Сопредѣльные царства завидовали тому и уступали ей, преклоняя предъ нею надменное чело свое. Іоаннъ III свергъ Ордынское иго, а внукъ его Іоаннъ IV, достойный титла Царя Царей и совсемъ изгладилъ съ лица земли сильную и страшную золотую Орду, содѣлавъ изъ покоренныхъ имъ подъ державу свою царствъ ея, Казанскаго и Астраханскаго, Московскія области. Іоаннъ грозный самодержавно повѣлевалъ надъ пятьюнадесятьми великими княжествами, изъ коихъ каждое могло быть особымъ Государствомъ; надъ тремя царствами, и осьмыю многолюдными, обширными областьми (36); предѣлы Россіи при немъ были необьятны и едва не равны предѣламъ нынѣшнимъ

(37). Неизмѣримаго пространства рѣки: Днѣпръ, Донъ, Ока, Волга, Кама, Уралъ, обѣ Двины, Печора, Обь, Енисей, Тоболъ, Иртышъ и Лена, изъ коихъ не токмо Ниламъ и Гангамъ есть равныя, но и тѣхъ еще большія (38), протекали, отъ исходищъ своихъ и до морей, подъ властію Московскаго Самодержца, разнося богатство Русскаго царства въ концы свѣта. Іоаннъ укрѣпилъ Государство законами и порядкомъ внутри; оградилъ оное силою и страхомъ отвнѣ; отверзъ врата наукамъ, художествамъ и торговлѣ; избыточное во всемъ довольство тучнѣло на лонѣ Россіи. Скажемъ лучше, что все Государство носило на себѣ подобіе своего Государя: Іоаннъ былъ сановитъ, имѣлъ мышцы крѣпкія, взглядъ строгой и пронзительный, осанку внушающую почтеніе; Десница его сильна была и безъ перуновъ; но когда онъ гремѣлъ гнѣвомъ ярости своея, тогда ничто смертное не могло устоять. Истинна неоспоримая: то царство страшно, гдѣ Царь великъ (39).

Теперь взглянемъ на Москву; посмотримъ коль красна и свѣтла была она во дни Іоанна и каковою потомъ стала

отъ Литовскаго злодѣйства . . . увидимъ и содрогнемся.

Прекрасная Москва, сїяя въ пресвѣтломъ вѣнцѣ благорачительнаго о ней Монарха, праздновала, ликовала въ обьятїяхъ блаженства, уподобляясь прежнему Риму, когда онъ торжествовалъ во времена Камилловъ и Сципїоновъ. Она вмѣщала въ нѣдрахъ своихъ множество добычь отъ побѣжденныхъ народовъ стяжанныхъ; несмѣтныхъ сокровищъ груды размножались въ казнохранилищахъ, на потребу общую. Четыре града, обнесенные не приступными стѣнами, стрѣльницами (40), рвами глубокими и высокими валами, составляли многовмѣстительную ея внутренность, тьмами темъ тысящъ населенную и наполненную безчисленностїю градскихъ зданїй, какъ то: главныхъ судилищъ, приказовъ, розрядовъ, житныхъ дворовъ (41), больницъ, училищъ, печатнаго двора (42), и оружницъ, между коими находилась и мастерская Аристотеля Болонскаго, гдѣ творимы были, на пагубу супостатовъ, огнедышущїе драконы. По обширнымъ площадямъ града, предъ очами дѣятельнаго Царя, опричники и стрѣльцы

почасту обучались знанїю ратнаго искуства (43). Превыше всякаго зданїя возносилась, изъ средины кремлевскихъ зубчатыхъ обзорищъ, цѣпъ огромныхъ чертоговъ съ златыми гриднями (44) и великолѣпными переходами, облежа и включая въ себѣ многїе храмы наподобїе древней Капитолїи. Чертоги отвсюду были зримы и вся изъ оныхъ столица съ ея прелестными рощами и потѣшными дворцами (45) открывалась взору: то были Грановитая Палата, досточестное жилище Царей россїйскихъ и чадъ ихъ, и палата *золотая* (46), куда собиралася верховная, царская дума, изъ первостатейныхъ боярѣ, изъ столповыхъ вельможъ, жаркихъ ревнителей государственнаго блага, твердыхъ щитовъ отечества составленная. Тамо рѣшился жребїй многихъ престоловъ (47) и миллїоновъ смертныхъ; въ семъ то не блазненномъ совѣтѣ присудствовавшая, глубокая тайна, обще съ мудростїю, взвѣшивала уроны и выгоды государства, и по точномъ соображенїи опредѣляла или миръ, или войну; отсюду-то строгїй законъ не прежде выносилъ вѣнцы въ награду заслугамъ, а мечь для казни преступленїя, какъ тогда уже, когда *Царь присудитъ*

и Бояра приговорятъ (48). Трудолюбїе, рачительность, свято хранимый долгъ званїя, добрые примѣры приводили все въ движенїе; ни одно сословїе гражданъ не выходило изъ своего круга, а всѣ вообще обращались во взаимномъ согласїи, устрояющемъ общую пользу.

Коликою красотою сїяла внутренность Москвы, толико же благолѣпна была и наружность ея. Многочисленныя врата сего града, подобно устїямъ морскимъ, приливами и отливами учащаемымъ, то вбирали, то испускали изъ себя волны народа. Пути, къ сей столицѣ лежащїе, всѣ были наполнены движущимся непрестанно многолюдствомъ: тамъ шествовалъ избранный полкъ съ побѣдоноснымъ воеводою, ведя въ плѣнъ царей и царицъ Кипчатскихъ (49) со всемъ ихъ достоянїемъ; здѣсь шло громоносное воинство на усмиренїе владыкъ непокорныхъ, на сокрушенїе царствъ сопротивныхъ. Отъ всѣхъ странъ подсолнечныя притекали знаменитые посольства: отъ Кесаря, отъ Папы, изъ Британїи, отъ Густава Вазы, отъ Лифляндскаго рыцарства и отъ Восточныхъ самовластителей. Одни, приходили

просить союза и дружества; другіе поздравлять съ одержанннымии побѣдами; иные ходатайствовать о выгодной торговлѣ съ Россіею; иные съ уничиженнымъ предложеніемъ мира и даньми; иныеже, дабы снискать соизволеніе Самодержца на мирные и торговые съ Новымъ градомъ договоры (50). Богатое Болгарское посольство несло въ Москву покорность свою на вѣчное подданство; паче же всѣхъ любопытнѣйшее посольство Сибирское, составленнное изъ старѣйшинъ различныхъ одѣждою, языкомъ, лицомъ, спѣшило на быстроногихъ ланяхъ, повергнуть къ престолу великаго Царя новообрѣтенныя Росскимъ Кортецомъ добычи (51): сребро, злато, самоцвѣтные камни, мѣха рѣдкихъ звѣрей, а купно съ сими сокровищами и драгоцѣнный вѣнецъ Кучумъ Хана. И тамъ, и здѣсь заняты пути пышными разъѣздами Бояръ, намѣстниковъ, стольниковъ, посадниковъ, воеводъ, посланныхъ Іоанномъ, управлять областьми, къ державѣ его присоединенными: въ Пермь, Казань, Лапонію, Югорію, Астрахань, къ Вогуличамъ, и въ Заволгскіе, отдаленные края. По инымъ путямъ стремительно мчащіеся гонцы обстигали вѣтры, поспѣшая со-

общить единократныя велѣнія Іоанновы; ибо что онъ приказывалъ единожды, того никогда уже не повторялъ; одни изъ нихъ посланы были, то съ грозною грамотою отъ степени Царскаго Величества къ вѣнчанной главѣ какого либо королевства, съ грамотою гнѣвною, коею предписывалося, чтобъ данъ былъ отчетъ въ косненномъ исполненіи положеннаго слова, или не минуемые Іоанновы громы разразятъ все королевство (52); другіе несли царямъ прощеніе (53); сверхъ сихъ еще иные, отъ вожденачальниковъ пущенные, стремглавъ скакали въ Кремль съ радостными донесеніями о новыхъ покореніяхъ, о новыхъ успѣхахъ ратоборствія и градоимства, о новомъ подданствѣ народовъ. Далѣе, сходились другъ съ другомъ Мурзы, Уланы и владѣлцы многихъ кочующихъ Ордъ, и сонмомъ шли въ Москву низложить къ стопамъ Самодержца свои права и вручить ему свои улусы (54). Отъ сюда, полки изъ казаковъ, черкесъ и татаръ составленные, подвизавшіеся подъ военачальствомъ вѣрноподданнаго Царя Іоанну, царя Алія, возвращались съ трофеями изъ Ливоніи и Эстоніи и вели въ Москву отличную дружину плѣненныхъ

ими крестоносныхъ рыцарей, съ ихъ полководцемъ (55). Издали приближалося общество мужей просвѣщенныхъ, призванныхъ добропищательнымъ Русскимъ Государемъ отъ чужихъ странъ, ради обученія юношества (56); а изъ ближайшихъ воеводствъ простиралися до престольнаго града отряды *жильцовъ* на смѣну стражи Царевой (57); ратныя дѣйствія ихъ и златокованные доспѣхи довольно показывали, что они идутъ усугубить грозное велелѣпіе двора Росскаго Монарха. Между всѣми оными предмѣтами въ разныхъ разстояніяхъ протягаются по всѣмъ дорогамъ безчисленные обозы съ собственными добычами Россіи, которыя трудъ, промыслъ, издѣліе пріобрѣтали отъ земли, воды и лѣсовъ; отъ избытка жатвы и скотоводства; отъ обилія рыбъ, отъ звѣроловства и пернатыхъ. Словомъ, ничего не недоставало Москвѣ къ ея благосостоянію, веселію и красѣ. Сія пространная столица, окруженная отвсюду градами твердыми, областьми богатыми, весями цвѣтущими, уподобляясь той преблагополучной родительницѣ, которую небо наградило сынами мужественными, дщерями равно ей прелестными: сѣдя посреди ихъ, съ улыбкою

взираетъ она на ихъ пригожество, показующее, любезное матернему сердцу, сходство ихъ съ нею; она веселится на ихъ многоцѣнное убранство глядя и изчисляя изобилїе разпредѣленныхъ имъ отчинъ съ тысящьми домочадцевъ; назначая же имъ труды и забавы, умильнымъ окомъ ободряетъ то сына на славное дѣло, то дщерь на благохраненїе дома, и видя что почтительные дѣти ея тщатся предупреждать ея волю, спѣшать одинъ предъ другимъ творить ей угодное, восхищается несказанно, неможетъ вмѣстить всѣхъ радостей въ сердцѣ своемъ, и только что благодаритъ Всевышняго, за толь великую къ ней благость. — Въ таковомъ то была состоянїи Москва со всею Россїею, когда державствовалъ Іоаннъ, и таковою досталась она въ наслѣдство сыну его Царю Ѳеодору!

Но сей вѣнцепреемникъ не соотвѣтствовалъ премудрости отца своего. Рожденъ будучи съ душею малою, онъ нечувствовалъ ни тяжести, ни драгоцѣнности вѣнца, и слава, питательный нектаръ душъ великихъ, чужда была хладному, тесному сердцу его. Преклон-

ный къ нѣгѣ и покою, онъ дѣлалъ добро безъ намѣренія, непостигая ни важности, ни потребности онаго; а попускалъ злу непроникая пагубныхъ отъ того последствій. Нерадѣніе, робость, суевѣріе и праздность владычествовали имъ по перемѣнно. Богомольство, странствованіе по монастырямъ и соколиная охота были единственное его упражненіе. Бывъ ко всему равнодушенъ, а иногда чувствителенъ по чьему либо внушенію, онъ все оставлялъ во власть Провидѣнію; ему поручалъ онъ награждать добро и наказывать зло; а самъ не токмо на что либо подвизался, но даже страшился и желать многихъ благъ; чтобы пожеланіемъ излишняго несогрѣшить мысленно; дабы за самый помыслъ,— суетный помыслъ, — неподвергнуться въ жизни будущей вѣчному наказанію (59).

Поелику Ѳеодоръ не былъ одаренъ тѣми отличными качествами духа, коими Царь небесъ, созерцавающій вѣки, изображаетъ въ Царяхъ земныхъ свой промыслъ о царствахъ тѣхъ, которымъ изкони положено возвыситься, въ свою чреду, надъ прочими языками; а паче походилъ онъ на такихъ владыкъ, ко-

торыхъ непостижимый Міродержецъ низпосылаетъ въ наказаніе человѣкамъ, скучающимъ постояннымъ благосостояніемъ; человѣкамъ ни чемъ недовольнымъ: да возчувствуютъ всю трату уже минувшаго, благопріятствовавшаго имъ времени. Слѣдовательно Россія лишась Іоанна, лишалась и подобія его. Ѳеодоръ колико доказалъ собою, что судьба производя на свѣтъ сыновъ царскихъ, не каждаго изъ нихъ надѣляетъ высокимъ даромъ: *умѣть повелѣвать*; толикоже и удостовѣрилъ грядущіе роды въ томъ, что, естьли гдѣ бываетъ, народоправитель неспособный, то тамъ, отъ слабости духа его, разслабляются всѣ пружины, двигающія огромное государства тѣло, и тогда жезлъ пастыря народовъ едва служитъ подпорою колеблющемуся престолу. Скиптръ въ рукахъ малодушнаго владыки есть тусклый, общаго погребенія, свѣточь, при печальномъ сіяніи коего непримѣтно сближаются повсѣмѣстныя бѣды; — что изъ самыхъ послѣдствій мы здѣсь увидимъ.

Бездѣйственное царствованіе Ѳеодора подобно было незыблемой влагѣ во блатахъ густѣющей, которая отъ

красныхъ, лѣтнихъ дней зарождаетъ въ ржавой тинѣ своей вредные пары, въ видѣ тумановъ, подъемлющїеся надъ рощами и холмами по зарямъ утреннимъ и вечернимъ, когда присудствуетъ глубокая тишина; пары сїи ссядаются на воздухѣ въ молнїеносныя тучи, и производятъ ужасныя бури; потемняя солнце, съ вихремъ, свистомъ, огнемъ и громомъ тучи напираютъ на землю, потрясаютъ твердѣйшими основанїями горъ, столѣтнїя сосны исторгаютъ вверхъ корнями и опустошаютъ многїя веси. Долгїя лѣта потребны на исправленїе внезапно причиненнаго ими разстройства: тако совершилося съ Россїею.

Между тѣмъ какъ помѣркалъ вѣнецъ на главѣ дремлющаго Θеодора, возникъ хитрый Годуновъ, и, яко кедръ горъ Рифейскихъ, касающїйся вершиною облаковъ, углубясь извилистыми корнями своими до преисподней, предсталъ онъ у престола его единъ, неколебимъ и могущъ. Хотя и не весьма знаменитаго былъ онъ рода, но духомъ Царь, — что и доказалъ. Напередъ изслѣдуемъ въ немъ подданнаго и потомъ удивимся въ немъ Государю.

Годуновъ былъ мужъ исполненный великаго ума и безмѣрнаго славолюбія, искусный вѣдатель двора, глубокій политикъ, неисповѣдимый въ своихъ намѣреніяхъ и гордый оныхъ исполнитель. Обольщать, уловлять въ свои сѣти никто такъ не умѣлъ, какъ онъ; бывъ хитрымъ дѣйствователемъ страстей своихъ, онъ умѣлъ прикрывать пріятною наружностію кипящую въ душѣ его пучину замысловъ дальновидныхъ; былъ лютый врагъ вельможъ и привѣтливый благотворитель народа; соединяя въ себѣ высокомѣріе съ снисхожденіемъ, жестокость съ человѣколюбіемъ, мщеніе съ великодушіемъ, коварство съ желаніемъ общаго добра, любовь къ добродѣтели, съ пагубною завистію къ добродѣтельнымъ, онъ былъ непостижимъ по симъ крайностямъ; былъ любимъ и ненавидимъ; всѣ бояра зложелательствовали ему, но во всемъ ему уступали, повиновалися, удивлялися и уважали его. Простосердечный Царь Ѳеодоръ, чтя въ Борисѣ Годуновѣ ближайшаго своего сродника (60), ввѣрилъ ему брозды правленія и обогатилъ его паче всѣхъ (61); онъ взиралъ на Государство очами Годунова, слышалъ гласъ народа его ухомъ

и былъ звукомъ его словъ (62). Сей *Вельможа Монархъ* имѣя въ Самодержцѣ своемъ перваго раба, дабы невозбранно надъ нимъ владычествовать, отторгнулъ отъ него трехъ, знаменитыхъ доблестїю, бояръ, коимъ мудрый Іоаннъ поручилъ малонадежнаго сына своего: да руководствуютъ имъ въ правленїи толь великимъ Государствомъ (63). Тайный царскїй совѣтъ, въ которомъ засѣдали избранѣйшїе по заслугамъ и достоинствамъ вельможи, маститою старостїю убѣленные и умудренные опытностїю, покорствовалъ силѣ Годунова, и творилъ волю его, не взирая на то, что онъ былъ изъ младшихъ онаго членовъ (64). Горе было тому, кто дерзалъ, хотя словомъ, воспротивиться Годинову! Тому уготованы были: ссылка, заточенїе, казни. Тако Борисъ царствуя въ лицѣ Ѳеодора, очистилъ себѣ путь къ престолу, убїенїемъ Царевича Димитрїя, — вѣщаютъ лѣтописи. Ни что не могло удержать его быстраго и надежнаго ко оному шествїя; хитрость его, сила, и возвышенность духа низвергали все, что бы ему ни срѣтилось. Наконецъ не стало самаго Ѳеодора и, — Борисъ явился въ его вѣнцѣ, по желанїю всего народа.

Гдѣ же сей злокозненный царедворецъ, который соединялъ въ себѣ и коварство де Гиза, и лукавство Ришелья, и лютую отважность Кромвеля? Гдѣ же Годуновъ? изчезъ въ немъ похититель престола, а явился Монархъ народолюбивый, благоразумный рачитель о щастїи подданныхъ своихъ. Онъ оградилъ Россїю отъ Поляковъ и Татаръ Крымскихъ; имѣлъ съ сосѣдственными державами твердые союзы; пекся о распростаненїи торговли; отвсюду призывалъ ко двору своему ученѣйшихъ мужей; отправлялъ Россїйское юношество въ чужїя земли, ради вящшаго просвѣщенїя; привелъ въ лучшее совершенство тисненїе книгъ, заведенное Царемъ Іоанномъ. Онъ первой здѣлалъ карту Россїйскаго Государства. Онъ позволилъ въ Россїи исповѣданїе всѣхъ вѣръ. Въ плачевные дни глада онъ отверзъ для народа свои житницы; въ злополучное лѣто мора, врачевалъ, изцѣлялъ, спасалъ людей отъ смерти. Благородное, чужестранное юношество за честь вмѣняло служить при немъ, въ числѣ его рынды (65). Наслѣдники царствъ (66) приходили ко двору его, стязаться о славѣ, быть его зятемъ. Порфирородныя

дѣвы желали нравиться сыну его. При немъ, Россія паки процвѣла, укрѣпилась, возвысилась. Царь Борисъ вкушалъ плоды хитраго правленія своего, и веселился сердцемъ, видя себя окруженна почтительными посольствами отъ всѣхъ державъ Европы и Азіи. Пиршествуя съ королевичами за златыми столами своими, огражденный блистаніемъ великолѣпнаго двора (67), онъ недоумѣвалъ кого изъ нихъ ощастливить супружествомъ съ прелестною Ксеніею; коего вѣнценосца дщерь удостоитъ избраніемъ въ супруги благонравному Ѳеодору, сыну своему (68); какъ вдругъ пролетѣла крылатая молва и прошумѣла вездѣ, будто Царевичь Димитрій живъ. Имя самозванца пронеслось по градамъ, какъ глухой въ дали громъ проурчалъ . . Борисъ подъ сѣнію своихъ лавровъ и оливъ, покоясь на персяхъ довольной имъ Россіи, неуважилъ симъ слухомъ.

Тако благонадежный странникъ, свершая цвѣтами испещренное поприще, подъ яснымъ майскимъ небомъ, при яркомъ сіяніи полуденнаго солнца, не вѣритъ, когда послышится ему вдали, подобный сиповатому стону, тихій пере-

катъ грома; полагаясь на присудствїе тишины, онъ невѣритъ, чтобы застигла его буря и — продолжаетъ путь свой. За высокимъ челомъ красивыхъ горъ и за пушистыми вершинами рощъ ему не видно возстающей грозы; но тогда уже начинаетъ онъ опасаться, когда шумный вихрь возмутитъ пыль столпомъ и вїясь вскрутится предъ нимъ на пути; тогда онъ озирается; но черная туча уже раскинула сизые крыле свои по всему обзору; тогда начинаетъ онъ искать прибѣжища, гдѣ бы укрыться; но уже поздно: заревелъ ужасный духъ бури; стихїи сразились; ихъ пламенные мечи засверкали въ густой мглѣ; трескъ грома разсыпался и унылый гулъ раздался въ вертепахъ; завыли лѣса, закипѣли рѣки, застонала земля; отчаянный странникъ не зритъ спасенїя, еще ударъ и — странникъ погибаетъ. — Тако послѣдовало съ Годуновымъ.

Древняя завистница Россїйскаго щастїя, всегдашняя ненавистница Москвы, властолюбивая Польша (69), во всякое время искавшая намъ бѣдъ, приняла въ свои нѣдра изверга естества, Отрепьева;

ухищренно признала въ немъ наслѣдника Россійскія державы, и дабы, — имѣя его своимъ орудіемъ, — самой ей, подъ благовиднымъ предлогомъ, вторгнуться внутрь Россіи, уязвить ея въ самое сердце, она ополчила сіе подлое изчадіе лжи и разврата своими силами и, какъ бы изъ пропасти адской, изрыгнула его въ Россію. Съ того времени начались всѣ злоключенія отечества, коихъ виною была приверженность Россіянъ къ законнымъ Государямъ своимъ. Обманутые Россіяне лжеименемъ Димитрія лучше хотѣли повиноваться мнимому наслѣднику престола, нежели завѣдомому похитителю онаго. Годуновъ смертію своею ускорилъ свое паденіе (70). Дерзостный Розстрига съ помощію Сигисмунда и Ватиканскаго владыки (71) вступилъ въ Москву. Хотя во знаменіе общаго бѣдствія свирѣпствовали вьюги, непогоды, мятели, въ самое время торжественнаго шествія его (72), но собственнымъ усердіемъ въ Польскія сѣти уловленный народъ съ восторгомъ бѣжалъ во срѣтеніе Лжецарю, простирая къ нему руки и радостныя восклицанія — Позорная гибель невиннаго семѣйства Годунова, была начаткомъ Царствованія злодѣя.

Едва успѣло воцариться чудовище, какъ Россія затрепетала, объятая отвсюду страхомъ. Внезапно зазвенѣли вездѣ цѣпи; темницы едва неразсѣлись отъ тесноты заключенныхъ; на площадяхъ показались плахи съ сѣкирами; открылись пытки, казни и Русская кровь потекла ручьями. Поляки и Нѣмцы, Розстригою приведенные, неистовствомъ обругали знаменитые домы Бояръ; пострадали цѣломудріе и невинность; не пощажена вѣра; попраны законы; поруганы обычаи и нравы; несмѣтныя сокровища, многими Царями, во многія лѣта, накопленныя, разточены на дары Королю Польскому, Воеводѣ Сендомирскому и на празднества при совершеніи позорнаго для Россіи брака Самозванцова съ развратною Мариною (73). Восторжествовали явно пороки: пьянство, наглость, ругательство, богохуленіе, отвращеніе отъ всего Русскаго, нетерпимая мудрыми, приверженность ко всему чужеземному, грабительство, насиліе, обида, неправда, навѣтъ; словомъ, всѣ злы, какія токмо адъ зародить удобенъ въ своей, плодовитой напастьми, утробѣ; всѣ различныя бѣды ежедневно являлись ради забавы Отрепьева, и повсюду преслѣдовали Рос-

сіянъ не щадя ни лѣтъ, ни пола, ни званія. Унылъ общій духъ, содрогнулась любовь къ отечеству, веселіе поникло во всѣхъ мѣстахъ. Злодѣйства Лжедимитрія превзошли долготерпѣніе твердаго, въ храненіи клятвы, Россійскаго народа.

Подобно незыблемой въ знойные дни тишинѣ, которая всегда бываетъ предтечею ужасной бури, настала мертвая тишина во всемъ царствѣ; негодованіе тлѣло въ раздраженныхъ сердцахъ; оскорбленные, скрѣпивъ уста, и преклонивъ долу пасмурное чело, таили кипящую въ груди скорбь. Потомъ, какъ возрождающееся журчаніе рѣки, промывающей удерживающую воды ея заплоту, началъ возставать мало по малу общій ропотъ; отъ досадъ прильпнувый къ гортани языкъ едва могъ трепѣщущимъ гласомъ произносить имя Лжецаря; наконецъ вспыхнулъ удрученный духъ гражданъ; всѣ возопіяли на неправды и беззаконія; зловѣщій звонъ набата возбудилъ мятежъ: — погибъ Самозванецъ. На Царство избранъ Боярами добродѣтельный Шуйскій.

Но тѣмъ непресѣклись бѣды Государства. Поляки распустили слухъ будто Лжедимитрій спасся отъ убіенія; упорно невѣрили истребленію Самозванца, дабы тѣмъ болѣе имѣть поводъ, изнурять Россію внутренними и внѣшними безпокойствами, а напослѣдокъ, и поработить бы ее себѣ. Отъ сего зловреднаго слуха, подобно мгновенно возрастающимъ главамъ Идры, начали непрестанно появляться новые Самозванцы и загорѣлась междуусобная брань. Въ пограничныхъ городахъ и на брегахъ Дона открылись кромолы, возмущенія, раздоры; шествуя исполинскими шагами изъ града въ градъ, изъ веси въ весь, они заражали все своимъ ядовитымъ духомъ и приближалися къ Москвѣ. Поляки подкрѣпляли Самозванцевъ своими войсками, и чего не можно было уловить обманомъ, то преодолѣвалося силою. Грабежи, разбои, раззорѣніе и всякаго рода злодѣйства опустошали грады и села; скорби и напасти, яко воды вѣсеннія, день отъ дня преумножаясь, разлились по лицу Россіи. Предательство, измѣна, заговоры, устремились на злощастнаго Царя, который въ отчаяніи своемъ прибѣгнулъ къ Швеціи и просилъ помощи

ея противъ клятвопреступнаго Сигисмунда, поборника по Самозванцамъ; но сїя вражїя помощь, за неслыханную плату купленная, токмо что усугубила бѣдствїя Россїи, наглымъ вѣроломствомъ, каковому нѣтъ примѣровъ. Словомъ, ни что не успѣвало во благо: ни мужество Князей, Прозоровскаго, Голицына, Лыкова и Кураккина; ни мудрыя увѣщанїя къ народу Патрїарха Гермогена; ни твердость Митрополита Филарета, въ горестномъ посольствѣ еще защищавшаго отечество. Ничто. Кровопролитнѣйшая война, какъ зараза разтекалась повсемѣстно и терзала Государство снаружи и внутри. Въ дополненїе мѣры таковыхъ напастей, великїй отечества заступникъ и надежный щитъ Царскаго дома, Князь Михайло Васильевичь Шуйской *Скопинъ* (74) окончилъ драгоцѣнные дни свои. Сладостная надежда Россїи, ревностный сынъ ея, Князь Андрей Ромодановскїй, ободраемы примѣромъ храбраго отца своего, сразясь съ Сапегою на поляхъ Рохманскихъ, умеръ славно, предъ очами родителя, безотрадною скорбїю сраженнаго (75). Въ Путивлѣ, Лжедимитрїй, Терскими и Донскими козаками произведенный, мучительски истребилъ

множество мужественнѣйшихъ бояръ, твердую ограду Московскаго Царства (76).

Россія плавающая въ собственной крови, обьятая со всѣхъ сторонъ пожарами; встрѣвожанная мятежами; оглушенная во всѣхъ концахъ своея державы набатнымъ звономъ и воплями разграбляемыхъ, посѣкаемыхъ, мучимыхъ чадъ; Россія рыдающая надъ тѣлами сыновъ ей любезныхъ, надъ тѣлами дщерей благонравныхъ, послѣ срама, смерти преданныхъ, надъ грудами тѣлъ младенцевъ, отъ сосцевъ матернихъ отторгнутыхъ и о камни разможженныхъ; Россія оплакивающая свое несносное сиротство и, купно съ симъ, стенящая отъ язвительныхъ ударовъ, коими поражали ее въ самую грудь собственные дѣти, сыны отпадшіе, куда ни обращала слезныя очи свои, вездѣ видѣла одно токмо крайнее бѣдствіе. Тамъ, цѣлыя области покорялися Самозванцу и жители ихъ тьмами тысячь (77) соединялися со врагами ея. Здѣсь первенцы ея, Бояра и Вельможи безстудно предавалися злодѣю ея Сигисмунду (78), который въ подкрѣпленіе созидаемыхъ имъ Лжецарей (79),

ввелъ въ предѣлы ея болѣе шестидесяти тысящъ воинства Литовскаго; измѣнники сїи направляли губительную руку его наносить отечеству ихъ самые вѣрные, смертельные удары. Далѣе, рабы подлые, совокупяся въ многосонмныя скопища, обогащалися грабежемъ, расхищенїемъ казны государственной, и возносилися наглостїю, истребляя все то, что доблесть вѣнчала титломъ благородства и что иногда самые иноплеменники щадили. Гдѣ были грады и села, тамъ, отъ плѣненїя Литовскаго и отъ разбоя собственныхъ злодѣевъ, лѣса поросли; дикїе звѣри по жилищамъ людей витать начали. Избѣгнувшїе смерти, скитались по дебрямъ, претерпѣвая гладъ и жажду, и укрывались въ логовищахъ, ввѣряя жизнь свою скорѣя звѣрямъ, нежели человѣкамъ. Всѣ пути, поля, брега рѣкъ и озеръ, дубравы и пепелища устланы были трупами Россїянъ, разнаго рода смерть прїявшихъ. Въ нещастнѣйшемъ Царѣ Россїя имѣла главу болѣзньми отягченную, и съ плечь катящуюся; вѣра и законъ не точїю кого изъ злодѣевъ удержать могли, но были поруганы до невѣроятїя (80). Не было никакого средства могущаго служить

преградою кровопролитїю, буйству собственныхъ измѣнниковъ, и самую Литву въ лютости превосходившихъ. Не было не токмо единодушїя, но даже были забыты, дружба, священныя узы родства и человѣчество.

Россїя приведена была въ такое состоянїе, что и самая надежда казалася для нее погибшею. Колико же дивны быть должны тѣ Ирои, которымъ обязана она спасенїемъ своимъ! мы видѣли славу ея и паденїе, теперь простремъ наши очи къ ея избавителямъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

О Князѣ Пожарскомъ и первыхъ его подвигахъ; о Козьмѣ Мининѣ и о спасеніи Отечества.

Въ то самое время, когда кровавое позорище отечества приводило въ трепѣтъ каждаго гражданина и всѣхъ, восходитъ на оное съ благородной отважностію, Князь Димитрій Михайловичь Пожарской, мужъ исполненный превосходнѣйшею доблестію; подобно свѣтилу небесному, посреди тучь блистающему, единъ явился онъ къ отрадѣ Москвы и Царя. Тогда надмѣнный Гетманъ Ружинскій осадилъ Москву, а Сапега Троицкой монастырь, откуда усердіемъ Архимандрита Діонисія доставляемо было въ столицу многое ей нужное; враги пресѣкли ей всякое съ сѣверными градами и монастыремъ сообщеніе, вознамѣрясь изморить осажденныхъ гладомъ. Измѣнникъ Сальковъ съ шайкою подобныхъ себѣ разбойниковъ вообще съ Поляками обсѣлъ нѣкоторые пути, отбивалъ везомый въ Москву хлѣбъ, и поразилъ посланнаго на него воеводу Сукина. Царь повелѣлъ Князю Пожарскому. — Ирою стоило токмо

узрѣть злодѣя, какъ уже былъ онъ имъ побѣжденъ, приведенъ къ Царю съ повинностію и пути къ продовольствію Москвы были очищены (1). — Се первый подвигъ храбраго Витязя. Россія, въ бѣздну нещастія почти со всемъ упадшая, удержалась, опершись на мужественную десницу Князя Пожарскаго; она преклонила къ персямъ его главу свою, отъ скорбей изнемогшую; въ безпредѣльной любви его къ себѣ почерпнула отраду, услажденіе и почитала присудствіе его единственною щедротою Небесъ.

И такъ срѣтая нынѣ Князя Пожарскаго на поприще славы, обратимъ къ нему внимательное око наше; принесемъ дань почтенія его рѣдкимъ добродѣтелямъ, виновницамъ безсмѣртныхъ дѣлъ его; и потомъ уже пойдемъ за нимъ чтобъ утѣшиться, ни съ чемъ несравненнымъ, зрѣлищемъ вѣчнопамятнаго *самимъ собою* пожертвованія, обще съ Мининымъ совершеннаго.

Князь Димитрій Михайловичь Пожарской отъ рода удѣльныхъ Князей Стародубскихъ, имѣвшихъ родоначальникомъ своимъ Князя Іоанна Всеволодо-

вича, меньшаго сына главнѣйшаго престола Россїйскаго (во Владимирѣ) державателя, великаго Князя Всеволода Юрьевича, зовомаго *великое гнѣздо* (2). Воспитанный по образу древнихъ Россїянъ въ строгихъ правилахъ страха Божїя и любви къ ближнему, Князь Пожарской возросъ въ чистотѣ нравовъ смиренномудрыхъ родителей; нѣга, роскошъ, праздность были ему чужды; но трезвость, преодолѣвающая страсти; но трудолюбїе и служба ратная, подъ надзрѣнїемъ отчимъ, укрѣпляли и духъ его и тѣло. Наставленїями и примѣрами ближнихъ глубоко вкорененная въ сердцѣ его любовь къ истинѣ, не нарушимое соблюденїе спокойствїя совѣсти, болѣе и белѣе служили къ возвышенїю сей великой души, коею особенно предъ всѣми современниками своими былъ онъ одаренъ, и которая во всѣхъ случаяхъ дѣйствуя скромно, повиновалась всегда разсудку и законамъ; непоколебимое мужество, пребывающее одинаковымъ даже и тогда, когда бы цѣлой свѣтъ потрясся на содрогнувшейся, отъ соединенїя всѣхъ бурь, оси своей, было ея первымъ свойствомъ; а благородное безкорыстїе, которое ищетъ награды сво-

ея въ одной токмо добродѣтели, которое полагаетъ все свое щастїе въ общемъ благѣ, и которое движимо будучи, — естьли можно такъ изъясниться, — достойнымъ благословенїя любочестїемъ: содѣлать отечеству болѣе пользы, нежели оно ожидаетъ, — было основанїемъ всѣхъ намѣренїй Ироя и достаточнымъ удовольствїемъ его по исполненїи оныхъ. Не терпящїй сладострастїя и высокомѣрїя, съ коими сопряжены неразлучно многїе пороки, онъ наблюдалъ во всемъ умѣренность и простоту; ибо судилъ здраво и видѣлъ, что пышною наружностїю человѣки не стяжутъ истиннаго почтенїя. По часту изслѣдуя себя и ничего неизвиняя себѣ, между тѣмъ какъ все прощалъ другимъ, онъ требовалъ отъ совѣсти въ дѣлахъ своихъ и даже въ помыслахъ отчета; въ ея одобрѣнїи прїобрѣталъ онъ величїе, которое окружало его всегда лучами яснаго свѣта добродѣтелей, свѣта въ немъ сущаго и изъ него сїявшаго. Доброта сердца, непревратное состоянїе души, единообразїе въ жизни, были доказательствами врожденнаго и воспитанїемъ усовершенствованнаго благоразумїя его. Величавая кротость увѣ-

чавала его чело; внутреннее спокойствіе блистало въ его очахъ; разительное само себя являющее превосходство, украшало его сановитость и сопровождало его по всюду. Собственное величіе его измѣняло его смиренномудрію и противъ воли его привлекало къ нему славу. Бывъ превыше всякаго славословія смертныхъ, онъ неискалъ даже и признательности ихъ; восхищался въ самомъ въ себѣ, когда могъ тайно благотворить человѣчеству. Никогда нелѣпыя черты гнѣва неизкажали его почтеннаго зрака; никогда уныніе неомрачало его взора, всегда свѣтлаго, какъ ясное, майское небо. Бывъ одаренъ такою пылкостію духа, которую токмо одна потребность открывала и коей все было удобно и возможно; такою осторожностію, которую ничто не могло внезапно застигнуть; такою прозорливостію, отъ коей ничто не могло укрыться; такимъ присудствіемъ духа, помощію коего въ самыхъ роковыхъ случаяхъ онъ провидѣлъ тотчасъ, что можетъ служить ко благу, и зналъ что дѣлать надлежитъ; такою рѣшимостію, которая далека была отъ опромѣтчивости и независела отъ медлѣнности; такою дѣятельностію, которую никакія

трудности, общее добро преградающія, утомить не могли, и чѣмъ онѣ паче увеличивались, тѣмъ болѣе дѣятельность его усугублялась; такою благоразумною храбростію, которая умѣла напередъ умалить опасность въ глазахъ ратниковъ и потомъ собственнымъ примѣромъ побуждала даже и послѣдняго воина смѣло подражеть ему въ сраженіяхъ; словомъ: бывъ великъ безъ гордыни, благосердъ безъ кичливости, твердъ безъ жестокости, сострадателенъ и и добротворящъ по врожденному влеченію, мужественъ безъ усилія, почитая долгъ своего званія и чистоту совѣсти дороже жизни, онъ совершалъ славные подвиги, какъ дѣла ничего незначущія и не примѣчалъ даже, чего они стоятъ. Отечество имѣло въ немъ — гражданина безпримѣрнаго; Царь — слугу вѣрнаго; цѣрковь — сына усерднѣйшаго. Таковъ былъ Князь Пожарской!

Сказавъ о свойствахъ сего достохвальнаго Ироя, обратимся опять къ дѣйствіямъ его.

Вскорѣ послѣ истребленія Салькова, открылись ему новыя побѣды, къ печали его, доставленныя быстрымъ стече-

нïемъ горестныхъ обстоятельствъ отечества. Поляки купно съ измѣнниками, подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго осадили Коломну; но были жестоко поражены воеводами, Княземъ Прозоровскимъ и Сукинымъ. Сïе пораженïе толико озлобило губителей, что они ополчась большею противъ прежняго силою, пошли вторично ко граду сему, съ намѣренïемъ отмстить нещадно, за уронъ свой; увѣдомленный о томъ Царь послалъ на нихъ Князя Пожарскаго, который недопустя супостатовъ за тридесять поприщь до града, срѣтилъ ихъ на поляхъ Высоцкихъ, при возникающемъ свѣтѣ зари утренней; разбилъ ихъ на голову, многихъ поплѣнилъ и взялъ у нихъ весь запасъ и казну (3). — Сей былъ вторый подвигъ сïяющаго именемъ и душевными достоинствами Ироя.

Между тѣмъ какъ день отъ дня Россïя погибала, и какъ отъ умысловъ Короля Польскаго, непрестанно и вездѣ являлись Самозванцы (4), подобно зловлïятельнымъ созвѣздïямъ, расточающимъ на землю болѣзни, гладъ, моръ, потопъ, трусъ и многïя иныя пагубы,

цѣлыя области подавлены были Литвою; всѣ грады предалися Тушинскому Лжедимитрію (5); Царю же только остались вѣрными: Казань, Новгородъ, Смоленскъ, Нижній Новгородъ, Переяславль Рязанскій, Коломна и Сибирскіе грады. Между тѣмъ какъ послѣ смерти Князя Шуйскаго *Скопина*, который мудростію своею и мужествомъ обуздывалъ буйные умы, нѣкокоторые изъ сановниковъ, снявъ съ себя личину, безстудно возстали на Государя своего, возбуждали на него воинство и предавалися Самозванцу; между тѣмъ какъ непостоянныя души вельможъ, того времени, колеблемы были шатостію, подобно мягкой травѣ степей, то сюда, то туда стелющейся, откуда повѣетъ вѣтръ, Князь Пожарской служилъ Монарху усердно, не имѣя никакой въ виду награды, а единственно по строгому правилу своему: свято хранить не токмо что присягу, но и данное слово. Тако поступая во всемъ честно, онъ возгнушался коварнымъ предложеніемъ одного изъ знаменитыхъ отверженниковъ, дерзнувшаго послать сродника своего въ то воинство, коего былъ онъ вождемъ, съ разными улещеніями: да подвигнется оное на Царя. Князь

Пожарской, яко неизмѣнныя вѣрности мужъ, презрилъ лукавые увѣты сильнаго сановника, и не уважа многомощнымъ его пронырствомъ, которое могло причинить ему великое зло, не токмо задержалъ присланнаго, но, вмѣстѣ съ мятежною его грамотою, послалъ на судъ къ Государю (6). — Сей третїй подвигъ служитъ урокомъ должной приверженности къ престолу.

Граждане подущаемые развратными навѣтами, соблазняемые улещенїями и подкупами, устрашаемые прещенїями, ежедневно отклонялись отъ Царя и предавалися второму Лжедимитрїю. Наконецъ уже и Коломна, обще съ Каширою и Зарайскомъ измѣнили: жители ихъ цѣловали крестъ Самозванцу и принудили къ тому градоправителей своихъ. Одинъ Князь Пожарскїй воеводствовавшїй въ Зарайскѣ, отрекся сея подлыя присяги и укрѣпился въ стѣнахъ града съ малымъ числомъ вѣрныхъ. Буйное многолюдство подобно напору вдругъ хлынувшихъ водъ, обступило его и угрожало смертїю; но чемъ было можно поколебать незыблемую твердость духа сего великаго мужа? Тако крѣме-

нистая гора изъ пучинъ морскихъ возносящаяся и превыше облаковъ подъемлющая вѣковѣчное чело свое, презираетъ удары волнъ окрестъ ее безплодно раздробляющихся. Князь Пожарской превозмогъ мятежниковъ доблестїю своею; удивилъ ихъ своею правдою; убѣдилъ ихъ своею вѣрностїю къ царю; успокоилъ ихъ своею мудростїю; утвердилъ въ тишинѣ и согласїи; вразумилъ служить усердно отечеству; пошелъ съ ними на супостатъ и собственно русскикъ злодѣевъ, и вездѣ оныхъ поражалъ: тако отпадшую Коломну обратилъ онъ опять къ должному повиновенїю законной власти (7). — Въ семъ четвертомъ подвигѣ виденъ совершенно великїй мужъ; видѣнъ Князь Пожарскїй.

Въ то время, какъ сей ревностный сынъ отечества тщился всемѣрно водворять спокойствїе и порядокъ въ мѣстахъ его пребыванїя, клятвопреступные Шведы измѣнили Россїи: оружїе нами въ оборону, у нихъ за дорогую цѣну купленное, обратили они на насъ же, и начали губить насъ безвинно и безщадно; къ тому еще открылося смятенїе въ Москвѣ, противъ Царя. Часть вельможъ,

зараженная злотворнымъ ядомъ самочинства и корыстолюбїя, изторгла изъ рукъ царскихъ кормило Государства, низвела Шуйскаго съ престола и, противъ воли его, онъ былъ постриженъ. Неслыханная въ Россїи власть седьмибоярства возникла, а съ нею купно возросли кромолы, предательство, коварство, измѣны, раздоры (8). Одни желали вручить державу отечества Владиславу, сыну Сигисмундову; другїя хотѣли воцарить въ Новѣградѣ родъ Густава Адольфа; иные дерзали простирать беззаконную руку свою ко скипетру; нѣкоторые подкрѣпляли Самозванца въ Тушинѣ, къ которому подъ Калугу пришла на помощъ сила Крымскихъ Татаръ. Самъ Сигисмундъ облекъ Смоленскъ двадесятью тысящами воинства и какъ дикїй вепрь, носящїй въ ребрахъ преломленное острїе копїя, свирѣпѣлъ на храбрыхъ, нездающихся ему Смольянъ; а между тѣмъ изрыгалъ внутрь Россїи всѣ напасти, какїя токмо злокозненный умъ его возмогъ изобресть. Онъ не уважилъ даже и святостїю посольскихъ правъ: взялъ подъ стражу и заточилъ въ темницу Бояръ, пришедшихъ къ нему отъ Московскаго царства, просить на пре-

столъ сына его; въ Россїю же послалъ къ воеводамъ своимъ позорнѣйшее велѣнїе: да раззоряютъ ее губительно; да умерщвляютъ людей. Въ то время, къ вѣчному стыду родовъ своихъ, нѣкоторые изъ Русскихъ вельможъ прославившїеся паче измѣною, нежели вѣрностїю къ отечеству, предательски отдали Москву Полякамъ (9). Тщетно было увѣщанїе къ Боярамъ Патрїарха Гермогена; сей мужъ святый скончалъ праведные дни свои, претерпѣвъ гладную смерть (10). Гетманъ Желковскїй вступилъ въ столицу, овладѣлъ ею совершенно, учредилъ вездѣ въ градахъ и судилищахъ своихъ сановниковъ, наложилъ на Россїянъ тяжкїя дани, изтязалъ ихъ муками, за дѣло, слово и даже за молчанїе; предалъ все роззоренїю, огню и мечу; разграбилъ древнїе царскїе сокровище и получивъ во власть свою Шуйскаго, злощастнѣйшаго изъ Царей, со всемъ семѣйствомъ его, яко узника, повлекъ за собою къ губителю Россїи Сигисмунду, подъ Смоленскъ, купно съ богатыми добычами (11). Оставшїеся въ Москвѣ Поляки изтощали всякаго рода злодѣйство и наглость: раззоряли церкви; раскалали иконы; святыя мощи правед-

ныхъ изъ гробовъ извергали; опозоривали обиталища чистыхъ дѣвъ, отъ міра отрекшихся; нещадили ни какой полъ, ни возрастъ; отъ безгласнаго младенца и до вѣтхаго старца, все подвергалося убїйству, поруганїю, искаженїю; лучшїя зданїя, составлявшїя лѣпоту града, зажигали для забавы (12). Воздухъ былъ раздираемъ то воплями мучимыхъ, то крикомъ буйствующихъ. Крайняя во всемъ нищета и отчаянїемъ омраченные умы, подобно тѣнямъ, скиталися, невѣдая сами куда несли ихъ ноги. Вѣрные сыны отечества, иные были погублены, иные на вѣчный плѣнъ въ Польшу отведены; изъ витязей, одинъ токмо Князь Пожарской оставался. Въ Троицкой Лаврѣ хотя и были еще два усердные сына Россїи, Архимандритъ Дїонисїй и Келарь Авраамїй, отразившїе Сапегу отъ святыя обители своея, но они отдавъ всѣ сокровища монастыря Царю, на государственныя издержки, ибо доходы царства давно уже прекратились, а расходы онаго часъ отъ часу умножались, ничемъ иначе вспомоществовать не могли уже, какъ токмо умоленїемъ Россїянъ: да защищаютъ отечество, елико возможно. Они увѣдомили

Князя Пожарскаго о плѣненіи Москвы. Ужасная вѣсть сія достигла къ нему въ то время когда онъ свободивъ Пронскъ отъ лютости Черкесъ и собственныхъ Русскихъ злодѣевъ, сражался съ Черкасами вторично подъ Зарайскомъ и тѣмъ свершалъ пятый свой подвигъ (13). Ирой отъ сея вѣсти вскипѣлъ негодованіемъ. Чтобы окончить скорѣя брань съ врагами Зарайскъ обступившими, онъ еще грянулъ на нихъ, и сокрушивъ ихъ, спѣшно пошелъ къ Москвѣ, съ воинствомъ ему преданнымъ.

Приближаясь къ сему страшному дню, въ которой едва не до конца погибло отечество, въ которой раззорена была Москва до основанія, и въ которой едва не разстался съ жизнію Князь Пожарской, защищая Россію, — мятется духъ отъ ужаса, перо падаетъ изъ руки, трепещетъ сердце въ груди, тяжкими дыханіями стененной! . . . . Нѣтъ! никакая кисть не можетъ изобразить всѣхъ бѣдъ, всѣхъ золъ, о коихъ вѣщаютъ лѣтописи! . . . . ниже человѣку на умъ не взыдетъ такого звѣрства, каковымъ прославились тогда Поляки! но не умолчимъ, повѣдаемъ;

да узрятъ и ужаснутся смертные; да вразумятся народы изъ сего жестокаго урока, какія пагубныя слѣдствія ведутъ за собою: нарушеніе клятвы, непокорство законамъ, непостоянство нравовъ и разрывъ единодушія, коимъ крѣпки царства, и безъ коего существовать они не могутъ; да видитъ потомство, что въ тѣхъ странахъ бываетъ, гдѣ вознесутся превыше себя, гдѣ усилятся вельможи лукавые, бояра высокомѣрные, царедворцы корыстолюбивые, сановники престолу и землѣ своей невѣрные. Я не хочу упоминать здѣсь именъ ихъ; и безъ того они начертаны глубокими, багровыми, неизгладимыми буквами въ *Лѣтописи о мятежахъ*; не хочу упоминать ихъ и потому, что правнуки прикрыли похвальными дѣлами беззаконія недостойныхъ прадѣдовъ своихъ.

Потребна была вся сила мужества и все изящество души великой, чтобы не предаться мертвому отчаянію, взглянувъ на страждущее, почти погибшее отечество, и спѣшить еще оному на помощь, съ вящшею храбростію: сіе токмо удобно было содѣлать Князю Пожарскому. Онъ подшелъ къ Москвѣ въ тотъ

роковый день, когда, по повелѣнію Короля Польскаго, Литовцы сговорились съ измѣнниками, побить всѣхъ Россіянъ и выжечь городъ. Какое безчеловѣчное зрѣлище поражаетъ очи Ироя! Славнопрестольный градъ побѣдоноснаго доселѣ Московскаго Царства объятъ во всѣхъ концахъ пламенными вихрями; віющійся клубами дымъ составляетъ надъ нимъ мрачное облако; рушатся высокія башни, разсыпаются твердыя стѣны, сокрушаются огромныя храмы. Окрестности покрыты пепломъ, и въ иныхъ мѣстахъ еще курятся огнища. Трупы мертвыхъ и толпы умирающихъ заграждаютъ путь. Бѣлый снѣгъ, одѣжда хладная суровой тогда зимы, багрѣетъ повсюду кровавыми лощинами; отчаянный народъ не взирая на лютость мраза, бѣжитъ изъ града не вѣдая куда, не дорогами, но прямо по снѣжнымъ долинамъ, и множество умираетъ въ сугробахъ. Младенцы замерзаютъ у оледенѣвшихъ сосцевъ матерей своихъ; старцы утопшіе въ снѣгахъ біются въ глубинѣ оныхъ и тщетно истощивъ слабыя силы свои, тутъ изнемогаютъ и умираютъ; полуобнаженные отроки и отроковицы, цвѣтъ юности и красоты, по родителямъ вспомоще-

ствующїе, то сродниковъ ищущїе, то ихъ лишившїеся въ общей сѣчи; или пожарѣ, погибаютъ отъ стужи; замерзаетъ кровь въ нѣжныхъ жилахъ; не могши слѣдовать за ближними, неимѣя болѣе силы идти, не свершивъ шага, они упадаютъ, томятся, издыхаютъ предъ очами ихъ, и тѣмъ сугубятъ общую горесть. Повсемѣстный стонъ, вопль, звонъ набатовъ оглушаютъ Пожарскаго. Ирой оцѣпенѣлъ, остановился отъ изумленїя, содрогнулся; бурный конь встрепенулся подъ нимъ, земля простонала, кажется весь мїръ поколѣбался: Пожарской пролилъ слезы. И сїя великая душа смутилась! и сїе твердое, адаманту равное, мужество несильно было отъ слезъ удержаться! — то какъ могла тогда не зыбнуться подсолнечнечная? — Когда Великїй мужъ страждетъ, должна то чувствовать вся природа.

Еще катились крупныя слезы сердоболїя по бледнымъ, отъ общея печали, ланитамъ Витязя; еще трепеталъ на Ироской главѣ шлемъ, отъ волненїя всѣхъ чувствъ, кипящихъ любовїю къ отечеству, любовїю оскорбленною, раздраженною злодѣйствомъ су-

постатовъ; еще звенѣли повода въ дрожещей отъ негодованія рукѣ, и ярый конь, сотрясеніемъ знаменитаго Всадника своего встревожимый, еще крутился, ржалъ, грызъ, опѣняя, сребряныя удила, и рылъ копитами снѣгъ, какъ открылось новое зрѣлище ужаса: воспылалъ Зачатѣйскій монастырь и высокая Алексѣевская башня съ шумомъ и трескомъ обрушилась. Все воинство Пожарскимъ ведомое невольно воздохнуло. Ирой ободрилъ оное своимъ одушевительнымъ взглядомъ, своимъ могущимъ словомъ, и какъ орелъ съ расмаху на стадо врановъ летящій пустился на враговъ въ Москву, въ храброю дружиною своею. Груды мертвыхъ тѣлъ, чернѣющихся въ кровавой топи по стогнамъ, и развалины сгораемыхъ зданій воспящаютъ его быстрому стремленію, грозя ему опасностьми; но ни начто не взирая, онъ простирается далѣе и далѣе. Проѣзжая чрезъ Китай узрѣлъ онъ почтеннаго старца, убіеннаго на развалинахъ дома своего; вѣтръ развѣвалъ окровавленныя сѣдины его; откинутая навзничь глава, съ полуотверстыми устами, казала Пожарскому знакомыя черты; Онъ позналъ въ нещастномъ, Бояриня Князя Голицына (14), усерднаго

сына отечества который и при послѣднемъ дыханіи просилъ Бога: помиловать Русскую землю. Ирой воздохнулъ о немъ и поспѣшалъ на подвигъ. Съ великимъ трудомъ достигъ онъ Срѣтенскаго стогна, нагрянулъ на свирѣпствующихъ тутъ злодѣевъ, отразилъ ихъ, прогналъ и пошелъ ко вратамъ Яузскимъ. Тамъ подкрѣпя своимъ мужествомъ Бутурлина и остатокъ сыновъ Россіи, подъ его начальствомъ сражавшихся, устремился за Москву рѣку, гдѣ весьма много вспомоществовалъ Колтовскому, изнемогавшему отъ напора тьмочисленныхъ Поляковъ. Отсюда чрезъ Бѣлой городъ, въ огнѣ пылающій, претекъ къ Веденскимъ стражницамъ и удержалъ неистовство губителей. Тако подвизаяся, спасая гражданъ отъ огня и меча, и подобно нѣкоему божеству, въ единое время появляющемуся то тамъ, то здѣсь, онъ сражался неотдыхая цѣлый день, всю нощъ и въ продолженіе другаго дня; онъ нечувствовалъ многихъ ранъ своихъ; не примѣчалъ ліющейся сквозь броню крови своея, васьма драгоцѣнной отечеству; неутомимый духъ его наконецъ долженъ былъ уступить человѣческой немощи; Пожарской отъ великихъ ранъ ослабѣлъ тѣломъ и за-

мертво упалъ на землю. Увы! и Пожарской изнемогъ! унылое отчаянїе, какъ тяжкїй яремъ, огрузило главы Россїянъ; всѣ зарыдали и побѣжали вонъ изъ града; обомлѣли, заплакали и самые старые воины; они обступили блѣдное тѣло Ироя, жадными очами искали въ немъ признаковъ жизни; примѣтя еще нѣкоторый оныя остатокъ, спѣшно вынесли его изъ Москвы, и яко сокровище многоцѣнное, укрыли въ Троицкомъ Монастырѣ, гдѣ Дїонисїй и Авраамъ прїяли его какъ священный залогъ Божїего промысла. Послѣ Пожарскаго уже нѣкому было защищать престольнаго града; безчеловѣчные Литовцы въ немъ укрѣпились захвативъ въ плѣнъ бояръ, а избивъ, всѣхъ прочихъ людей тогда сражавшихся и въ Кремлѣ, и въ Китаѣ, и въ Бѣломъ городѣ; всѣ посады выжгли и осадили Симановъ монастырь, гдѣ затворились избѣгнувшїе смерти граждане. — Вотъ чего стоилъ Пожарскому шестый его подвигъ (15), и вотъ въ какомъ состоянїи осталась послѣ него Москва.

Мы видѣли сїю пышную царицу Сѣвера во дни Іоанна, коль была она славна, велелѣпна, блистательна, многолюдна,

неприступна, страшна! Нынѣ же усыпана пепломъ, покрыта развалинами, уничижена, посрамлена, мрачна, пуста; стѣны ея разсыпаны; разрушенные врата громадою камней своихъ заграждаютъ путь, а вмѣсто оныхъ служатъ для сообщенія злодѣямъ вездѣ отверстыя проломы. Доселѣ ниспровергала она царства; царей у себя въ плѣну держала; налагала узы данничества на востокъ, на югъ и на западъ (16); по изволенїю своему возводила владыкъ на престолы (17); съ величавостїю могущей Властительницы принимала пословъ отъ первыхъ державъ въ свѣтѣ; посылала воеводъ своихъ карать непокорныхъ ей вѣнцѣносцевъ (18); доселѣ отъ всѣхъ странъ несли въ Москву дани; везли несмѣтныя сокровища, добычи побѣжденныхъ народовъ. Изобилїе собственной земли стекалося въ столицу отъ всѣхъ предѣловъ, какъ въ средоточїе, подобно рѣкамъ многоводнымъ, текущимъ въ неизмѣримую глубину моря; доселѣ во всѣхъ мѣстахъ раздавалися пѣсни веселїя, клики торжества, громы побѣдъ, словомъ: повсюду слышанъ былъ общїй гласъ народныя радости; а нынѣ, а нынѣ!... О! скорбное время напасти! о! время тяжкое общаго бѣдствїя! о!

горе всѣхъ золъ горшее! Москва нынѣ сама извергнута съ высоты своея славы; Царь ея отведенъ въ плѣнъ, заключенъ въ темницу, уморенъ преждевремянною смертїю, и, ради позора, погребенъ на разпутїи. Но сей позоръ, есть вѣчный позоръ Польскому народу и его лютому Сигизмунду, который, нарушивъ святость всѣхъ правъ, въ плѣненномъ царѣ, забылъ что самъ онъ Царь, и тѣмъ обнажилъ свое собственное ничтожество. Москва ни съ одимъ изъ побѣжденныхъ ею царемъ, толь народооскорбительно не поступила. Доселѣ послы ея съ великою честїю вездѣ прїемлемы были, а нынѣ ввергнуты въ темницу и во узахъ томятся гладомъ. Побѣдоносныя доселѣ руки Россїянъ, тѣ руки, коими разрушилися гордые престолы сыновъ Чингиз-хановыхъ, престолы Батыевъ и Тамерлановъ, мїру страшныхъ; сїи всепреодолевающїя во бранехъ и на всякїй трудъ досужїя руки, нынѣ отяжелели подъ бременемъ оковъ, подъ игомъ несноснаго рабства. Гдѣ Московскїе, важностїю царямъ, подобные Воеводы? иные избиты, иные изранены, иные въ Варшавскомъ заточенїи. Вмѣсто стяжанїя добычь, собственное досто-

янїе разхищено и увезено въ чужую землю. На мѣсто народовъ притекавшихъ, доселѣ въ подданство Московсковской державѣ, нынѣ сами Россїяне влекутся въ подданство Литовскому тирану; то скитаются по дикимъ пустынямъ, какъ распуганные звѣремъ агнцы. Вмѣсто велелѣпїя, нищета покрыла Россїю; вмѣсто изобилїя, по всемѣстный гладъ; вмѣздравїя, моръ; вмѣсто порядка, безначалїе; вмѣсто радости, зѣльная для всѣхъ печаль; вмѣсто пѣсней, стонъ и рыданїе; вмѣсто торжества, поруганїе; вмѣсто славы, студъ и срамъ. Все царство въ смятенїи; безъ Царя, безъ заступниковъ; какъ корабль безъ щеглъ, безъ кормчаго, носящїйся по треволненному морю, оставленъ на произволъ превратныхъ вѣтровъ и служитъ имъ игралищемъ. Не возможно изчислить всѣхъ бѣдъ, всѣхъ казней, какими постигнута была Россїя.

Въ ту ужасную годину недоставало слезъ человѣческихъ, недоставало вопля страждущихъ; замерло сердце народа; языкъ у каждаго оледѣнелъ въ гортани; запекшїяся уста едва отверзались для воздыханїя. Тогда, — ежели можно такъ сїе выразить? — вмѣсто людей, по всей Россїи, рѣки рыдали, дремучїе лѣса выли, зем-

ля стонала, трава отъ горя высыхала, листъ опадалъ съ древесъ отъ печали, цвѣты увядали отъ жалости, солнце и луна меркли отъ ужасныхъ позорищь. Тогда, какъ будто вѣтры отъ всѣхъ концевъ вселенныя навѣвали злоключенія на Россію, и мнится, будто самый воздухъ зараженъ для нее былъ печалію. Боже! уже ли еще не вся исполнилась мѣра бѣдъ ея? — Нѣтъ, еще не вся. Развратное и безпечное градоправительство Новгородскихъ Воеводъ, и несогласіе ратниковъ съ гражданами, служили поводомъ коварному Делагардію къ плѣненію сего древняго града и большей части сѣверныхъ предѣловъ Россіи. Вѣроломные Скандинавы, бывъ провождены подлымъ измѣнникомъ, вошли въ Новъ градъ ночью (19) и, какъ разъяренные тигры, стремящіеся на добычу свою, напали на сонныхъ и ни мало не готовыхъ къ оборонѣ жителей; начали все грабить, жечь и губить. Преодолѣвъ храбрую дружину Россіянъ, на прелесть ихъ нездавшуюся, мученически истребили, купно съ достохвальнымъ пресвитеромъ, побуждавшимъ оную защищать вѣру и отечество. Завладѣвъ градомъ и окрестностьми его, они принуждали

Россїянъ учинить присягу Королевичу Готѳскому, яко будущему Государю, и когда, послѣ присяги, обнадѣявшїеся на слово Шведовъ Новгородцы успокоились, мня, что внѣ всякой опасности находятся, тогда лукавый Делагардїе, съ хитрымъ намѣрренїемъ на нѣкоторое время изшедшїй изъ града, опять вступилъ во градъ и открылъ наглое свое мучительство (20); взялъ подъ стражу Митрополита и Градоправителей; истощилъ надъ жителями насилїе всякаго рода; терзалъ ихъ и выпытывалъ изъ нихъ признанїе о скрытыхъ имѣнїяхъ; ограбилъ весь градъ святохищнически; раззорилъ храмы Божїи, обнажилъ иконы и гробы святыхъ лишилъ благолѣпїя. Потомъ, отторгнувъ отъ Россїи Иванъ-городъ, Ямы, (Ямбургъ), Копорье, Ладогу, Тихвинъ, Русу, Порховъ, Гдовъ, Орѣшекъ и опустошивъ всю ингрїю, онъ неоставилъ безъ расхищенїя ни единыя церкви, ни единаго дворянскаго и зажиточнаго дома, ни въ коемъ градѣ, ни въ округѣ, и самыя даже свѣщи изъ храмовъ изнесъ. Симъ клятвопреступнымъ, злодѣйскимъ обманомъ собравъ безчисленные сокровища, онъ утекъ съ оными въ каменистую Скандинавїю, и

сїю бѣдную страну, а съ нею и себя, обогатилъ выше чаянія. Сверхъ того еще послалъ онъ воинство въ Холмогоры, дабы присоединить Архангельскъ и весь полночный край Россїи къ Шведскому королевству. Тако поступили съ Россїею тѣ самые Владыки, къ предкамъ коихъ доселѣ Іоаннъ посылалъ гнѣвныя, гордыя, угрозныя грамоты, отъ прага своего величества (*)

Къ довершенїю сего всеобщаго Московскому царству разоренїя, Сигизмундъ, не возмогши взять Смоленскъ силою, взорвалъ оный порохомъ, и храмы Жизнодателя содѣлались гробницею гражданъ; вмѣстѣ же съ Смоленскомъ онъ держалъ въ осадѣ и грабилъ города: Невль, Доргобужъ, Рославль, Почепъ, Трубческъ и прочїя близъ лежащїя къ нимъ области. Въ тоже время на югѣ Крымскїе татара и Запорожскїе казаки опустошали Украину и города Низовые.

Утолилось воображенїе; притупилось перо отъ исчисленїя толикихъ напастей!

(*) См. примѣчанїе (52), — первой книги.

онѣ превосходятъ всякое изумленіе! гдѣ конецъ сея страшныя цѣпи, сліявшихся золъ?. . . Всевышній! въ твоей десницѣ судьба вселённыя. Громы твои молчали, между тѣмъ злодѣйство губило человѣковъ! . . . . но нѣтъ не до конца ты прогнѣвался на Россію. Во оное то бурное время стона и плача ты явилъ надъ сею страною чудеса, твоему только всемогуществу свойственныя; ты показалъ народамъ земли, что искони тобою назначено для Россіи колѣно Царей досточестныхъ, великихъ, славныхъ, а нескудные Королевичи, утѣсненными гражданами, по неволѣ призываемые; и дабы совершить твой всеблагій о насъ промыслъ, ты избралъ конечно изъ сонма свѣтоносныхъ духовъ, непрестанно тебѣ служащихъ, оныхъ духовъ небесныхъ, носящихъ имяна добродѣтелей, чрезъ коихъ ты сообщаешъ міру твою благость и правосудіе; ты ниспослалъ къ спасенію Россіи и ея обновленію двухъ духовъ горнихъ: сіи заступники страждущихъ и каратели утѣшителей пришли къ намъ, одинъ паки во образѣ Пожарскаго, а другой вообразѣ Минина. Предъ ними изчезли враги наши, какъ дымъ предъ лицемъ вѣтра,

Они совокупили почти уже раздѣленное иноплеменными владычество Россіи; вновь устроили ее, вознесли и доказали всему свѣту, что самъ Богъ поборникъ Россу, и что Россъ, коль скоро воспрянетъ духомъ, то можетъ не токмо разрушать царства, но что онъ силенъ изъ праха создать новую монархїю; онъ можетъ изъ самыхъ развалинъ вновь основать свое отечество и прославить оное паче прежняго.

Хотя и раззорена была Москва, хотя и завладѣли ею, укрѣпясь въ ней, поляки; но сила Вышняго осѣняла святую обитель Преподобнымъ Сергїемъ основанную. Троицкїй монастырь, колико кратъ ущедрявшїй Москву своими богатыми пособїями, колико кратъ Литовцами осаждаемый и толико кратъ отразившїй отъ себя сихъ вездѣ злоуспѣшныхъ градоборцевъ (21), не подпалъ вражїему игу, не былъ въ рукахъ иноплеменныхъ. Въ немъ укрылося отъ погибели множество досточестныхъ бояръ и иныхъ приверженныхъ къ отечеству гражданъ. Въ семъ то преблагословенномъ жилищѣ мужей праведныхъ хранился корень щастїя Россїйскаго, возникали семена

Московскаго спасенія, отъ коихъ долженствовали родиться обильная жатва славы нашея и благоденствіе; тутъ пребывали часто упоминаемые два избраннѣйшія Богомъ ревнителя блаженства Россіи, усердствовавшіе возстановленію Московскаго престола: Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраамъ Палицынъ. Они разослали во всѣ города къ Болрамъ и Воеводамъ окружныя грамоты, въ коихъ описывая плачевное состояніе Москвы, молили ихъ собраться, соединиться и исторгнуть изъ губительскихъ рукъ царствовавшій градъ. Симъ возбужденные сыны отечества отъ Калуги, Переяславля, Коломны, Тулы, Владиміра, Казани и иныхъ градовъ, притекли къ Москвѣ и подъ предводительсшвомъ Князя Трубецкаго, въ дѣлахъ своихъ паче всѣхъ тогда изрядствовавшаго, учинили съ Поляками бой, разгромили ихъ, овладѣли Бѣлымъ городомъ, осадили ихъ въ Китаѣ и привели въ крайную тесноту. Но поелику Всевѣдущимъ Подателемъ благъ предуготованный день избавленія нашего отъ золъ Литовскихъ еще неприспѣлъ, и духъ Россіянъ, подобно злату въ горнилѣ, еще искушался бѣдами; — конечно по

Его же неизслѣдованному промыслу, и конечно ради вящшаго сїянїя, въ грядущїе за тѣмъ, свѣтлые дни наши; — то ратоборство Князя Трубецкаго и неимѣло продолжительныхъ успѣховъ; оные удержаны были несогласїемъ воеводъ и козачьимъ непокорствомъ.

Тогда открылось новое народоначальство изъ трехъ Бояръ составившееся (22). Сїи Трїумвиры были: Бояринъ Князь Димитрїй Тимофѣевичь Трубецкой, думной Дворянинъ Ляпуновъ и Казачей начальникъ Заруцкой. Гордостїю и ненавистїю упоены были ихъ сердца; а потому и можно ли было ожидать отъ нихъ общея пользы, которая бываетъ всегда плодомъ согласїя, взаимной помощи и единодушнаго раченїя о порядкѣ? На противъ того злотворное мѣстничество подстрѣкало каждаго изъ нихъ: домогаться первоначальства; претило повиноваться другъ другу, и содѣлывало ихъ паче врагами, нежели защитниками отечества. Трубецкой, по знаменитости и долговременству рода своего, усердствовалъ къ дѣламъ похвальнымъ, дабы стяжать славу и гнушался быти равенъ клевретамъ своимъ.

Ляпуновъ свыше мѣры своея вознесся хитростію и дерзновеніемъ; забывъ себя, обуянный гордынею, онъ оскорблялъ презорствомъ нетокмо юношей достодостойнаго рода, но даже и самыхъ первостатейныхъ, престарелыхъ бояръ; не допускалъ къ себѣ и принуждалъ ихъ ожидать себя предъ дверьми дома своего, за что пришелъ у всѣхъ въ ненавидѣніе (23). А Заруцкій былъ, скорѣе зміи грызущей Россію, нежели охранитель ея; онъ завладѣлъ многими городами и волостьми, раззорялъ ихъ, грабилъ, обогащался, далъ волю казакамъ своимъ роскошествовать и буйствовать, между тѣмъ какъ всѣ прочіе ратные люди, подъ Москвою стоящіе, умирали отъ глада; словомъ, онъ пилъ кровь Русскую. — Вотъ каковы были наши Маріи, наши Силлы, наши Крассы.

Въ толико лютомъ нещастіи Россіяне желали уже скорѣе избрать единаго государя, дабы избавиться троихъ пагуботворныхъ властителей, и намѣрены были сами послать къ Шведамъ, звать на царство Королевича Филиппа; ибо Сигизмундъ пословъ къ нему отпра-

вленныхъ держалъ во узахъ, сына своего Владислава не отпускалъ въ Россїю, а токмо губилъ ее нещадно и принуждалъ Россїянъ: дать ему вмѣстѣ съ сыномъ его присягу. — Но Заруцкой полагалъ учинить несравненно еще пагубнѣйшее избранїе: дабы захватить кормило царства въ беззаконныя, мерзостїю пороковъ оскверненныя, руки свои, злодѣй, взявъ сторону Марины, умышлялъ избрать Царемъ Московскимъ сына ея, гнусное изчадїе бракопреступной ея любви со вторымъ Самозванцемъ. Дерзостная Марина послѣ перваго Лжедимитрїя, во вредъ Россїи оставшаяся, тщилась всякаго рода злоухищренїемъ удержать титло Московскїя царицы; умыслы ея разпложались подобно тому, какъ отъ корня, громомъ сраженнаго древа, исходятъ многїе отрасли, возрастаютъ, высятся и разширяютъ свои густыя вѣтви елико удобно есть; и ежели рука попечительнагониваря не усѣчетъ ихъ, они одебелѣютъ, окрѣпятся и далеко по лугамъ раскинутъ мрачную, вредную злакамъ тѣнь свою.

Благомыслящїе мужи въ Москвѣ и въ подмосковномъ воинствѣ находившїеся, съ горестїю взирали на бѣдоносное ме-

жду начальниками нестройство, совершенно разрушавшее всѣ средства, споспѣшествовавшїя подкрѣплѣнїю блага общаго. Долго не приступая къ избранїю Государя, они еще умоляли ихъ: „быть „вь любви и единомыслїи; жаловать „людей по достоинству и заслугѣ, а „не чрезъ мѣру и безпорядка; взять „для содержанїя своего, по званїю своему, „отчины, а всѣ прочїя имущества при„числить къ имуществу казенному и „опредѣлить ихъ на содержянїе воин„ства, что бы какъ о людехъ въ вой„скѣ служащихъ, такъ и о прочемъ „многомъ, до устроенїя порядка касаю„щемся, сдѣлали они основательное по„становленїе (*). " Но гордость Трубецкаго и наглость Заруцкаго отвергли сей праведный гласъ народа, и токмо въ семъ то одномъ случаѣ согласовалося съ добродѣтелью надменное сердце Ляпунова, который не могъ равнодушно смотрѣть на хищенїе и неправды казацкїя; онъ требовалъ настоятельно что бы прозьба людей была исполнена; одна-

(*) Точные слова общаго моленїя къ военачальникамъ. — См. Лѣтопись о мятежахъ стр. 223.

ко въ томъ ни мало не успѣлъ, а паче тѣмъ озлобилъ противника своего Заруцкаго, устроившаго пагубный ему ковъ: Ляпунова убили казаки (24). Раздоръ сей былъ причиною еще иныхъ мятежей. Появившійся тогда новый Самозванецъ возмутя полнощную часть Россіи, приторгнулъ оную къ себѣ; вооруженою рукою захватилъ Псковъ и прислалъ въ Москву требовать крестнаго ему цѣлованія. Казаки Заруцкаго первые признали его Царемъ изъ единыя алчбы къ корысти. Но къ чрезмѣрному изумленію всего отечества и знаменитый мужъ, Трубецкой, съ воеводы и воинствомъ не токмо что учинилъ сему Лжедимитрію постыдную присягу, да еще и принуждалъ къ тому многихъ дворянъ, не хотѣвшихъ впасть въ толь подлое уничиженіе; они рѣшились лучше убѣжать изъ полковъ Трубецкаго, нежели присягнуть Самозванцу. Къ дополненію вѣчнаго стыда отправлено было изъ подъ Москвы ко Лжецарю чиновное посольство, съ признаніемъ его владычества и повинностію. Простимъ однако же сіе достойное соболѣзнованія преткновеніе Князю Трубецкому, какъ поспѣшному на службу отечества сыну; онъ первый при-

шелъ, по грамотамъ властей, исторгнуть Москву изъ рукъ злодѣйскихъ; онъ первый съ благородною отважностїю подъялъ карательный мечь на супостатовъ. Въ теперешнемъ же случаѣ, бывъ безсиленъ, не токмо удержать отъ присяги воинство, но и самъ не дерзая воспротивиться буйству онаго, нехотя послѣдовалъ онъ общему стремленїю (25). Да и что бы надлежало ему дѣлать въ таковой крайности?... Умереть, съ честїю умереть.....

Убїйство Ляпунова и недостойная присяга Самозванцу произвели въ воинствѣ недовѣрчивость, отъ чего всѣ приводцы полковъ разошлись изъ подъ Москвы и Князя Трубецкаго оставили съ малою ратью. Осажденные въ Кремлѣ и Китаѣ Поляки внезапно получили въ помощь свою Гетмана Сапегу и съ нимъ великое чесло запасовъ. Тако усилившїеся враги паки овладѣли Бѣлымъ городомъ, укрѣпились и, подобно исполину Анѳею (26), получили отъ земли своея новыя силы. Трубецкой вдругъ осажденъ былъ Гетманомъ Хоткѣвичемъ, и еще въ такое время, когда воинство его претерпѣвало во всемъ крайную нужду; ибо Заруцкой обличившїйся

явнымъ противникомъ общаго блага, недопуская до Москвы привозимую изъ городовъ казну, на жалованье военнымъ людямъ, заграблялъ ее себѣ съ казаками и, покровительствуя симъ наглымъ мятежникамъ, творилъ всѣмъ прочимъ тяжкія обиды; а тѣмъ самымъ многихъ ревностныхъ сыновъ Россіи изгналъ изъ воинства.

Недремлѣнно же бодрствовавшіе надъ отечествомъ достохвальные блюстители православныя вѣры, Діонисій и Авраамъ, отправили къ Трубецкому изъ Троицкаго монастыря послѣднее пособіе, съ трудомъ доставленное имъ изъ нѣкоторыхъ ближайшихъ городовъ; но притомъ ясно видѣли, что въ толь смутныхъ обстоятельствахъ невозможно было ожидать ничего лучшаго. Они положили, по совѣту духовнаго собора, съ бояры и дворяны, какъ прежде, такъ и вновъ укрывшимися въ монастырѣ, разослать въ третій разъ грамоты во всѣ концы Россійскія державы, со многимъ моленіемъ, о помощи Москвѣ противу иноплеменныхъ. Положивъ тако, они отправили изъ монастыря для збора ратныхъ людей, въ Ярославль и прочіе сѣверные города Боярина Князя Кура-

кина; а въ Володимїръ и во всѣ понизовые предѣлы стольника Бутурлина. Сїи то грамоты, какъ быстроводныя, глубокїя и великїя рѣки, разливающїяся по всему Московскому царству, пронеслись по всѣмъ странамъ и возбудили преогорченный духъ унывающихъ Россїянъ. Тогда то любовь къ отечеству воспылала неугасимымъ пламенемъ своимъ (27).

Но кто спасетъ отечество? Куда закатилось ясное свѣтило сладкїя всѣхъ надѣжды? Гдѣ Пожарской? Подъ благотворною сѣнїю Троицкїя святыни хотя и возвратился онъ къ жизни, однако не могъ еще подъять меча на пораженїе враговъ, и ради врачеванїя тяжкихъ ранъ, онъ уклонился въ сельское жилище свое, куда со слезами призвало его, несказанно сокрушавшееся о немъ, семейство его. Что же всего дороже было Ирою: собственное ли спокойствїе, въ нѣжныхъ обьятїяхъ благословенной супружеской любви, или спокойствїе Россїи? — Мы то увидимъ изъ самаго опыта.

Едва достигла увѣщательная грамота Нижняго Новагорода, то къ изумленїю всего народа, къ щастїю всего потомства, къ чести и славѣ не ток-

мо страны той, но и всего Русскаго царства явился там еще спаситель отечества. . . . . Не вельможа ли, родом и достоянїем знаменитый? . . . . Конечно кто ни есть из сильных земли? . . . . Нет. — Против всякаго чаянїя, является на поприще славы муж доселе безвестный, простой Нижегородской гражданин, имеющїй существованїе свое от бедного промысла. Но что до того, что не знаменита его порода, что он не от семени сильных мїра сего. Он знаменит своими добродетельми; велик паче всех сильных, своими приснопамятными делами. Не знатная порода, не богатство, не почести наделяют нас безсмертїем, соделывая кумирами потомства; но сущая доблесть; но труды и пожертвованїя ради отечества понесенные. Нетленным венцем праведныя славы, одни только личныя достоинства награждают человека, в каком бы состоянїи он ни родился. Стяжатель вечныя хвалы и благодарности, благотворитель отечества и дивный своим чрезвычайным подвигом Ирой, Козьма Минин, в том нас уверяет своим примером.

Въ оное страшное Россамъ время, время всеобщаго мятежа, кровопролитія и раззоренія; въ такое бѣдственное время, когда Король Польскій собиралъ новыя силы, дабы нанесть Россіи послѣдній, смертельный ударъ, и Король Шведскій угрожалъ ей таковою же опасностію; когда отъ внутреннихъ злодѣевъ ежедневно она уязвляема была жестоко и губительно; когда никто уже изъименитыхъ сыновъ ея ничего предпринять, къ спасенію ея, не дерзалъ, и когда всѣмъ казалась погибель ея неизбѣжною; въ сіе то грозное время ужаса и отчаянія, простой гражданинъ, имѣвшій скудный промыслъ и знаемый токмо въ кругу купеческаго сословія отчизны своея (28), рѣшается одинъ противустать всѣмъ огромнымъ силамъ враговъ Россіи; намѣревается удержать ихъ; предпріемлетъ одинъ защищать цѣлое государство. Кто бы неподумалъ, что такое смѣлое намѣреніе противно разуму и потому несбыточно? Но чего не можетъ предпринять и исполнить мужъ духомъ богатый, ревностный сынъ отечества? Тѣ токмо, кои бѣдны духомъ, токмо тѣ непростираютъ помысловъ далѣе тѣснаго ума своего и

чувтвуя себя совершенно смертными, отъ земли взятыми и въ землю обратиться долженствующими, тѣ недерзаютъ возводить тусклыхъ очей своихъ на свѣтозарную превыспренность небесныя тверди; душа же великая, постигающая свое благородное предопредѣленїе, распространяется на прошедшее, настоящее и будущее; обьемлетъ всю Вселенную и даже стремится въ круги тѣхъ отдаленнѣйшихъ звѣздъ, коихъ лучь отъ сотворенїя мїра и по днесь летящїй еще до насъ недосягнулъ. Все, все ей открываетъ ее безсмертїе. Она чувствуетъ, что существуетъ въ нѣдрахъ той всеобщей причины, коею все дышетъ, отъ коей получила она свое бытїе и съ коею пребудетъ во всю вѣчность. Чего неизполнитъ тотъ, кого само Провиднїе ниспосылаетъ, преобразовать случаи временъ, и кому оно поборствуетъ? Гнѣвъ Божїй тому предъидетъ и милость Вышняго пути его сохранитъ; непреоборимыя преграды предъ нимъ сокрушатся и беззаконїе ударовъ его неизбѣгнетъ; стопы его утвердятся на зыбяхъ и страшныя ополченїя падутъ отъ меча устъ его. Въ семъ удостовѣритъ насъ самое событїе. Но

что бы видѣть изъ какого чистѣйшаго источника добродѣтелей произтекло спасенїе отечества, то обратимся къ свойствамъ избавителя, — возведемъ почтительные взоры къ Козмѣ Минину.

Явленїе сего великаго мужа показуетъ намъ, что бывали и быть могутъ на позорищѣ мїра тѣ дивные человѣки, особливымъ превосходствомъ и нѣкою, владыкамъ свойственною, повелительностїю одаренные, которымъ все удобно повинуется и уступаетъ. Они являются въ такїе времена, когда надлежитъ, или основать новое царство, или возстaвить царство падшее. Сїи великїе преобразители лица земли тщетно скрываются въ толпѣ многолюдства, устраняясь отъ блестящаго великолѣпїя и уклоняясь отъ всего того, что могло бы представлять ихъ не только отличными отъ другихъ, но даже и примѣтными. Десница судьбы исторгаетъ ихъ изъ скромнаго ихъ укрытїя; препровождаетъ чрезъ всѣ препоны и опасности, ведетъ отъ предпрїятїя къ успѣху, отъ успѣха къ торжеству и возводитъ на самый вышшїй степень могущества. Нѣкое сверхъ естествен-

ное вдохновенїе изостряетъ ихъ помыслы; нѣкїимъ неутомимымъ и всѣ преграды преодолѣвающимъ дѣйствованїемъ одушевлено каждое ихъ начинанїе. Люди ищутъ ихъ посреди себя и не обрѣтаютъ; подъемлютъ очи къ небесамъ: тамъ зрятъ ихъ въ лучезарномъ свѣтѣ вѣчныя славы. И тако тѣ, на коихъ доселѣ взирали мужи буи, сердца хладныя, души низкїя, какъ на сыновъ дерзости и безумїя, тѣ содѣлываются Ироями безсмертными, дивомъ всѣхъ вѣковъ (*). — Вотъ въ чемъ состоитъ неоцѣненное и многочестное преимущество великихъ людей.

Невзирая на то, что Козьма133инъ родился, выросъ, и жилъ въ простомъ состоянїи; но свойства его весьма много согласовались съ вышеописанными свойствами Князя Пожарскаго: таже самая любовь къ истиннѣ, тоже смиренномудрїе, такое же соблюденїе чистоты совѣсти присудствовали въ сердце Минина, каковыми украшалося и сердце Пожарскаго. Мининъ будучи рожденъ отъ бѣдныхъ родителей, подобно Ироямъ древняго Рима, возросталъ на

(*) И *Суворовъ* будетъ дивомъ всѣхъ вѣковъ!

жестокомъ лонѣ нужды, въ суровыхъ обьятїяхъ труда. Твердое упованїе на Бога, составляло все его богатство. Заботливостїю обработанный, строгими опытами искушенный, и всегда на точномъ о вещахъ соображенїи основывающїйся умъ его, никогда невдавался ни въ какую крайность.褎 Мининъ неимѣлъ той величавой наружности, того разительнаго взора, кои обращали бы на себя вниманїе съ перваго взгляда; но подобно драгоцѣнному камню, въ грубой корѣ сокрытому, онъ непримѣтенъ былъ въ толпѣ народной. Лице его было сурово, какъ лице Брута; въ поступкахъ своихъ былъ твердъ, справедливъ, какъ Аристидъ; былъ молчаливъ какъ Хилонъ; но когда потребно было поддержать истинну, вступиться за невинность, тогда онъ отверзалъ уста, тогда гремѣлъ; ничего тщетно непроизносилъ, и что говорилъ, того никогда не стыдился; стыдился же иногда слышать, что другїе говорили и, по врожденной скромности, токмо что потуплялъ очи долу; ибо чуждался всякїя прй. Чему иные безмѣрно веселились, то едва удостоивалъ онъ своею улыбкою; что другимъ стоило горькой

печали, о томъ онъ только что воздыхалъ; но сей вздохъ несравненно значилъ больше, нежели вопли многихъ; ибо онъ тогда уже воздыхалъ, когда самое твердое мужество не могло болѣе скрывать страданія. Будучи усерднѣйшимъ къ вѣрѣ Христіаниномъ, онъ принадлежалъ совершенно Богу и ближнему, и жилъ такъ праведно, что всегда готовъ былъ предстать на страшный судъ предъ Сердцевѣдца. Всѣ помышленія и дѣйствія согласуя со тщательнымъ наблюденіемъ заповѣдей, онъ такъ образовалъ свои склонности, что никакая прелесть міра несильна была поколебать его цѣломудрія; душа его была святилище христіанскихъ добродѣтелей; отсюда то произтекала любовь его къ отечеству. Онъ видѣлъ, что вѣра имъ исповѣдуемая поругана; что человѣки, дѣти единыя съ нимъ церкви и потому его братія, утѣснены врагами иновѣрными, разорителями сея церкви; видѣлъ злодѣйство и не потерпѣлъ: скорѣе обрекся умереть, нежели взирать на безчеловѣчіе равнодушнымъ окомъ и, — началъ мыслить о спасеніи Россіи.

Подобно великому Катону, презрѣвшему все, что до его собственнаго блага касалося, но ревностно рачившему о благосостоянїи согражданъ своихъ,召Мининъ забывъ домъ свой, промыслъ, семѣйство, помышлялъ единственно о спасенїи отечества, и мысль сїя толь глубоко внѣдрилась въ немъ, что онъ не могъ ни вкушать пищи, ни сномъ наслаждаться, ниже заняться какимъ дѣломъ. Куда бы ни уединился, вездѣ представлялося ему страждущее отечество: оно представлялося ему иногда въ видѣ вдовицы сирой, бездѣтной, безотрадной, прикрытой рубищемъ позорнаго рабства; то въ видѣ жены изнемогшей отъ ударовъ мучителей ея, томящейся болѣзнїю, гладомъ и душевною скорбїю, всѣхъ золъ лютѣйшею; то въ видѣ падшей Царицы, отчаянной, съ распущенными власами, имѣющей на главѣ венецъ изъ полусокрушенныхъ стѣнъ составленный, въ дрожащей десницѣ преломленный скипетръ, зракъ слезами и кровїю обмытый, грудь змїями грызомую. Сей величавый призракъ вопїялъ къ нему непрестано: *спаси меня. Я Россїя.*

Постоянное, и никогда ему не измѣнявшее, благоразумїе научаетъ его пред-

принять основательныя и надѣжныя средства къ произведенїю великаго намѣренїя въ дѣйство. По долгомъ размышленїи, изысканїй, соображенїй и изслѣдованїй всего того, что нужно быть могло въ таковыхъ обстоятельствахъ, онъ заключилъ, что къ избавленїю царства потребенъ одинъ токмо человѣкъ; но такой, которой бы имѣлъ къ себѣ довѣренность народную; который бы извѣстенъ былъ, по самымъ опытамъ, своею честностїю, храбростїю и любовїю къ отечеству. Мысленно изчислялъ Мининъ всѣхъ бояръ, разсматривалъ всѣхъ вельможъ, сравнивалъ ихъ другъ съ другомъ, и, по весьма строгомъ разборѣ, предпочелъ паче всѣхъ стольника, Князя Димитрїя Михайловича Пожарскаго, который оказалъ многїя опыты любоотечества, храбрости и твердости во брянехъ за Россїю. Мининъ зналъ, что сей великїй мужъ находился въ отчинѣ своей, разстоянїемъ отъ Нижняго Нова града во ста два десяти поприщахъ; что онъ лѣчился тамъ отъ ранъ, Поляками ему нанесенныхъ, при защищенїи Москвы, (какъ то мы уже видѣли). Мининъ страшился только, чтобы болѣзнь невоспрепятсвовала Князю

идти на великїй подвигъ; но впрочемъ былъ несомнѣнно увѣренъ, что Князь неотречется цѣною крови своея искупить отечество; ибо онъ приносилъ уже жизнь свою на жертву оному. Въ семъ мнѣнїи утвердясь, онъ потекъ къ Пожарскому одинъ. — Толь важное дѣло всемѣрно таилъ онъ отъ всѣхъ до времяни (29).

Мининъ вступаетъ въ жилище Князя Пожарскаго. Глубокая тишина царствуетъ въ Княжескомъ домѣ, коего всю лѣпоту содѣлывала простота нѣкою величавостїю украшенная. Бывъ немедлѣнно допущенъ къ Князю, онъ находитъ его страждущимъ на одрѣ болѣзни. Въ головахъ близь Ироя, сидѣла прелестная Княгиня, нѣжная супруга его, пасмурная отъ печали, какъ луна въ осеннюю, темную ночь, едва сквозь облако свѣтящая; она плакала, какъ утренняя заря, туманами покрытая, ронитъ долу жемчужную росу свою. У ногъ Ироя стоялъ юный Князь Іоаннъ, сынъ его, съ поникшею главою, и неизреченная горесть души, сыновнею приверженностїю наполненной, видна была въ унылыхъ очахъ его, на отчїй зракъ устремлен-

ныхъ; златые кудри разсыпались по плечамъ его и подобіе Князя Пожарскаго составляло все совершенство благородной красоты отрока; но скорбь о родителѣ снѣдала его сердце; онъ подобенъ былъ цвѣтку холма, увядающему отъ зноя. Усердные слуги пекущіеся о здравіи обожаемаго ими господина благоговѣли у дверей храмины. Князь лежалъ въ стекольчатомъ теремѣ, надъ коимъ нависшія липы умѣряли тѣнію своею яркое, дневное сіяніе. Въ отверзтыя окна вливался прохладный воздухъ, цѣлебнымъ благоуханіемъ липъ разстворенный и освѣжалъ дыханіе томящагося болѣзнію Витязя; важность и почтеніе присудствовали у одра его. Такъ точно удалившееся отъ насъ солнце въ краткіе, зимные дни едва бросаетъ слабые лучи свои на унывающую природу; они скользятъ по льдамъ и скоро угасаютъ на вершинахъ снѣжныхъ бугровъ; но солнце всегда свѣтло и блистательно; оно ликовствуетъ посреди лучей своихъ и осіявая все, украшаетъ собою даже и самый хладъ зимы.

Мининъ вошедъ въ ложницу къ Князю внезапно былъ обьятъ такимъ

чувствованїемъ, какое испытывали смертные вступая въ храмы Боговъ. Да и кто бы, разумѣющїй чувствовать и мыслить; кто бы вошелъ къ Князю Пожарскому не ощутивъ впечатленїя нѣкоей неизъяснимой робости, происходящей отъ изумленїя, уваженїя и воспоминанїя о иройскихъ дѣлахъ его? — Это дань принадлежащая, и самою даже завистїю, невольно приносимая всѣмъ, необыкновеннымъ людямъ. Гдѣ великїй мужъ присудствуетъ, тамъ храмъ добродѣтели. Съ благородною привѣтливостїю, томнымъ голосомъ, Князь велѣлъ Минину приближиться, и коль скоро услышалъ отъ него, что рѣчь предлежитъ о важномъ *земскомъ дѣлѣ* (30), — остался съ нимъ на единѣ. Мининъ обьяснилъ Пожарскому, что онъ часто въ совѣтахъ купеческихъ говаривалъ съ согражданами своими о нещастїи народа Русскаго; о неспреведливости и безчеловѣчїй Литовцовъ и Шведовъ; о злонамѣренїи ихъ, изстребить вѣру и завладѣть царствомъ, и что нѣкїимъ образомъ давно уже расположилъ онъ гражданъ Нижегородскихъ къ старанїю о благѣ общемъ, только нуженъ имъ начальникъ мудрый, полководецъ храбрый.

Потомъ просилъ онъ Князя, вступиться въ *земское дѣло* и спасти Россїю.

Мысль спасти отечество, желанїе воспользоваться открывающимся къ тому случаемъ и врожденная наклонность, содѣйствовать щастїю людей, оживотворили Пожарскаго; огнь мужества заблисталъ въ слабыхъ зенницахъ очей его, румянецъ выступилъ на блѣдныя ланиты. Князь выслушалъ Минина и нашедъ въ немъ человѣка колико умнаго, толико и къ общему благу усерднаго, одобрилъ намѣренїе его; а съ симъ вмѣстѣ далъ ему слово, что онъ готовъ пролить послѣднюю каплю крови за отечество.

Такимъ то образомъ срѣтились двѣ великїя души, познались одна другою и соединились священными узами дружества. Пожарской видѣлъ себя въ Мининѣ, Мининъ видѣлъ себя въ Пожарскомъ, а оба едиными очами соглядали щастїе Россїи (*). Сему то благосло-

(*) О семъ достохвальномъ дружествѣ довольно обьяснено въ дополненїи къ дѣянїямъ *Петра Великаго* томъ 2, стр. 277 и 278.

венному единодушію воздадимъ Россіяне хвалу и благодареніе, зане имъ существуемъ мы до нынѣ.

Восхищенный согласіемъ Князя Пожарскаго Мининъ возвращается въ Нижній Новъ градъ. Тогда изъ Троицкаго монастыря приспѣла увѣщательная грамота, заключавшая въ себѣ всю силу краснорѣчія, каковое произвесть удобно сердоболіе объ отечествѣ. Мининъ за свое поведеніе, за добродѣтели, честность и разумъ былъ любимъ и почитаемъ всѣми согражданами своими. Онъ увидѣлъ что грамота привела въ умиленіе весь народъ, и сей пылкій жаръ сердецъ растроганныхъ употребилъ въ пользу. Мининъ собираетъ гражданъ на площадь; не можетъ болѣе воздержать пламенныхъ чувствованій своихъ; туча скорби повисла на бровяхъ его, и какъ огненная рѣка, душа его разлилась по народу; онъ восклицаетъ: „Граждане! „Россія гибнетъ; помощи нѣтъ ни от-„куда; а мы еще живы, живы — и не „спасаемъ отечества!“ — Съ симъ словомъ потоки слезъ протекли изъ очей его и покатились съ окладистой брады; голосъ отъ рыданія пресѣкся.

Потомъ вдругъ, какъ внезапно грянувшїй громъ, опять загремелъ: „Возстанемъ, пойдемъ, сразимся, умремъ, или „побѣдимъ. . . . Буде отечество и „православная вѣра любезны вамъ, то „не пожалѣемъ ничего; поднимемъ ратныхъ людей, отдадимъ все наше иму„щество имъ на содержанїе; но естьли „бы и того недостало: — продадимъ „домы наши, заложимъ женъ и дѣтей.... „и выкупимъ отечество изъ общея бѣ„ды. . . . . . друзья! . . . самъ Богъ „благословитъ наше начинанїе и при„мѣръ нашъ возбудитъ къ подражанїю „другїе города. . . . Но ежели мы и „помремъ защищая отечество, то *Онъ* „на небесахъ Царствующїй, Праведный „мздовоздаятель, наградитъ насъ вѣнца„ми мученическими. Помолимся ему да „низпошлетъ намъ мужа достойнаго, „которой бы собралъ воинство, устро„илъ оное, и пошелъ бы съ нимъ пря„мо подъ Москву, низложить враговъ „(31).“

Слова сїи, какъ молнїя проникли доблественную грудь Россїянъ; всѣ были тронуты, всѣ одобрили его предложенїе и между тѣмъ какъ всѣ единодушно по

вторяли, что они на все готовы; между тѣмъ какъ многолюдство, движимое восторгомъ разглагольствовало, хваляся одинъ предъ другимъ жертвовать всемъ, что имѣетъ, спасенію отечества; великій мужъ уловляетъ сію благопріятнѣйшую минуту, бѣжитъ въ домъ свой, и оттуда, сопровождаемый женою, дѣтьми и всѣми домочадцами, износитъ все свое имущество, и полагаетъ оное среди площади, воскликнувъ къ прочимъ: „Сносите братія! вотъ вамъ мой при„мѣръ!" Граждане на него взирая, понесли изъ всѣхъ концевъ города, каждый большую часть имущества своего; скажемъ лучше, что всякой несъ, что имѣлъ. Присемъ подвигѣ соприсудствовавшія дѣвы и жены снимали съ персей ожерелья, съ рукъ кольца и перстни, безцѣнные залоги вѣрности, милые дары любезныхъ друзей сердца; вынимали серги изъ ушей и полагали въ общую груду сокровищъ. Вдовицы приносили свои лѣпты. Матери приводили юныхъ сыновъ своихъ, послѣднюю надѣжду и отдавали на службу, вопія: „Вотъ вамъ все наше „сокровище; вотъ радость нашея души; „пусть идутъ спасти отечество, или „умереть." Бѣдные ничего неимѣвшіе,

существовавшїе единымъ подаянїемъ, снимали съ себя кресты и въ общую казну полагали. Въ нѣсколько часовъ гора богатсва, накопившаяся изъ злата, сребра, домашнихъ утварей, дорогихъ камней, жемчуга, монистовъ и множества иныхъ цѣнныхъ вещей, заняла всю площадь (32).

Откроемъ исторїю мїра, изслѣдуемъ: гдѣ, на которомъ листѣ, о какомъ народѣ сказано, что сдѣлалъ онъ такое пожертвованїе своему отечеству? Россїянамъ токмо принадлежитъ сїя честь и слава.

Собравъ казну грежданe начали совѣтовать: кого бы избрать предводителемъ воинства, изъ усердныхъ Нижегородцевъ составиться уже готоваго? Всѣ единогласно избрали Князя Пожарскаго, и тотъ же часъ послали къ нему Архимандрита Ѳеодосїя съ почетными старцами отъ народа. Сїи прибывъ къ болящему Витязю, обьявляютъ ему о достохвальномъ подвигѣ гражданъ Нижегородскихъ, и потомъ умоляютъ его, дабы вступился онъ за вѣру и отечество и принялъ бы на себя трудъ предводитель-

ствовать воинствомъ, готовымъ уже на защищенїе Московскаго государства отъ злодѣевъ. Возбуждаются почившїя въ иройскомъ сердцѣ добродѣтели; жизнодательнымъ жаромъ ихъ согрѣвается богатырская грудь; великая душа превозмогаетъ страждущую природу; забываются раны и болѣзнь. Князь Пожарской благодаритъ пришедшихъ и пославшихъ ихъ, за толь усердное ихъ радѣнїе объ отечествѣ, и охотно прїемлетъ исполнить просимое ими, съ тѣмъ токмо, чтобы они выбрали отъ себя человѣка, кому быть съ нимъ у такого великаго дѣла, кому бы собирать казну, раздавать и хранить оную. Но когда Архимандритъ и прочїе присланные сказали, что у нихъ нѣтъ такого человѣка, то Князь возразилъ имъ: „Есть у васъ Козьма Мининъ, той „бывалъ *чѣловѣкъ служилой*; тому дѣло „сїе заобычно (*).“ Нижегородцы вѣдая достоинства сего отличнаго согражда-

---

(*) Точное изреченїе Князя Пожарскаго. Слова сїи хотя и показуютъ, что Мининъ былъ чѣловѣкъ *служилой*, но въ исторїи ни гдѣ невидно, чтобы онъ находился когда либо въ ратной службѣ. Впрочемъ см. примѣчанїе (33).

нина своего, вящше обрадовались и, возблагодаря Князя, отбыли отъ него во градъ, куда коль скоро пришли, повѣдали обо всемъ народу и всѣ бросились просить Минина, чтобы принялъ на себя должность сїю. Благоразумный и скромный мужъ долго отрицался говоря, что дѣло сїе свыше силъ его; онъ просилъ избрать кого либо инаго, паче его достойнаго; но тѣмъ токмо усугублялося къ нему моленїе неотступно просящихъ. Мудрый Мининъ, уступая волѣ народа, преклонился на прозбу.

Ревность Нижегородцевъ толь была велика, что они тутъ же дали Минину приговоръ, въ которомъ между прочимъ начертаны были и сїи достопамятные и достохвальные слова: „не токмо что „у насъ имати животы, но жены и „дѣти наши продавати; а ратныхъ „людей содержать (34).“ Получивъ сей общїй приговоръ великїй Мининъ поступавшїй во всѣхъ дѣлахъ съ мудрою благосмотреливостїю немедлѣнно отослалъ оный къ Князю Пожарскому. Здѣсь надлежитъ упомянуть, что купно съ симъ приговоромъ Козьма Мининъ получилъ знаменитѣйшее титло, превосхо-

дящее всѣ высокопарныя, суетныя титла, изобрѣтаемыя напыщенною и никакихъ мѣръ себѣ неполагающею гордынею; титло: *избраннаго человѣка отъ всея земли* (35), которое развѣ одному названїю Отца Отечества уступить можетъ. — *Избранный человѣкъ отъ всея земли!* — Многозначащїя слова сїи не изображаютъ ли въ полномъ смыслѣ мужа одареннаго всѣми добродѣтельми, честь и славу всего государства? Титло сїе по всѣмъ правамъ принадлежало Минину. Но коль многочестно есть толико же и многотрудно заслужить довѣренность цѣлаго народа! Рѣдкїе цари симъ удостоены бывали, хотя и сидѣли на престолахъ; ибо многимъ изъ нихъ народы ихъ не довѣряли, что часто обнаруживала смерть. — Доказательство ясное: что не правомъ наслѣдства, не силою власти прїобрѣтается любовь народная; но добродѣтельми.

Князь Пожарской еще не совсѣмъ исцѣлясь отъ ранъ собирается въ Нижнїй Новъ градъ: онъ облекается во броню стали вороненой; опоясуетъ по чресламъ своимъ булатный мечь, на златыхъ, колчатыхъ цѣпяхъ висящїй; покрываетъ

главу сребрянымъ шлемомъ, обронною работою украшеннымъ, на коемъ по злату, въ насѣчкахъ, черневымъ искуствомъ представлено изображенїе Спасителя человѣковъ и покровителей Россїй, святыхъ ея Князей: Бориса и Глѣба (36); сей шлемъ, изящное дѣло рукъ искуства рѣдкаго, коимъ превозносится Устюгъ великїй. Ирой емлетъ полновѣсное копїе свое, коего троегранное острїе пагубно было Литовцамъ, и три краты сотрясая то копїе въ десницѣ, тѣмъ извѣдываетъ силы свои; онъ воздымаетъ огромный щитъ, златыми шипами по ободу осыпанный, оный знаменитый щитъ, который былъ стѣною Московскаго Царства, и на коемъ еще видны удары Польскихъ мечей. Ослабѣвшая отъ болѣзни рука едва можетъ совершить сїи богатырскїя опыты; тяжка была броня раменамъ, не малое время на одрѣ немощи покоившимся; шлемъ бременилъ еще блѣдное чело; но великая душа, ревностїю къ отечеству разженная, придаетъ тѣлу силъ. По древнему обычаю Россїянъ, во благочестїи воспитываемыхъ, и ничего безъ моленїя Вездѣсущему неначинавшихъ, Ирой просилъ помощи отъ Господа силъ, щедраго Подателя всѣхъ благъ и прїявъ

благословенїе пресвитера готовъ уже пуститься въ путь, какъ остановленъ былъ самыми непреодолимыми преградами, какїя токмо можетъ воздвигнуть природа: супруга и сынъ у ногъ его; рыданїемъ прерываемымъ гласомъ, они заклинаютъ его, всемъ что есть свято, неразлучатся съ ними, по крайнѣй мѣрѣ, до совершимаго выздоровленїя. Самыя нѣжнѣйшїя прозьбы, какїя только безпредѣльная любовь изрещи можетъ, изливаются предъ нимъ. Всѣ чувствованїя великаго мужа приведены въ смятенїе; онъ видитъ зѣльную горесть существъ ему безцѣнныхъ, существъ первыхъ для него по Богѣ, толико же безцѣнныхъ, какъ и само отечество; душа его пронзенна глубокими ощущенїями сильныхъ страстей: любви и чадолюбїя. Сердце его преклонилось на жалость; супругъ и отецъ превозмогаютъ въ немъ Ироя. Онъ подъемлетъ супругу и сына, заключаетъ ихъ въ обьятїя свои, прижимаетъ къ трепещущей груди и навернувшимися на вѣждахъ слѣзами отвѣтствуетъ горячности ихъ. Но внезапно отъ единыя мысли о погибающей Россїи, воскресаетъ въ немъ сынъ отечества и на-

поминаетъ ему долгъ его: отечество, — твой домъ, вопіетъ ему; граждане его, — родство твое; общее щастіе, — твое собственное; спокойствіе государства, — награда трудамъ твоимъ; а безъ того, нѣтъ для тебя свѣта, нѣтъ и жизни. Естьли нельзя будетъ побѣдить, умри, чтобъ не видѣть жены и сына въ позорномъ, Польскомъ рабствѣ. Сей внутренній гласъ потрясъ всѣ кости его. Мгновенно скрывается въ немъ супругъ нѣжный, отецъ чадолюбивѣйшій; скрывается единственный другъ и покровитель родства; гражданинъ ревностный, повелѣваетъ молчать всѣмъ прочимъ чувствованіямъ, кромѣ единыя любви къ отечеству, призывающей Ироя на подвигъ. Изчезаетъ человѣкъ борѣнію страстей подверженный, а является Ангелъ хранитель Россіи. Попирая все земное и временное, онъ стремится устроить общее бллго и стяжать вѣчную славу. И такъ уже ничто не можетъ удержать Пожарскаго; онъ поручаетъ промыслу Всевидящаго любезное семейство; оставляетъ домъ свой и достигаетъ Нижняго Нова града, гдѣ весь народъ ожидалъ его съ великимъ нетерпѣніемъ.

Пришествïе его во градъ произвело радость несказанную. Князь Пожарской совѣщаясь съ Мининымъ обо всемъ, яко съ другомъ и виновникомъ сего великаго дѣла, собралъ изъ посадскихъ Нижегородскихъ людей нѣкоторое число ратоборцевъ, на содержанïе коихъ, сверхъ снесеннаго имѣнïя, Нижегородцы положили, давать еще пятую долю со всѣхъ промысловъ своихъ; и сïя не большая дружина была первая, на избавленïе Россïи, Княземъ Пожарскимъ устроенная (37).

Быстропарящая молва возвѣстила многимъ странамъ о предпрïятïи великихъ мужей и о стеченïи къ нимъ воинства. Близь лежащïе города, а за ними и другïе, куда только вѣсть о томъ достигала, возревновали толь важному намѣренïю и восхотѣли имѣть во ономъ участïе. Смольяне, поселившïеся въ Арзамасѣ, Дорогобужане и Вязмичи прислали первые къ Нижегородцамъ съ прозьбою, о принятïи ихъ въ свое соединенïе. Ратные люди, разсѣянные по Россïи услышавъ, что Князь Пожарской собираетъ ополченïе, ради спасенïя Москвы, начали приходить къ

нему отвсюду. Россіяне, влекомые, известною всѣмъ доблестію сего преславнаго Витязя, стремятся къ нему, подобно стадамъ соколинымъ, слѣтающимся подъ густыя вѣтви долговѣчнаго Кедра, всегда зеленѣющаго на горахъ Гиперборейскихъ, коихъ кремнистая глава, облаками обвитая, теряется отъ зрѣнія, возносяся до небесъ. — Вскорѣ потомъ приспѣли къ Пожарскому Рязанцы и Коломничанѣ, изъ Украины же Казани и стрѣльцы.

Привѣтливость, безпристрастіе и благородное со всѣми обхожденіе Князя Пожарскаго ежедневно умножали число притекающихъ подъ его знамена. Къ нему съѣхались Бояра и Сановники отличные своими воинскими подвигами и высокими качествами: не утомимый во бранехъ и полезный въ совѣтахъ Князь Черкаской; искусный вѣдатель осаднаго дѣла Князь Пожарской, двоюродный братъ военачальника; пламенный въ бояхъ Князь Хованской; мужественный на приступахъ Князь Гагаринъ; глубокомысленный Мансуровъ; твердый въ ратныхъ трудахъ Димитріевъ; въ ужасныхъ сѣчахъ неустрашимый Левашевъ;

отважный преслѣдователь врага Мурза Кутумовъ; умомъ богатый дьякъ Самсоновъ; а съ ними и еще множество храбрыхъ дворянъ, изъ полковъ Московскихъ, дѣтей боярскихъ, казацкихъ Атамановъ и старшинъ (38).

Мудростїю и единодушїемъ руководствуемые два мужа, Пожарской и Мининъ, разослали по всѣмъ городамъ, куда было возможно, грамоты, въ коихъ описавъ достославное предпрїятїе свое призывали они всѣхъ сыновъ Россїи къ избавленїю отечества, и въ семъ общемъ дѣлѣ просили пособїя ихъ; а между тѣмъ возложивъ упованїе на помощь Вышняго, съ небольшимъ, но любовїю и согласїемъ укрѣпленнымъ, воинствомъ приготовились выступить противъ нѣсмѣтныхъ враговъ и собственныхъ отечеству измѣнниковъ.

Но ужели непремѣнно должна быть всегда и вездѣ гонима добродѣтель? Ужели человѣкъ, чемъ паче содѣлывается великимъ, тѣмъ болѣе долженъ страдать? Ужели дни великаго мужа непремѣнно должны быть въ опасности? Сїя временная жизнь ничто иное, какъ училище терпѣнїя, и тому надлежитъ всякой день бороться съ бѣ-

дами кто идетъ путемъ правды. Спускаться въ юдоль порока весьма способнѣе, нежели восходить на высоту добродѣтели; и потому то, порокъ болѣе имѣетъ подражателей, нежели добродѣтель друзей. Между тѣмъ, какъ порокъ манитъ къ себѣ, прелестїю страстямъ угождающею, тьмы послѣдователей, строгая добродетель, величественно шествующая къ благородной цѣли своей, возбуждаетъ на себя завистниковъ и гонителей; при всемъ же своемъ развратѣ порокъ хочетъ пользоваться честїю и славою; но поелику онѣ принадлежатъ единой добродѣтели, то, дабы отнять ихъ у нее, онъ прикрывается ея личною и на ея пагубу изобрѣтаетъ тысящи смертей..... Суетное покушенїе!..... Богъ зритъ сокровенная сердецъ и мужъ праведный что творитъ, во всемъ успѣетъ; лукавые же смятутся предъ нимъ, какъ прахъ возмѣтаемый вѣтромъ; они смятутся, умрутъ и невоскреснутъ.... Мы увидимъ, какїя ни были злоумышленїя на Князя Пожарскаго, но всѣ они были тщетны и пути нечестныхъ погибли.

Коль скоро услышали военачальники, стоявшїе подъ Москвою, о намѣренїи Князя Пожарскаго и о стеченїи къ нему ратоборцевъ, какъ въ тоже время возстали злоба и зависть, лютѣйшїя дщери ада, родившїяся въ плачевный день паденїя человѣческаго; вооружась доспѣхами смерти, онѣ вселились въ нечестивое сердцѣ Заруцскаго и распалили оное огнемъ Геены. Сей зломыслящїй Воевода, обще съ прочими измѣнниками, предвидѣлъ, что, когда Князь Пожарской усилится дѣйствїемъ общаго добра, тогда разрушится грабительская власть ихъ, и пресѣкутся имъ всѣ способы къ набогащенїю себя, а потому и предпринялъ онъ не токмо воспрепятствовать приращенїю воинства Князя Пожарскаго, но и самаго Ироя сего истребить. Того ради немедлѣнно послалъ онъ въ Ярославль многихъ отъ себя казаковъ, а въ подкрѣпленїе имъ отрядилъ еще новую рать, подъ начальствомъ сообщника своего Просовецкаго, которому велѣлъ, что бы захвативъ Ярославль и Сѣверные города, не далъ бы совокупиться Нижегородскимъ полкамъ съ Ярославцы, и убилъ бы военачальника Князя Пожарскаго. Но прозорливый Витязь сей коль скоро услышалъ

о походѣ Просовецкаго, немедленно отрядилъ родственника своего Князя же Пожарскаго съ частїю ратныхъ людей и повелѣлъ ему идти на спѣхъ въ Ярославль чтобъ предупредить Просовецскаго. Посланные съ ревностїю исполнили велѣнїе повелителя; спѣшнымъ приходомъ своимъ предварили пришествїе Просовецкаго, который услышавъ о томъ, не смѣлъ уже вступить въ Ярославль, гдѣ всѣ граждане радовались прибытїю Нижегородскаго воинства и выдали оному касаковъ Заруцкимъ присланныхъ (39).

Князь Пожарской продолжая путь свой къ Ярославлю вездѣ срѣтаемъ былъ съ великою честїю и радостїю. Въ Болохнѣ граждане снесли ему на подмогу столько казны, сколько собрать у себя могли. Туда же пришелъ къ нему подъ начальство мужъ испытанныя храбрости, Матвѣй Плещеевъ, и съ нимъ полкъ ревностныхъ отечеству дворянъ, изъ разныхъ, многихъ городовъ собравшихся. Въ Юрьевѣ Повольскомъ присоединилося къ полкамъ его множество Юртовскихъ татаръ, и отъ Юрьевцевъ поднесено ему было, на содержанїе воинства, великое богатство. Но тщетно было его ожиданїе помощи отъ Казани (40); призыв-

ная грамота, туда имъ присланная, не имѣла желаемаго успѣха.

По пришествїи Князя Пожарскаго на Ремшу предстали ему посланные отъ Князя Трубецкаго, отъ лукаваго Заруцкаго и отъ всего Подмосковнаго ополченїя. Въ грамотахъ своихъ изъявляли тѣ военачальники, между прочимъ, разскаянїе свое въ томъ, что цѣловали они Крестъ Лжедимитрїю и призывали Князя Пожарскаго со всею ратїю его подъ Москву, увѣряя притомъ, что съ дружбою и любовїю ожидаютъ его. Посланїе сїе и увѣренїе со стороны Заруцкаго были злокозненны. Князь же Пожарской и Козьма Mининъ, по свойству великихъ душъ своихъ, отвѣтствовали имъ съ искренностїю, что они усердно идутъ къ нимъ на помощъ, дабы общими силами избавить отечество отъ Польскаго губительства, и очистить Москву отъ злодѣевъ. Облагопривѣтствовавъ и одаривъ пословъ, отпустили ихъ съ честїю, а сами Ирои продолжали путь свой до Костромы.

Здѣсь открывается новый умыслъ на жизнь великаго мужа. Вышедшїе изъ града, во срѣтенїе Князю, жители обьявили ему, что Воевода ихъ, надмѣнный

Шереметьевъ, съ единомышленниками своими, вознамѣрился убить его и не допустить воинства во градъ. Ирой не неуважилъ сею вѣстїю и презрилъ злымъ умысломъ. Возблагодаривъ Минина за дружеское о немъ его участїе и охраненїе, которое онъ изъявилъ ему въ совѣтахъ своихъ, пошелъ въ Кострому неостановляясь и расположился на посадѣ. Жители града сего находились въ смятенїи: одни были за едино съ Воеводою, другїе желали принять Князя Пожарскаго; послѣднїе превозмогли первыхъ. Наконецъ ожесточившїяся на Шереметьева граждане, низринули его съ воеводства и въ ярости своей хотѣли убить; но великодушный Пожарской самъ приспѣлъ спасти жизнь врага своего. Онъ избавилъ Шереметьева отъ неизбѣжной смерти (41). Вотъ какъ мстятъ великїе люди за зло имъ уготованное. Кого не поразитъ такое благосердїе! Костромичи, изумленные симъ поступкомъ Ироя, приверглись къ нему всею душею и просили себѣ на мѣсто Шереметьева другаго Воеводу. Князь подумавъ о семъ съ Мининымъ, далъ имъ Князя Гагарина. Тѣмъ прекратилось Костромское смятенїе, кото-

рое могло бы имѣть бѣдственное послѣдствіе.

Суздальцы прислали въ Кострому просить Князя Пожарскаго: да защитить ихъ отъ грабительства Просовецкаго и Казаковъ его. Онъ послалъ на измѣнниковъ брата своего Князя Пожарскаго же. Наперстникъ Заруцкаго Просовецкій, услышавъ о приближеніи къ Суздалю вождя сего, стремглавъ побѣжалъ къ Москвѣ.

Князь Димитрій Михайловичь, куда ни приходилъ, вездѣ благопривѣтливымъ обращеніемъ своимъ плѣнялъ сердца людей. Костромичи принесли къ нему сокровища свои, на содержаніе воинства, и провожали его какъ отца. Ярославцы, послѣдуемые многими толпами народа, собравшагося изъ отдаленныхъ странъ, вышли далеко отъ града во срѣтеніе Князю, съ великою честію и дарами; но Ирой, чуждый всякія корысти, принявъ усердіе ихъ съ живѣйшею благодарностію, отрекся отъ представленныхъ ему богатыхъ даровъ (42).

Въ Ярославль стекалась къ нему изъ многихъ мѣстъ Россійскаго государства знаменитая помощь, какъ военными людьми такъ и деньгами. Два великіе

мужа, по совѣту другъ съ другомъ, разсудили пребыть въ семъ градѣ на нѣкоторое время, дабы, для достиженія цѣли своея, согласить всѣ средства съ тѣми важными обстоятельствами, какія во время шествія ихъ имъ открылись (43).

Между тѣмъ какъ пребывали они въ Ярославлѣ, приспѣла вѣсть, что, сообщники Поляковъ, Черкесы пришли въ немалой силѣ, и обступили Антоніевъ монастырь. Пожарской послалъ на нихъ Князей Черкаскаго и Троекурова; но Черкесы увѣдавъ о семъ, недождались воинства Русскаго, побѣгли къ своимъ предѣламъ. Въ тоже время посланный предъ симъ, братъ военачальника, Князь же Пожарской, для избавленія Пошехонскаго края отъ губительства и насилія Козаковъ Заруцкаго, одержавъ надъ грабителями полную побѣду, водворилъ тамъ совершенное спокойствіе.

Производимое Казаками грабительство въ Угличѣ и другихъ городахъ побудило человѣколюбиваго военачальника послать на нихъ Князя Черкаскаго, съ

такимъ однако же снисходительнымъ повелѣнїемъ, которое показуетъ свойство Ироя благосердаго; оное заключалось въ томъ, дабы отправляющїйся Воевода тщился всемѣрно смягчить ихъ жестокость, усовѣстить ихъ непоражая громомъ оружїя. Но казаки, яко мятежники необузданные, развращенные примѣромъ буйства начальника своего Заруцкаго, вмѣсто послушанїя и смиренїя ополчились, напали на Князя Черкаскаго вражески, покушались истребить весь отрядъ его и съ нимъ купно; однако искуствомъ и храбростїю Князя сего были совершенно разбиты и многїе взяты въ плѣнъ. Четыре Атамана добровольно предались побѣдителю, который съ торжествомъ возвратился къ Князю Пожарскому. Сей, опытный цѣнитель трудовъ; принялъ его съ уваженїемъ и воздалъ ему предъ всемъ воинствомъ велїю честь. Князь Пожарской изъ Ярославля посылалъ воеводу Наумова въ Переяславль, также по жалобамъ на обиды и насилїя, чинимыя тамъ казаками Заруцкаго; злодѣи были изгнаны, и Переяславль укрѣпленъ.

Сїяющїй своими добродѣтельми Князь Пожарской, тако защищая утесненныхъ,

успокоивая мятущихся, водворяя миръ въ мѣстахъ наглостію злодѣевъ отечества встревоженныхъ, благодѣтельствуя просящимъ помощи, услаждая справедливостію своею обиженныхъ, ущедряя и привѣтствуя всѣхъ притекающихъ къ нему, прощая даже врагамъ своимъ, посягавшимъ на жизнь его, недолженъ ли былъ находиться въ совершенной безопасности? — Ибо, благотворителю человѣчества чего страшиться? — Любовь общая и почтеніе должны вездѣ срѣтать его, а благодарность и благословеніе послѣдовать за нимъ отвсюду..... Но увы! есть въ мірѣ такіе злые сердца, которые смотрятъ на добродѣтель звѣрскимъ окомъ. . . Въ то самое время, когда великій нашъ Ирой расточалъ благодѣянія свои на все отечество, Адъ, изчадіемъ своимъ Заруцкимъ наущенный, вспомоществуя сему чудовищу во всѣхъ нечестіяхъ его, самъ Адъ, въ своей бѣзднѣ кромѣшной, гдѣ пышутъ неугасимымъ огнемъ Геенны тѣ страшные горны, въ коихъ Сатана раскаляетъ руды золъ и обмакая ихъ въ желчь Фуріями изрыгаемую, куетъ на наковалнѣ, изъ череповъ злодѣйскихъ съ твердѣйшими металлами сплоченой: бѣды,

скорьби, напасти, печали и всѣ пагубы, на сокрушенїе рода человѣческаго; самъ Адъ сковалъ Заруцкому ножи на закланїе Князя Пожарскаго. Роковая минута убїйства, всей Россїи смертоноснаго, уже приближилась. . . . Боже! твое всевидящее око зритъ при самомъ непроницаемомъ мракѣ ночи, какъ жмется змїя подъ камнемъ и какъ скопляется ядъ въ ея утробѣ! уже ли ковы Заруцкаго могли сокрыться отъ Тебя? . . . . . Разсѣй тьму лукавыя души, обличи ея коварство и отжени смерть отъ благотворителя человѣковъ!

Между тѣмъ какъ вѣчнопамятный заступникъ отечества занятъ былъ устроенїемъ общаго щастїя, Заруцкой бракосочетался съ Мариною, женою двухъ истребленныхъ Самозванцевъ, самонарекшеюся женою Самозванца третьяго, во Псковѣ жившаго, — котораго она даже невидала никогда, — и матерїю Самозванца четвертаго.

Развратница сїя принуждала Заруцкаго завладѣть Москвою и объявить себя Царемъ. Злодѣй давно уже и самъ

о томъ мѣчталъ, но съ сего времени напрягъ къ тому всѣ свои силы; а поелику видѣлъ ясно, что Князь Пожарской до исполненія толь дерзостнаго и горестнаго Россійскому государству предпріятія недопуститъ его, то прибѣгъ онъ къ такому средству, которое обыкновенно изверги естества употребляютъ въ помощъ свою. Досадуя на первую сего богопротивнаго убійства не удачу, Заруцской, уже не Просовецкому поручилъ, пролить кровь добродѣтельнаго Витязя, а послалъ для того нарочно изъ Москвы въ Ярославль двухъ казаковъ, рѣшившихся непремѣнно погубить Князя Пожарскаго. Злодѣи сіи имѣли въ воинствѣ Ярославскомъ сообщниковъ, изъ коихъ одинъ былъ приближенный ко Князю и имъ облагодѣтельствованный; и потому они твердо уповали свершить толь пагубный для всей Россіи ударъ. Злоумышленники положили, съ общаго согласія всѣхъ адскихъ силъ, поразить Князя Пожарскаго въ тѣснотѣ многолюдства. Отъ единыя мысли о семъ злодѣйствѣ трепѣщетъ сердце! . . . Въ тотъ самый часъ когда Князь Пожарской выходилъ изъ сонма Воеводъ для осмотра отправляемаго имъ подъ Мо-

скву *большаго снаряда* (44)(*), одинъ изъ казаковъ взялъ его въ двѣряхъ подъ руку, чтобы свѣсти съ лѣствицы...... Цѣпенѣю отъ ужаса!... Всесильный!... Защити Заступника отечества!...... Въ тотъ самый часъ отважнѣйшїй изъ заговорщиковъ бросился съ ножемъ на Князя Пожарскаго... Но дезница Жизнодателя отразила сей губительный ударъ.... Чудовище хотѣло поразить великаго мужа подъ сердце; но смертоносный, адской ножъ миновалъ Ироя, а поразилъ козака, его вѣдшаго. Князь Пожарскїй не мало не мысля, чтобы ударъ сей могъ быть направленъ на него, отнесъ все оное къ неосторожности и хотѣлъ продолжать шествїе свое; но внѣзапно взволновался народъ; любовь общая къ нему недопустила его идти далѣе, вопїя: „Постой, нашъ отецъ! „Враги наши, враги отечества, противники Божїи, хотѣли тебя убить!“ — Злоумышленники были схвачены и допро-

(*) *Большимъ снарядомъ* называласъ въ старину *Артиллерїя*, а начальникъ надъ оною назывался: *Воевода отъ снаряда*. См. Словарь исторической Г. Татищева, стр. 258.

шены народомъ; они признались во всемъ; народъ хотѣлъ растерзать ихъ на части; но благосердый, но богоподражательный Князь Пожарскій удовольствовался только тѣмъ, что однихъ приказалъ отослать въ края дальные, а другихъ взять съ собою подъ Москву, для изобличенія виновника сего злодѣйства; и то, не для своей собственно, а ради всеобщея предосторожности. Можно сказать здѣсь предварительно, что изверги повинилися и подъ Москвою, предъ всемъ воинствомъ, въ покушаніи на убійство Князя Пожарскаго, и что были они посланы отъ Заруцскаго (45). Россіане, преогорченные и раздраженные таковымъ несказаннымъ зломъ, которое почитали они весьма себѣ тяжкимъ и всей странѣ пагубнымъ, хотѣли непремѣнно, лишить злодѣевъ жизни, но Князь Пожарскій удержалъ ихъ, и убійцамъ своимъ даровалъ свободу. Таковое едва имовѣрное великодушіе превышаетъ всякую хвалу, одно токмо безмолвное удивленіе, съ благоговеніемъ соединенное, можетъ замѣнить оную.

Сіе произшествіе остановило еще на нѣсколько времени великихъ мужей

въ Ярославлѣ, и принудило ихъ взять должныя предосторожности. Тогда Князь Трубецской, — которому, объ опасности Князю Пожарскому предлежавшей, еще не было извѣстно, — узнавъ съ одной стороны явное предательство и дерзновенные замыслы на Россїю, товарища своего Заруцскаго и грабительства казаками его, по его волѣ чинимыя въ разныхъ городахъ; а съ другой стороны извѣщенъ будучи, что поднимается на Москву новая отъ Польши туча; что Сигисмундъ составилъ несмѣтную силу изъ Поляковъ, Литовцовъ, Венгровъ, Нѣмцовъ и изъ наемныхъ войскъ иныхъ земель, и что сїя сила вражїя подъ предводительствомъ Гетмана Хоткѣвича вступила уже въ Россїйскїе предѣлы, оставляя повсюду ужасныя знаки самой жестокой лютости; Князь Трубецской прислалъ къ Князю Пожарскому на спѣхъ, съ убѣдительною прозбою, дабы онъ шелъ къ Москвѣ елико можно поспѣшнѣе. Страхъ и трепѣтъ, грядущїе предъ Польскимъ ополченїемъ, повергли Подмосковное воинство въ унынїе, и побудили самаго Авраама Палицына, неутомимо на стражѣ отечества бодрствующаго, идти въ Ярославль съ таковою же прозьбою (46).

Князь Пожарскій и Косма Мининъ выступили изъ Ярославля. По благоусмотрѣнію своему они послали предъ собою два сильные отряда на скоро, одинъ подъ предводительствомъ воеводъ Димитріева и Левашева, а другой подъ начальствомъ Князя Пожарскаго же, брата Ирою, съ такимъ повелѣніемъ, чтобы они, укрѣпясь въ назначенныхъ имъ подъ Москвою мѣстахъ, въ таборы (47) Подмосковныхъ войскъ невходили.

Заруцкой видя, что всѣ ковы его разрушились, сложилъ съ себя личину: явно велѣлъ козакамъ своимъ напасть на отрядъ Князя Пожарскаго, брата Военачальника; велѣлъ побить оный и самаго его умертвить; но сей осторожный вождь неподвергся злоухищренію казаковъ; самъ напалъ на нихъ, разбилъ и преслѣдовалъ съ великимъ ихъ урономъ.

Въ продолженіе шествія своего заступники Россіи вездѣ благодѣтельствовали народу. Изъ украины пришедшее къ Князю Трубецкому войско, бывъ утеснено неправдою и обидами Заруцкаго, послало отъ себя къ Князю

Пожарскому съ жалобами. Онъ принялъ присланныхъ съ честїю. Они видѣли порядокъ въ полкахъ его. И то и другое столь ихъ тронуло, что они безъ слезъ не могли изъяснить своихъ жалобъ; великїй мужъ, болѣзнуя о нихъ, самъ прослезился, и отпустилъ ихъ, наградивъ обильно. Украинцы возвратясь къ товарищамъ своимъ повѣдали имъ о всемъ добромъ, что видѣли и что слышали, бывъ у Князя Пожарскаго. Раздраженный тѣмъ Заруцкой хотѣлъ ихъ убить, но они спаслися отъ него бѣгствомъ, въ полкъ Воеводы Димитрїева; прочїе же изъ нихъ не могли болѣе сносить огорченїя и недождавшись пришествїя добродѣтельнаго Военачальника, разошлись изъ подъ Москвы по своимъ городамъ.

Князь Пожарской пришедъ въ Ростовъ, яко остроумный и предусмотрительный Полководецъ, отрядилъ часть войска съ Воеводою Образцовымъ на Бѣло озеро, повелѣвъ ему соглядать тщательно всѣ движенїя лукавыхъ Скандинавовъ, нагло владычествовавшихъ въ захваченномъ ими Новѣ-Градѣ, и увѣдомлять его о ихъ движенїяхъ.

Заруцкой, немогшій свершить, властолюбіемъ вдохновеннаго, злоумышленія, на жизнь Князя Пожарскаго, совершенно видѣлъ, что сей коварный умыслъ его обнаруженъ и оглашенъ съ поруганіемъ; къ тому же неуспѣлъ онъ разбить и другаго Пожарскаго; а притомъ слышалъ, что защитники отечества уже приближаются, и для того спѣшно изъ подъ Москвы удалился, со всемъ хищническимъ, казацкимъ скопищемъ своимъ, которое составляло большую часть Подмосковнаго воинства. Онъ прибылъ съ сею мятежною толпою въ Коломну, къ достойной его супругѣ и разоривъ сей градъ, пошелъ губительствовать въ Рязанской край.

Уже приближался оный всевожделѣннѣйшій и въ то время весьма страшный день, долженствовавшій рѣшить судьбу цѣлаго царства; день паче всѣхъ ужаснѣйшій Князю Пожарскому и Козьмѣ Минину. Ибо, естьли бы несохраняло ихъ Провидѣніе, естьли бы захвачены они были врагами, то, вмѣсто спасителей отечества, гнусное имя мятежниковъ осквернило бы досточесную память ихъ, и небыло бы той муки,

какую токмо мучительство вымыслить может, чтобы Сигизмундъ неиспыталъ надъ ними. Ирои, все сїе вѣдали и съ благодарною отважностїю несли жизнь свою на жертву отечеству: невзирая ни на что они желали спасти оное, хотя бы надлежало имъ тысячу кратъ умереть.

Уже великїе мужи притекли съ воинствомъ въ Троицкой монастырь и остановились во ономъ, примѣтя раздоръ между казаками, въ войскѣ ихъ находившимися, который они тщились пресѣчь своими мудрыми увѣщанїями. Въ то время пришло извѣстїе, что Гетманъ Хоткѣевичь подступаетъ къ Москвѣ. Стоустная молва непрестанно умножала его силу. Неизвѣстность успѣха, наглость казаковъ, убившихъ Ляпунова, отъ коихъ ничего полезнаго ожидать было неможно, и еще множество другихъ, ничтожныхъ причинъ, но производившихъ устрашительныя сомнѣнїя, ввергло въ страхъ все воинство Князя Пожарскаго. Къ совершенїю же общїя скорби, появилось въ полкахъ его чадо слѣпаго заблужденїя, пагубное суевѣрїе; оно усугубило боязнь

ратоборцевъ: возсталъ противный вѣтръ и каждый изъ воиновъ мнилъ видѣть въ томъ предзнаменованїе напасти. Но мудрый Полководецъ вѣдалъ къ какому средству, въ сїе время, благопотребно было прибѣгнуть; онъ прибѣгнулъ къ вѣрѣ и помощїю ея истребилъ ничтожный страхъ. Мгновенно извѣстилъ онъ о случившимся Архимандрита Дїонисїя. Сей благовѣститель слова Божїя и пламенный любитель отечества, въ часъ оный, когда Князь Пожарскїй подвигся въ путь, предсталъ ему со всемъ духовнымъ соборомъ и посреди торжественнаго Псалмопѣнїя потекъ предъ воинствомъ, уныло выходящимъ изъ монастыря. Достигнувъ близь лежащїя высоты, святый мужъ возшелъ на оную, и съ вершины ея благословлялъ, ободрялъ и окроплялъ освященною водою проходящїе полки. Внезапно, какъ бы во знаменїе Божїея благости премѣнился вѣтръ противный; повѣялъ вѣтръ попутный. Князь Пожарской и Архимандритъ Дїонисїй употребили сїю перемѣну вѣтра къ порадованїю воиновъ: они внушали имъ, что самъ Богъ такимъ благопредвѣщательнымъ знаменїемъ являетъ помощъ свою и побѣду надъ

врагами православныя, Христїанскїя церкви. Твердое упованїе на помощь Вышняго вдругъ разогрѣло остывшую отъ суетнаго страха грудь ратоборцевъ; закипѣли сердца ихъ, исполнясь сугубымъ рвенїемъ къ праведной брани; каждый изъ нихъ пошелъ съ надеждою и радостїю, положивъ обѣтъ, что ежели неисторгнетъ изъ вражїихъ рукъ святый домъ Рождшей Бога Приснодѣвы, то ляжетъ мертвъ на роковомъ полѣ (48). Предусмотрительный и согласующїйся съ общимъ духомъ богобоязливаго, Россїйскаго народа, Вождь отечестволюбивыхъ полковъ, взялъ съ собою подъ Москву Келаря Авраамїя, который, яко Богословъ сладкорѣчивѣйшїй и заступникъ Москвы ревностный, могъ бы способствовать ему въ тѣхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ потребенъ будетъ побѣдоносный гласъ вѣры, удобно укрощающїй буйныхъ и строптивыхъ, робкимъ же подающїй бодрость и, часто сильнѣе меча дѣйствующїй.

Заступники отечества, Князь Пожарской и Козьма Мининъ, уже достигли Москвы. Князь Трубецкой чаялъ, по старшинству своего сана, что они прїидутъ подъ его начальство и остановятся въ его

шатрахъ; но когда по важнымъ причинамъ (49) отрѣклись они стоять съ его воинствомъ вмѣстѣ, тогда высокосердый Бояринъ сей прогнѣвался на нихъ и началъ питать къ нимъ ненависть. Тако, при первой срѣчѣ, поселившаяся между двумя военачальниками вражда, расторгла единодушіе и единодѣйствіе, непремѣнно быть долженствующія въ толь великомъ государственномъ дѣлѣ, отъ коего зависѣлъ жребій отечества. — Обыкновенно великимъ людямъ вѣздѣ представляются трудности, преодолѣніе коихъ приноситъ имъ сугубую славу. — Князь Пожарской расположилъ свой станъ особенно и укрѣпился въ немъ.

Ни мало нетратя времени посланы были отъ Князя Пожарскаго, по всѣмъ путямъ соглядатаи изведанія ради о Гетманскомъ шествіи; они принесли къ нему извѣстіе, что онъ со всею Польскою силою идетъ уже къ Москвѣ. Храбрый и искусный Россійй Военачальникъ съ спокойнымъ и надежнымъ взоромъ возвѣстилъ о семъ всему воинству, и все устроилъ къ срѣтенію супостата.

Несмѣтная вражія рать, переправясь чрезъ рѣку, приближалась къ самой Москвѣ. Многовѣдущій въ ратоборствѣ вождь Князь Пожарской, чтобъ недать врагу оправиться отъ похода, вывелъ противъ него полки свои и вдругъ сразился. Еще предъ началомъ брани онъ посылалъ къ Князю Трубецкому съ прозьбою, дабы тотъ неоставилъ его, въ потребномъ случаѣ, своею помощїею; но враждующїй Бояринъ, болѣе заботился о погибели Пожарскаго, нежели о спасенїи отечества и, нетокмо неподалъ ему нималаго пособїя, да и тѣ пять сотенъ, избраннѣйшихъ ратниковъ, коихъ, по его же требованїю Князь Пожарской отпустилъ къ нему, удержалъ при себѣ. Изъ сего неприязненнаго поступка да судитъ всякъ о свойствахъ обоихъ Князей. Пожарской, чтобы смутить врага, напалъ на него со всѣми всадниками. Жаркая битва продолжалась отъ перваго часа полудня и до осьмаго. Между тѣмъ, какъ проливалась кровь усердныхъ сыновъ Россїи, Князь Трубецкой взиралъ на сїе равнодушно; а казаки его кощунствовали надъ полками Пожарскаго, урѣкая ихъ богатствомъ, могущимъ защитить ихъ отъ

Литовскаго пораженія. Гетманъ напрягъ все свое усиліе и началъ преодолѣвать Пожарскаго. Россійскій Ирой, присудствіемъ духа всегда богатый, усмотрѣвъ сіе, повелѣлъ коннымъ спѣшиться. Сѣча возобновилась съ сугубою яростію. Пять сотъ всадниковъ, удержанные Трубецкимъ, видя, что враги начали превозмогать, вознегодовали на мстительнаго Боярина, невнимали болѣе препятельству его и во всю конскую быстроту устремились на помощь своимъ; къ нимъ присоединились, изъ сонма храбрѣйшихъ, нѣкоторые благонамѣренные воины и старшины казацкаго войска; отклоняясь отъ Трубецкаго съ презорствомъ, они укоряли его не любовію къ Московкому государству. Сія свѣжая помощь изнуреннымъ Россамъ весьма была полезна. Полки Пожарскаго, едва не во все побѣжденные, симъ ободрились и одержали полную побѣду. Смятенный врагъ отступилъ и оставилъ всѣ свои знамена въ добычу побѣдителю. Сраженіе сіе было токмо предвѣріемъ ужаснѣйшаго побоища (50).

Чье сердце нетронется, взирая, что мужу великому устроаются ковы

отъ своихъ единоплеменниковъ, даже и тогда, когда проливаетъ онъ кровь свою за нихъ? — Пожарской! враги твои, враги всего потомства. Безплодное зломыслїе ихъ умножаетъ славу твою. Въ то время, какъ они, въ позоръ самимъ себѣ, противъ тебя лукавствуютъ, твоя могущественная десница пожинаетъ лавры на полѣ брани.

Насталъ страшный день рѣшительныя битвы (51). Возстающее утро едва начало освѣщать кровы Московскихъ, унылыхъ зданїй, дремлющихъ въ печали, какъ уже Россїе ратоборцы готовы были на брань и первые огни румяной десницы молнїевидно сверкали по ихъ всеоруженїю. Въ сей день и Трубецкой ополчился на брань. Какъ бурный, девятый валъ, всѣхъ прочихъ, грядущихъ за нимъ, валовъ большїй, катится по водосланнымъ бѣзднамъ Океана, устрашая брегъ своею страшною огромностїю; такъ предшествовалъ онъ предъ полками своими, которые, подобно дожденосному, мрачному облаку, спускающемуся на долину и разстилающему вокругъ себя дымчатые слои свои, простиралися и разширялися за Москвою

рѣкою, по Донскимъ равнинамъ. Глухой отзывъ окрестныхъ рощь повторялъ шумное ихъ движенїе. Воинство Князя Пожарскаго уже бодрствовало въ стройномъ чинѣ, также при струяхъ Москвы, и воеводы его съ отрядами своими, какъ вѣтвистые дубы, всегда готовые противоборствовать свирѣпымъ бурямъ, твердѣютъ въ безмолвїи по холмамъ пустыннымъ, стерегли мѣста имъ опредѣленныя, высясь на быстрыхъ коняхъ, въ страшномъ велелѣпїи брани. Сотрясающаяся на нихъ броня издаетъ дрожащїй звукъ, подобный звуку косъ о камни ударяющихъ. Всѣ воители, подъ властїю Нижегородскаго вождя сущїе, исполнены безтрепѣтной храбрости и величества; они стоятъ въ грозной тишинѣ; токмо очи ихъ, какъ яркїя звѣзды, блистая подъ тѣнїю шлемовъ, изобличаютъ неугасимый огнь любви къ отечеству, коимъ пламѣнѣютъ ихъ раздраженные сердца; взглядами своими уловляютъ они каждое движенїе своихъ военачальниковъ и ожидаютъ единаго манїя. Соблюденїе порядка, повиновенїе начальству, радѣнїе каждаго о долгѣ своемъ, вообще строгое благочинїе, отличали легїоны Князя Пожарскаго, отъ

легіоновъ Князя Трубецкаго, которому воеводы его мало повинуясь, становились съ плоками своими, — всякой, гдѣ хотѣлъ; всякой подавалъ совѣтъ, и никто другъ другу невнималъ; повелительные крики вождей, перекликательныя гласы одного съ другимъ и говоръ ратниковъ, подобный говору пернатыхъ, теснящихся въ нестройномъ стадѣ, или журчанію многихъ потоковъ о скалы дробящихся и съ ропотомъ віясь чрезъ камни, враждующихъ между собою на каждомъ противоборствующемъ имъ порогѣ, обнаруживали своевольство, безначаліе и буйность. Князь Трубецкой, сіяющій блистательными отъ возникающаго солнца доспѣхами, украшенный кичливою сановитостію и окруженный, по званію боярства и чиноначалія, множество исполнителей воли его, сидѣлъ, избочась, на гордомъ, яромъ, пышущемъ конѣ, коего высоковыйная глава помаваніемъ своимъ возметала на воздухъ волнистую гриву, до копытъ досязающую; сей конь, былъ строптивый питомѣцъ горъ Кавказскихъ; въ опѣненныхъ челюстяхъ его хрустѣли златыя бразды; дымъ валилъ изъ ноздрей его; онъ прялъ ушьми; топталъ, гибкими ногами, стѣнящую зем-

лю; громкимъ ржанїемъ своимъ прогонялъ тишину глубокаго утра; на легкомъ скокѣ, то туда, то сюда обращаясь, звѣнелъ изкромѣтнымъ уборомъ; какъ будто величался своимъ изрядствомъ и съ трудомъ покорялся своему всаднику. Князь Трубецкой, возвышавшїйся изъ толпы приближенныхъ къ нему сановниковъ, бросалъ недовольные взгляды на Нижегородское воинство. Пожарской между тѣмъ, разъѣзжалъ по рядамъ ратнымъ, и сообщалъ свой великїй духъ сердцамъ Россшихъ Ироевъ. Изочтены были всѣ злодѣйства Литовскїе; воспомянуты были всѣ напасти Россїею отъ Поляковъ претерпѣнныя, претерпѣваемыя и чего еще впредь страшиться надлежитъ; представлена была поруганная вѣра; подана была сладкая надѣжда на помощь всемогущаго Бога. Воспламѣняются вящшимъ жаромъ сердца воевъ; раздражается праведный гнѣвъ Россовъ; они дрожатъ отъ негодованїя; мечи ихъ сотрясаются на бедрахъ; сверкающїя очи ихъ ищутъ супостата; они алчутъ сраженїя. Съ таковою то храбростїю отечестволюбивое воинство ожидало Литовцевъ. Наконецъ появилось и Литовское ополченїе, изъ за рѣки Сетуни

выступающее; оно подобно было ужасной тучѣ, изъ за горъ подъемлющей черноугрюмое чело свое и расширяющей громоносныя крыле по всей окрестности. Несмѣтна была преоруженная вражїя сила! Сгущенные полки ея идутъ одни за другими; какъ мрачные облака, напираемые вѣтромъ клубятся, постигая другъ друга. Ихъ вождь, подобно Перуну сверкающему предъ бурею, предъидетъ имъ; пыль поднялась надъ ними столбомъ. Русская земля стонетъ подъ ихъ злодѣйскою пятою, трава сохнетъ, древа шумятъ, рѣки мутятся, и страшный гулъ, какъ отдаленное волковъ завыванїе, возвѣщаетъ шествїе ихъ.

Врагъ подступаетъ. Ирои Россїе простираются. Князь Пожарской, чтобъ занять вниманїе Гетмана, посылаетъ противъ его многїя сотни. Сближаются воинства; начинается жестокая сѣча; устремляется вождь на вождя; разитъ воинъ воина; щитъ о щитъ ударяетъ; мечь объ мечь сокрушается; крыки прерываютъ громы орудїй; громы заглушаютъ крыки; и кровь Литовцевъ, съ кровїю Россовъ смѣшавшаяся, разливается рѣками по долинѣ.

Гетманъ, видя толь неподвижимую крѣпость воинства Россійскаго, налегъ всѣми силами и смялъ конное войско Трубецкаго, которое невыдержавъ напора, обратилось въ бѣгство и увлекло съ собою Военачальника своего, съ пѣшими полками; бѣгство сіе разстроило и всадниковъ Князя Пожарскаго; они устремясь за бѣгущими, и, будучи преслѣдуемы непріятелемъ, загнаны были въ Москву рѣку. Храбрый Князь Пожарскій остановилъ успѣхи врага и непреставалъ биться до шестаго часа дня. Неимѣя конной рати и никакой помощи отъ Князя Трубецкаго, онъ подвергся опасности быть побѣжденну. Великій Ирой хотя и видѣлъ себя оставленна одного, отвсюду окруженнаго тмочисленными врагами, но несмутился духомъ, мужался, ободряя вѣрныхъ Россіянъ и словомъ и дѣломъ; мечь его блисталъ поражая сопротивныхъ, какъ явленіе воздушное, вселяющее трепетъ въ сердца. Неутомимый Заступникъ отечества, какъ неподвижная гора, стоялъ твердо противъ всѣхъ усилій полковъ Литовскихъ; отражалъ ихъ удары, какъ несокрушимый гранитный утесъ, прибрежный стражъ моря, раздробляетъ тысячи пѣнистыхъ волнъ,

нагло къ нему по волѣ вѣтра стремящихся и окрестъ его съ ревомъ плещущихъ. Гордые Литовскіе строи упадали подъ неминуемыми ударами тяжкой имъ десницы Князя Пожарскаго, подобно глыбамъ земли, остріемъ рала, то на ту, то на другую страну размѣтаннымъ, и лежащимъ частыми браздами вдоль нивы, трудолюбивымъ оратаемъ воздѣланной. Гетманъ нестерпя толь продолжительныя и жаркія битвы, принужденъ былъ отступить и укрѣпиться близъ храма святыя Екатерины, гдѣ предъ симъ было укрѣпленіе казацкое, коимъ завладѣли Поляки. Казаки лишь только увидѣли на храмѣ развѣвающееся, Сарматское знамя, воскипѣли яростію, бросились и исторгли храмъ изъ рукъ иновѣрныхъ, нещадно губя сопротивлявшихся имъ. Пораженіе, тутъ бывшее, весьма чувствительно было врагу; однихъ Венгерскихъ ратоборцевъ пало несколько сотъ. Побѣдители получили въ добычу множество оружія и всякаго ратнаго снаряда; оставя тутъ часть охраннаго войска, они устремились за бѣгущимъ въ станъ свой Гетманомъ. Возбужденные симъ успѣхомъ казаки воинства Трубецкаго, соединились съ

храбрыми воинами полковъ Пожарскаго, побили многихъ Поляковъ и самаго Гетмана осадили. Дабы свершить въ полнѣ побѣду, приступилъ съ дружиною своею самъ Князь Пожарскій къ окопу, ограждавшему Литовскаго военальника. Супостаты видя сїе пришли въ ужасъ, въ замѣшательство; начали предаваться бѣгству и были бы до конца попраны, ежели бы въ сей самый, невозвратно щастливый часъ, ежели бы неизмѣнили злодѣи, казаки войска Трубецкаго. Они внезапно обратились въ свои таборы, злословя воиновъ Пожарскаго, и объявляя, что они болѣе ратоборствовать не будутъ. Отступленїемъ измѣнниковъ ободряются враги, осаждаютъ Князя Пожарскаго, поражютъ полки его; возстаетъ отчаянное побоище. Заступники Россїи видя изнеможенїе воинства своего, послали Келаря Авраама увѣщать казаковъ и преклонить ихъ: да возвратятся на брань, дабы совокупными силами налечь на свирѣпаго супостата. Палицынъ, подвижникъ Богомудрый, поспѣшно пришедъ къ казакамъ, заклиналъ ихъ именемъ Вседержителя и святыхъ его, непредать въ руки враговъ Христїанскую вѣру и Московское

царство; а при томъ обѣщалъ отдать имъ и всю казну Троицкаго монастыря. Корыстолюбивые мятежники, внявъ гласу его, потекли на помощь усерднымъ сынамъ России. Увѣдомленный о семъ Князь Пожарской, яко предусмотрительный вождь, взявъ отъ сонма храбрыхъ воиновъ, ратоборцевъ избраннѣйшихъ, поставилъ въ засадѣ по рвамъ, ямамъ и развалинамъ и повелѣлъ имъ, что, коль скоро Гетманъ направитъ свой путь къ Москвѣ, то напасть на него и недопускать. Тогда смиренномудрый Мининъ, мужъ дивный въ совѣтахъ, явилъ въ себѣ и воителя добропобѣднаго (52): между тѣмъ, какъ убѣжденные Авраамомъ казацкие полки присоединялися къ полкамъ Пожарскаго, онъ усмотрѣлъ за Москвою рѣкою знамена Польской рати, испросилъ у содруга своего, пресвѣтлаго именемъ и дѣлами Чиноначальника, часть войска; Полководецъ далъ ему на волю, да изберетъ, кого желаетъ; Мининъ взялъ съ собою военноискуснаго богатыря Хмѣлевскаго, съ тремя сотьнями дворянъ, и съ ними пустился какъ орелъ; понесся за рѣку, какъ вихрь, на Литовцевъ, умышлявшихъ незапно ударить на воинство Русское съ тылу. Мининъ напалъ на

врага, стеснилъ его, смялъ, погналъ, потопталъ. Князь Пожарской видя сїе, повелѣлъ изъ засадъ выступить и устремиться за бѣгущими; сїи, бывъ разимы съ одной стороны Мининымъ, съ другой засаднымъ Россїйскимъ воинствомъ, привели всю Гетманскую силу въ трепетъ; отчаянные Поляки обомлѣли отъ ужаса; вожди Россїйскихъ воевъ обступили отвсюду Хоткѣевича; вдругъ нагрянули на станъ его; взяли оный приступомъ; завладѣли всѣми его орудїями и всемъ снарядомъ. Надмѣнный Сарматъ, со студомъ и страхомъ, быстро пошелъ на высоты Воробьевскїя, подобно хищному звѣрю, который будучи избоденъ копїями спѣшитъ отъ ловителей укрыться. При отступленїи своемъ Гетманъ еще оставилъ на пути новыя тысячи мертвыхъ воиновъ.

Въ жару побѣды Россїйское воинство хотѣло преслѣдовать врага далѣе; но мудрый предводитель Князь Пожарской, вѣдающїй цѣну труда и мѣру подвига, неизмѣнилъ отличному свойству великой души своей; даже и при семъ случаѣ неизрѣченнаго, всеобщаго восхищенїя, онъ небылъ завлеченъ въ изли-

шество восторгомъ; онъ остановилъ стремленіе воителей, сказавъ имъ: *Въ единый день двухъ радостей не бываетъ.*

Сѣча была тридневна, ужасна. Литовцевъ пало превеликое число; кровавыя рѣки текли въ Москву рѣку и багровою пеною покрыли ея струи; густой паръ, отъ дымящихся еще тѣлъ, висѣлъ надъ пагубнымъ мѣстомъ побоища. Мертвые лежали какъ камни въ землю вросшіе. Не толь страшно бываетъ опустошеніе цѣлой области, когда свирѣпый пламень, духомъ бури гонимый, протекаетъ, расширяясь по жилищамъ, полямъ и лѣсамъ, гдѣ древніе дубы и многіе долголѣтніе древа, ставъ жертвою огня, лишились своихъ сѣннолиственныхъ вѣтвей, лишились своей огромной, дикой красоты, и опаленные, полусгорѣлые, полегли цѣлыми рядами близъ курящихся корней своихъ.

Князь Пожарской, во знаменіе торжества, повелѣлъ стрѣлять изъ всѣхъ орудій въ продолженіе двухъ часовъ. Сей громъ, восколебавшій воздухъ и потрясшій землю, толико устрашилъ Гетмана, что онъ приказалъ полкамъ во всю ночь быть

въ строю на коняхъ, и побѣгомъ своимъ, прямо въ Польшу, предварилъ утро; но бывъ паки преслѣдуемъ, еще лишился многаго множества ратниковъ своихъ. Уронъ его былъ неочислимъ; однихъ плѣнныхъ досталося побѣдителю тьма тысячь (53).

Радуйся, ликуй Россія! Достославнѣйшая, достопамятнѣйшая, великая побѣда твоя, матерь всѣхъ потомъ бывшихъ и быть имѣющихъ побѣдъ, совершилась. Враги твои попраны; они бѣгутъ, несмѣя вспять обращать взоровъ своихъ; они бѣгутъ, какъ робкїе лани, страшащїяся и шороха хрупкихъ листїевъ, ногами ихъ производимаго. Пожарской и Мининъ! безсмертные Ирои! торжествуйте! Вы достигли своея цѣли: Вы спасли отечество! Вамъ нѣтъ равныхъ! Нѣтъ награды, коею бы воздать вамъ можно было за сїе, толь несравненное благодѣянїе, оказанное вами соотечественникамъ вашимъ и всѣхъ ихъ поколѣнїямъ! Вамъ принадлежитъ честь и слава всѣхъ вѣковъ; благодарность и благоговѣнїе позднѣйшаго потомства!

Послѣ сея возжеленнѣйшїя побѣды надлежало приступить къ очищенїю пре-

стольнаго града, гдѣ владычествовали еще Поляки. Но и тутъ великіе мужи остановлены были проклятыми изчадіями Ада: Гордость и раздоръ претятъ имъ довѣршить препохвальный подвигъ ихъ. Князь Трубецкой востребовалъ, чтобы Пожарской и Мининъ пріѣзжали къ нему въ таборы для совѣтовъ; сіи же пріѣзжать къ нему немогли, по причинѣ буйства казаковъ его; а притомъ все ихъ воинство, видѣвшее, во время сраженія съ Поляками, недоброжелательство полковъ Князя Трубецкаго, нехотѣло и слышать о какомъ либо сообщеніи съ казаками. Вражда обоихъ воинствъ была непримирима. Мятежные казаки злоумыслили: ограбить дворянъ полковъ Князя Пожарскаго, побить ихъ и уйти въ свои жилища.. Алчущіе корысти чудовища сіи исполнили бы зловредный замыслъ свой, естьлибы благотворившіе Москвѣ, во всѣхъ опасныхъ ея случаяхъ, Троицкій Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраамъ, непредускорили сихъ, всему государству, гибельныхъ слѣдствій, новымъ знакомъ усердія своего къ отечеству. Истощивъ всю казну монастыря на государственные расходы, и неимѣя уже денегъ для удовлѣ-

творенія лихоимства крамольниковъ, они послали къ нимъ церковныя утвари, украшенныя зернистымъ жемчугомъ и дорогими камнями, умоляя ихъ въ писаніи своемъ, дабы они нерасходились, доколѣ неосвободится Москва отъ живущихъ въ ней Поляковъ; дабы они воспомянули Бога, убоялись бы праведнаго гнѣва его, и воздержались бы отъ крамолъ. Злодѣи были поражены ихъ увѣщаніемъ; развращенныя души ихъ проникнуты были умиленіемъ; они почувствовали всю мерзость своего неистовства и сами себя ужаснулися; недерзнули принять святыхъ вещей; отослали ихъ обратно и непрекословно повиновались кроткому гласу мужей праведныхъ (54). Богодухновенный въ совѣтахъ Авраамъ Палицынъ преклонилъ даже ко взаимному согласію и оба воинства и обоихъ чиноначальниковъ, которые положили между собою: быть въ совѣтѣ объ общемъ дѣлѣ.

Первымъ плодомъ согласія Военачальниковъ было произведеніе важнаго труда: они обнесли всю Москву валомъ и оплотомъ, дабы осажденнымъ во градѣ Полякамъ пресѣчь всякое сообщеніе съ

побѣжденнымъ Гетманомъ, о которомъ получено было извѣстіе, что собравъ новыя Литовскія силы, по Россіи рассыпанныя, намѣревается онъ напасть нечаянно и доставить осажденнымъ припасы, въ чемъ они имѣли величайшую нужду. Огражденіе Москвы производимо было весьма спѣшно. Ни днемъ ни ночью работа не прерывалась; сами Воеводы надзирали надъ оною и попеченіе о семъ Князя Пожарскаго было безпредѣльно (55). Потомъ употребили они все тщаніе, чтобъ водворить миръ и тишину въ смущенномъ народѣ. Чего неможетъ содѣлать въ пользу отечества единодушіе рачительныхъ вельможъ? Но гдѣ сіи столпы государства шатки, тамъ и законы нетверды. Дѣйствуя же совокупно, по общему согласію, на чистосердечіи и благосмотреливости основанномъ, Князи: Трубецкій и Пожарской, преуспѣвали въ своихъ начинаніяхъ, и быстрыми шагами пошли къ другимъ побѣдамъ.

Городъ Китай былъ взятъ; двѣ тьмы тысячь Литовцевъ, упорно сопротивлявшихся, пало отъ меча Россовъ; тьма тысячь (56) взята въ плѣнъ; ос-

тавшіеся же укрылись въ Кремлѣ, гдѣ усугубившійся, нестерпимый во всемъ недостатокъ родилъ имъ новую гибель: блѣдный, тощій Гладъ, лютѣйшее зло, посылаемое въ казнь отъ Небесъ, поселилося съ Поляками въ Кремлѣ; зія на все алчнымъ своимъ зевомъ, Гладъ потребивъ всякую пищу, началъ пожирать даже тѣла человѣческія. Поляки принуждены были выслать женъ Боярскихъ и прислугу ихъ. Оскорбленные тѣмъ многіе вельможи, не знали куда безъ опасности укрыть семѣйства свои; прибѣгли къ добродѣтельнымъ мужамъ: Князю Пожарскому и Козьмѣ Минину. Благодушнѣйшій изъ смертныхъ Князь Пожарской пошелъ самъ имъ во срѣтеніе, и съ честію принялъ сіи драгоцѣнныя залоги общея довѣренности, подъ надѣжнѣйшій покровъ свой. Звѣрообычные казаки полковъ Трубецкаго, обыкшіе къ своевольству, всегда дышавшіе грабительствомъ и хищеніемъ, озлобились на твердаго заступника слабыхъ; они хотѣли убить его: почто онъ недалъ имъ ограбить женъ и чадъ Боярскихъ; но Провидѣніе всегда о немъ благоволившее недопускало смерть къ нему приближится.

День отъ дня, часъ отъ часу возрасталъ въ Кремлѣ Гладъ; изсякла дебѣлая Польская Кичливосіпь; преклонилось долу гордое, Сарматское чело. Враги принуждены были сдаться. Военачальники Польскїе уже готовы сами изыпти изъ Кремля, токмо просяпъ: пощадить ихъ жизнь. Случай сей колико ни былъ благопрїятенъ всѣмъ Россамъ, но всего паче послужилъ къ озарѣнїю новыми лучами чести и славы единственнаго въ Ирояхъ, и доблественнѣйшаго изъ человѣковъ, Князя Пожарскаго. Польскїе вельможи просятъ, чтобъ дозволено имъ было вытти изъ Кремля.... Кудаже?... Не въ отечество свое; а единственно подъ кровъ Князя Пожарскаго, — и ни къ кому иному (57).... Подъ кровъ того Витязя, который воздвигъ на нихъ брань; который поражалъ ихъ и побѣдилъ!..... Се сладостные плоды добродѣтели! Истинный Ирой почтенъ и отъ враговъ отечества! Враги, самые враги Россїи, особенно Пожарскому изъявили свою довѣренность!... Довѣренность сїя съ какою хвалою сравниться можетъ? — Се тотъ нетлѣнный вѣнецъ, коего драгоцѣнность превыше всѣхъ сокровищь въ мїрѣ и коего преславное обрѣтенїе спо-

крашъ превосходнѣе обрѣшенія престоловъ, покоренія царствъ! Ликовствуй безсмертный Пожарской! буди благословенъ во вѣки, сіяющій пресвѣтлыми добродѣтельми Князь! — Полякамъ дарована жизнъ. Военачальники Россійскіе за нужное почли размѣстить плѣнныхъ по своимъ воинствамъ. При семъ условіи вышли во первыхъ Бояра и другіе сановные Россіяне, въ Московскомъ заточеніи содержавшіеся; всѣ они поручили себя покровительству Князя Пожарскаго, который, съ изъявленіемъ великаго къ нимъ уваженія, принялъ ихъ въ свои шатры и чествовалъ прилично ихъ сану. Въ числѣ сихъ Бояръ находился и тотъ знаменитый юноша, котораго, судьбы Божіи уготовляли быть Царемъ Московскимъ, праотцемъ Монарховъ Россійскихъ (*). — И спасеніемъ сего знамѣнитаго и всей Россіи дражайшаго юноши Пожарскому же мы обязаны! Ибо, коль скоро увидѣли казаки полковъ Трубецкаго, что Бояра пошли изъ Кремля

(*) См. Примѣчаніе 57; а въ допол. къ дѣян. П. В. том. 2, стр. 327 и 328. — Здѣсь говорится о *Михаилѣ Ѳедоровичѣ Романовѣ.*

прямо въ шатры къ Пожарскому, то мгновенно освирѣпѣли, какъ тигры, вознеистовали, устремились на Бояръ, хотѣли увлѣчь ихъ къ себѣ силою, ограбить, избить; но Пожарской съ воинствомъ вступился за нихъ, отстоялъ и заградилъ ихъ отъ наглости мятежниковъ.

Въ слѣдующїй день Польскїе чиновники здали Побѣдителямъ Кремль и сами, съ остальною ратью своею, были размѣщены по войскамъ Россїйскихъ Полководцевъ. Тѣ, кои приведены были къ Князю Трубецкому, были почти всѣ побиты казаками; а тѣ, кои пришли къ Князю Пожарскому, были щастливѣе: ни единъ изъ нихъ не токмо убитъ, но даже словомъ оскорбленъ небылъ (58).

Чиноначальники Россїйскихъ силъ Князь Трубецкой и Князь Пожарской вступили въ Кремль. Коль ни поразителенъ былъ ужасный видъ, присудствовавшаго въ немъ раззорѣнїя и опустошенїя, но вшедшее воинство и остатокъ народа, увидя себя въ престолномъ отечества градѣ, какъ дѣти послѣ горестной разлуки, свидѣвшїеся съ

матерью своею, зарыдали отъ радости, и бросились въ разграбленные, полураспадшіеся храмы, къ развалинамъ олтарей, благодарить Всевышнаго. — Пожарской и Мининъ! Въ сей достопамятнѣйшій день, вы паче всѣхъ насладилися сердечнымъ веселіемъ, видя трудъ свой совершеннымъ; видя отечество избавленнымъ отъ бѣдъ. Слезы народнаго восхищенія вамъ, вамъ тогда принадлежали; ибо вы содѣтели общея радости, общаго щасгпія. Торжествуйте, безсмертные мужи! Спасители Россіи! Торжествуйте, взирая на восторгъ всего Рос-скаго племени. Но никакое ликованіе, ни какія тріумфиры пріятнѣе вамъ быть немогутъ того внутренняго радованія, которое великія души ваши почерпаютъ въ самихъ себѣ, и того одобренія, коимъ сама строгая совѣсть вѣнчаетъ дѣла ваши.

И такъ Москва очищена отъ враговъ. Пожарской и Мининъ возвратили Россіи бытіе. Теперь надлежитъ возвратитъ ей спокойствіе; надлежитъ возложить на главу ея вѣнецъ Мономаха и вручить ей древній скипетръ ея, съ богатою державою. Свершайте же, великіе

мужи, духи, хранители Россіи, свершайте начатое; дополняйте мѣру вашихъ благодѣяній странѣ сей; бывъ ей столпами крѣпости отъ лица вражія, утвердите же надъ нею нерушимую сѣнь блаженства, и непрежде возтеките на небеса, въ ваше истинное отечество, какъ оставя Россамъ, въ залогъ безсмертія вашего, дни щастливые. Потомство будетъ чтить васъ въ лицѣ свѣтилъ небесныхъ, одушевляющихъ природу своимъ благотворнымъ вліяніемъ. Въ лицѣ Солнца и Луны сіяйте вы къ намъ, изъ нѣдръ вѣчности. Воставте отечество совершенно. . . . .

. . . .

. . . .

. . . . Недопустите возникнуть безначалію и родиться отъ него новымъ бѣдамъ. Недопустите Россію опять ввергнуться въ мрачную ночь общія скорби. Небесныя свѣтила, являющія намъ образъ вашъ, да срѣтятъ насъ во всѣ годы, то ликующими посреди торжествъ, то покоящимися на лонѣ благодѣнствія, и на похвалу приснопамятному имени вашему, да озарятъ они трофеи наши во всѣхъ концахъ Вселенныя; да будутъ

свѣтила сїи спутниками славы Россовъ даже до того, сокровеннаго отъ слабыхъ смертныхъ дня, въ который румяныя зари утра и вечера померкнутъ; когда Солнце въ послѣднїе воспрянувъ на востокѣ, на всегда закатится въ неизслѣдованную глубину вѣчнаго запада, и Луна не возблистаетъ уже въ ночи! — Но вы, вы преживете и Солнце и Луну.

Ужели еще не совсемъ окончились напасти отечества? Какїя бѣды теперь еще могутъ преогорчить духъ народа? Враги попраны; Москва очищена; Россы въ кремлѣ. — Увы! въ кремлѣ съ ними и лютые звѣри: казаки полковъ Князя Трубецкаго, вошедъ внутрь столицы, поступили злобнѣе и самыхъ непрїятелей: они бросились вездѣ грабить; расхитили оставшуюся послѣ Поляковъ казну; погубили все то, что тѣми было сбережено, и притомъ еще дерзновенно приступили къ Военачальникамъ, съ прещенїемъ требуя отъ нихъ своего жалованья. Крамольники сїи уже готовы были устремиться на жизнь Повелителей; но храбрая дружина дворянъ удержала ихъ буйство доблественною грудью своею, какъ твердо-

каменною стеною. Дворяне заградили собою знаменитыхъ Вождей и благороднымъ мужествомъ своимъ устрашили злочестивыхъ. Изверги естества, казаки, потекли изъ Москвы, опустошая на пути все, убивая всехъ, и чиня всякое насилïе по всей Русской земли, подобно пагуботворному пламени, по ужаснымъ следамъ коего всегда грядутъ: гладъ, нищета, плачь, скорбь, едкая во всемъ нужда, непрестанно поражающая новыми язвами страждущую душу, и запустенïе (59). Доколе же, доколе бедствовать отечеству? — Уже ли и сïя жестокая напасть еще не последняя?

Благодаренïе судьбамъ! уже оканчивалася мера страданïя Россïи; Правящïй небомъ и землею пременилъ цепь прешедшихъ золъ, цепь тяжкую, цепь железную, въ цветистую вязь лавроливными венцами превитую; въ прекрасную вязь безпрерывныхъ благъ и, въ залогъ щедротъ своихъ къ Россамъ, вложилъ имъ въ сердца желанïе сущаго добра, усердное и общее желанïе: избрать Царя единокровнаго, Царя такого, которой бы могъ со славою управлять Государства огромнымъ караблемъ. Дабы

воскрилить къ тому общїй духъ вящшимъ ревенїемъ, Мїродержецъ послалъ къ нимъ вдругъ двѣ устрашительныя опасности. Подобно двумъ грознымъ тучамъ, помрачающимъ свѣтлое чело утра, обѣщавающее ясный день, два иноплемѣнника, два утѣснителя Россїи, Король Польскїй и Король Свѣйскїй объявили свои гордыя требованїя на обладанїе Московскимъ царствомъ. При томъ еще и не совсемъ укротилися внутреннїя безпокойства.

Повѣдаемъ о семъ непрерывая нити событїй; покажемъ, который изъ народовъ земли, паче всѣхъ, благопрїятствовалъ Россїи, во дни ея печали, и представимъ по порядку новыя дѣла Благотворителей отечества.

Сигизмундъ изумленный извѣстїемъ о разбитїи воинства его, предводительствуемаго самонадѣжнѣйшимъ изъ его полководцевъ, Хоткѣевичемъ, долго тому невѣрилъ, доколѣ неувидѣлъ бѣгущихъ, отчаянныхъ ратниковъ своихъ. Тогда воскипѣлъ онъ яростїю, какъ лютая Гирканская львица, лишенная дѣтей; взвивался, какъ преозлобленный змїй; зарыкалъ, заскрежеталъ, поклялся без-

человѣчно отмстить и, послѣдуемый новою, преоруженнѣйшею ратїю, самъ пошелъ на Русскую землю съ мечемъ, огнемъ и со всѣми муками. Сигизмундъ вступилъ въ предѣлы Россїи и захватилъ Вязьму. Еще невѣдалъ онъ, что Москва освобождена и что воинство его, во оной находившееся, иное побито, иное въ плѣнъ взято; но бывъ въ томъ, чаянїи что сей градъ еще бѣдствуетъ подъ игомъ его воли-исполнителей, послалъ онъ возвѣстить сановникамъ своимъ, что приближается къ нимъ съ великимъ воинствомъ. Вѣсть сїя, достигшая Москвы, претворила общую радость въ неописанную тревогу; всѣ устрашились и едва не впали въ великое уныние; ибо по очищенїи престольнаго града, многїе Воеводы съ полками отбыли въ свои веси. Но безтрепѣтное мужество Князя Пожарскаго и Козьмы Минина подвигло народъ къ дѣйствїю: Ирои сїи, исполненные мудрости, подали полезные совѣты, по коимъ взята была скорая осторожность; разосланы были всюду повелѣнїя о поспѣшномъ собранїи ратныхъ людей и уготованы были всѣ средства къ отпору весьма страшнаго врага.

Сигизмундъ какъ плодогубительная буря поднялся изъ Вязьмы и осадилъ Городище, гдѣ начальствовавшій храбрый Князь Шаховской, токмо что поругался всѣмъ усиліямъ его; отразилъ его отъ малой крѣпости своей и далъ острый отвѣтъ на предложеніе его о здачѣ (60). Гордый и безуспѣшный Король Польскій со стыдомъ отступя отъ Городища, облегъ своею ратію Волкъ-Ламскъ. Тутъ постигнутъ онъ былъ самою горестною для него вѣстію: что Москва исторгнута Россіянами изъ хищныхъ Польскихъ рукъ; что воинство его большею частію побито, а оставшееся въ плѣну.

Сигизмундъ отправилъ воеводу Желковскаго съ немалымъ отрядомъ; повелѣлъ развѣдать о состояніи Москвы, а паче о томъ, коль велико ея воинство, и что бы всемѣрно старался онъ преклонить Бояръ къ принятію на престолъ сына его Владислава. Тщетное покушеніе! Начальники Московскіе вышедъ посланному Литовцу во срѣтеніе со всеоруженнымъ ополченіемъ и готовы будучи съ нимъ воздвигнуть брань, дали въ отвѣтъ рѣшительный отказъ Королевичу

отъ Московскаго престола. Желковскій недерзнувъ обнажить меча, съ симъ неожиданнымъ отвѣтомъ возвратился къ Королю. Къ тому же одинъ, твердый духомъ Россъ, привелъ въ страхъ всю необьятную Литовскую силу, и самаго Короля ввергнулъ въ смущеніе: захваченный Поляками въ плѣнъ стольникъ Философовъ, на разные коварные распросы Короля и всѣхъ его сановниковъ, безъ препинанія, безъ малѣйшаго въ словахъ разноречія, отвѣчалъ, что Москва укрѣпилась великимъ и готовымъ къ принятію ихъ воинствомъ; что она изобилуетъ совершеннымъ довольствомъ, во всемъ; и что никакъ не хочетъ видѣть иноплѣменника у себя на Престолѣ (61). Слова сіи, неустрашимымъ сыномъ отечества увѣрительно произнесенныя, подтверждены были храбростію Волоколамскихъ Воеводъ: Карамышева, Чемезова и Атамановъ Казацкихъ Маркова и Епанчина. Ирои сіи на приступахъ, поразили множество Поляковъ и Нѣмцовъ; отстояли небольшой городъ свой и жестокимъ отпоромъ довершили отчаяніе Сигизмунда. Безуспѣшность его надъ двумя толь малыми городами, увѣреніе Философова, благород-

ная отважность Россійскихъ военачальниковъ, такъ смутили духъ его, что онъ поспѣшилъ удалиться въ Польшу, со всею огромною силою своею, изъ коей погибло великое число отъ хлада зимы, отъ глада, и отъ десницы Россїянъ, кои преслѣдуя Сигизмунда очищали города свои и села отъ Литовскихъ людей, и тѣлами ихъ устилали землю Русскую.

Радость, причиненная изгнанїемъ
Короля Польскаго изъ Московскихъ о-
крестностей, толь была велика и та-
кою бодростїю укрѣпила сердца Россовъ,
что въ то время притекшему къ Ар·
хангельску, на помощь Россїи, отъ Бри-
танскихъ береговъ сильному флоту, съ
изъявленїемъ признательности, объяв-
лено было, что Россїя сама свергла съ
себя иго утеснителей ея, и что ничье
пособїе уже ей ненужно (62). Отказъ
сей учиненъ былъ невзирая на опас-
ность, вновь предстоявшую, отъ другаго
врага, который и паче Сигизмунда былъ
страшенъ: надлежало опасаться Швед-
скаго Короля, юнаго, храбраго, препрї-
имчиваго, пылкаго Густава Адольфа, кое-
го брату, Филиппу, Новогородцы уже
присягнули, и подъ властїю коего

Новградъ купно съ другими сѣверными областями Россїи уже находился. – И тако изъ всѣхъ племенъ Европы, одни только Британцы прїяли въ бѣдахъ нашего отечества дружеское участїе, одна только Англїя простерла къ намъ руку помощи, и ей одной принадлежитъ признательность наша на всѣ времена. Но Россъ столь великъ, мужественъ и мудръ, что одинъ можетъ противустать многимъ врагамъ; собственныхъ силъ его достаточно ему побѣдить царства; а кольми паче спасти отечество, которое двѣ краты исторгалъ онъ изъ рукъ злодѣйскихъ. Ему нѣтъ нужды въ союзникахъ, кои, большею частїю, предпочитая токмо свои выгоды, измѣною платятъ за вѣру и любовь. Россъ неуничижился, спасая отечество: незаимствовалъ помощи отъ союзниковъ; онъ самъ съ себя свергнулъ и Ордынское иго и Польскую тяготу; всегда сражался онъ одинъ; всегда побѣждалъ одинъ, и никто недерзалъ требовать отъ него себѣ на долю вѣнцовъ славы его.

Едва успѣли Россы отпустить Британцевъ и едва карабли ихъ отплыли въ Океанъ, какъ мгновенно загремѣлъ

громъ отъ Скандинавскія державы. Притекаютъ въ Москву послы изъ Новаграда, отъ клятвонарушителя и злобнаго Делагардія. Онъ увѣдомляетъ Московскихъ чиноначальниковъ что Королевичь Филиппъ уже оставилъ Стокгольмъ и грядетъ въ Новградъ, на царство Россїйское. Делагардіе притомъ требовалъ повелительно, дабы Московскіе Бояра учинили Филиппу присягу. Но вельможи и народъ отвѣтствовали посламъ тоже, что и Сигизмунду, присоединивъ къ тому, что они очистили Москву отъ Поляковъ и готовы идти на очищеніе отъ Шведовъ Новаграда, а съ нимъ купно и всѣхъ областей.

Послѣ сего новыя злодѣянія Заруцкаго въ Украинѣ; дерзновенные къ престолу помыслы безстудной жены его, жены трехъ Лжецарей, ничтожной Марины, и измѣна Шульгина въ Казани незаслуживаютъ уже быть воспомянуты.

Искушенный злощастіемъ народъ утомившійся отъ непрестаннаго волненія; народъ почувствовавшій въ глубинѣ сердца весь ужасъ безначалія и нарушенія клятвы; народъ собственными бѣда

ми умудрившїйся; непремѣнно желалъ спокойствїя, законной власти, возстановленїя отечественныхъ правъ. Подобно плавателямъ, лишившимся кормчаго, во время кораблекрушенїя, и носимымъ вѣтрами въ бренной ладьѣ по свирѣпствующему морю, зрящимъ ежечасно зїяющую на нихъ смерть изъ черныхъ бѣзднъ, и слезно умоляющимъ Провидѣнїе: да принесетъ ихъ въ необуреваемое пристанище; Россы, бѣдами изнуренные, единодушно желали избрать себѣ Царя.

Для избранїя толь важнаго, для избранїя Самодержца, отъ коего на всѣ времѣна долженствовала зависѣть судьба цѣлой Монархїи, призваны были изъ всѣхъ предѣловъ Россїи: Бояра, Іерархи, старцы мудрые и мужи достопочестные отъ каждаго гражданъ сословїя. Они составили государственный совѣтъ, въ которомъ самая строгая справѣдливость предсѣдательствовала. Но лѣтописи вѣщаютъ что и тутъ вкралось пронырство. Нѣкоторые изъ Бояръ, высокомѣрїемъ преупитанные, мѣчтая о себѣ болѣе, нежели чего достойны были и непостигая того, коль тяжко бремя вѣнца

желали токмо, въ угодность своей кичливости, украсить имъ гордое чело свое, хотя бы съ тѣмъ сопряжено было бѣдствїе общее: они подкупали голоса въ свою пользу. Мздоимные сомышленники ихъ, корыстїю и надѣждою на будущїя благи подстрѣкаемые, назначали въ Цари кого потребно имъ было, и тотъ же часъ, бывъ убѣждены возраженїемъ безпристрастной справедливости, отступали отъ своего мнѣнїя (63). Долгое время протекло въ совѣщанїяхъ и разногласїи. Вмѣсто единомыслїя открылись противумнѣнїи и колебанїе толь многихъ думъ, подобно было сварливости морскихъ волнъ, когда буйные вѣтры одни съ другими сразясь, гонятъ ихъ то отъ сѣвера на югъ, то отъ востока на западъ; возмущенная влага кипитъ, вратится въ пучинахъ, клубится, пѣнится, ревётъ и волна въ волну ударяя обѣ разсыпаются мелкимъ дождемъ. Послѣ многихъ пренїй положено имянно опредѣлить: какихъ свойствъ нуженъ былъ Царь? Кто же изъ Россовъ паче всѣхъ отличился добродѣтелями, тому и быть на престолѣ.

Но во первыхъ предложено было: что избираемый на царство мужъ, да боит-

ся Бога и любитъ правду. Потомъ: что онъ долженъ быть кротокъ и милосердъ, но чтобы сіи добродѣтели были плодомъ мудрости, а не малодушія. За тѣмъ: что нужно быть ему опытнаго мужества, неколебимой твердости и прозорливу. Къ тому: чтобы извѣстно было всѣмъ, что предпочтено имъ общее спокойствіе своему собственно, и что доказалъ онъ любовь свою къ отечеству, раченіемъ о благѣ онаго; что бы не войною прославиться старался, а миромъ и благоустройствомъ; но притомъ чтобы и былъ онъ опасный врагамъ отмститель за царство; чтобы онъ былъ незлобивъ, немстителенъ, не высокосердъ; искушенъ трудами и вѣдалъ бы цѣну за слугъ; что въ смутное время недомогался высокихъ степеней и богатства; что онъ соблюдалъ всегда чистоту души, непредавался стремленію страстей своихъ и всегда въ немъ виденъ былъ образъ цѣломудрія; что неприлеплѣнъ, подобно Лжедимитрію, къ чужимъ обычаямъ, но чтитъ отечественные, честные нравы. Словомъ, что Россіянамъ потребенъ Царь Русской, коего основательный умъ, благочестіе и правота сердца служить бы могли

орудіями народнаго благосостоянія, паче, нежели самые законы, кои мертвы суть безъ дѣлъ Народоправителя, ибо для щастія царству всего болѣе нуженъ примѣръ Царя (*).

По таковомъ строгомъ изслѣдованіи отличныхъ достоинствъ, составить Монарха долженствующихъ, недоумѣвали всѣ: кого толь трудный выборъ возведетъ на престолъ? Нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ старцевъ, непреткновенные блюстители истины, которую почитали они единственною путеводительницею къ страшному суду Божію, возвысили свой гласъ. Они вѣщали, что есть въ Россіи мужъ, исполненный сими вожделеннѣйшими людямъ добродѣтельми, и что въ лицѣ его самъ Богъ явилъ къ Московскому царству благость свою. За великія отечеству услуги, за то, что даже почтенъ онъ былъ и отъ самихъ враговъ онаго, и простилъ обличеннымъ убій-

(*) О достоинствахъ избираемаго на царство Монарха достаточно обьяснено въ книгѣ, дополненіе къ дѣяніямъ *П. В.* томъ 2, стр. 342.

цамъ своимъ; за мужество и мудрость Князю Пожарскому принадежатъ вѣнецъ и держава.

Сей Князь и сердцемъ, и дѣлами, и видомъ Повелитель, ни сколько непомышлялъ тогда о себѣ. Взыванїе къ нему всего собора прервало его задумчивость: „Тебѣ избавитель отечества," — Обратясь къ нему всѣ вѣщала. — „Тебѣ достойно и праведно быть Владыкою Россїи." Очи всѣхъ на него устремились. Онъ созерцавалъ тогда судьбу отечества и былъ погруженъ въ мудрое глубокомыслїе. Превосходнѣйшая и ему токмо свойственная величавость украшала и возвышала сановитость его; мужественная красота, оживленная презящнымъ духа благородствомъ, внушала къ нему благоговенїе съ удивленїемъ; зракъ его блисталъ, лучами пресвѣтлыхъ его добродѣтелей; умовыразительныя черты чела его доказывали сами собою, что ими незатмится, а умножится сїянїе вѣнца. Взыванїю сему Ирой паче изумился, нежели восхитился; Пожарской неожидалъ сея великїя почести и нежелалъ. Доволенъ будучи въ самомъ себѣ, что могъ спасти отъ бѣдъ человѣчество, что могъ оказать услугу отечеству, онъ не

требовалъ никакой награды, ниже и мыслилъ о томъ. Поелику ничего небыло въ мірѣ превыше великой души его, то и небылъ онъ пораженъ высотою престола; поелику ничего небыло во Вселенной свѣтозарнѣе солнца и добродѣтелей его, то и небылъ онъ ослѣпленъ сіяніемъ вѣнца; поелику ничего немогло быть въ свѣтѣ препохвальнѣе честныхъ дѣлъ его коихъ плодомъ всегда бываетъ сладостное, ни съ чемъ несравненное веселіе сердца, чемъ онъ единственно хотѣлъ въ мирѣ и тишинѣ довольствоваться, то и неимѣлъ онъ нужды желать многотруднаго обладанія пространнѣйшимъ царствомъ; бывъ несказанно обогащенъ онымъ сердечнымъ веселіемъ, которое есть награда удовлетворенной совѣсти, превосходящая всякое воздаяніе, онъ непрельстился богатствомъ огромной державы, въ которой и одна изъ посредственныхъ областей могла бы возбудить къ домогательству помыслы многихъ владыкъ земли; возведенъ будучи своею доблестію на самый верьхъ величія, естьли бы Пожарской пожелалъ еще болѣе вознестись, тогда бы, можетъ быть, онъ упалъ и невозсталъ бы; но таковая неумѣренность несвойственна была

преизящнымъ его качествамъ. Несравненный Ирой, достойный удивленія всѣхъ вѣковъ, возблагодарилъ знаменитое собраніе и съ благородною скромностію отрекся вѣнца. . . . Пожарской столь былъ великъ, что и вѣнца непожелалъ! . . . . Кто же есть превыше его? . . . Кто устранилъ отъ себя толь очаровательную почесть? Кто нежелалъ быть для всѣхъ единымъ, чтобъ обращать волю свою въ законъ и имѣть безпредѣлное право на удовлетвореніе всѣхъ страстей своихъ? — Исторія обьявляетъ, что всегда и вездѣ хитрость и лукавство пробирались излучистыми стезями къ престолу; что щастливые злодеи плыли ко оному по кровавымъ рѣкамъ, и взбирались на высоту его по степенямъ, составленнымъ изъ головъ соотечественниковъ своихъ, друзей и даже сродниковъ. Кто нехотелъ быть Царемъ? — Да и кто бы не пожелалъ быть Царемъ самодержавнымъ? . . . . Отъ начала міра и до нашихъ дней, одинъ, — одинъ КнязьПожарской вознесся духомъ своимъ превыше престоловъ и солнцеподобнымъ свѣтомъ своихъ добродѣтелей сіяетъ лучезарнѣе всѣхъ вѣнцовъ (64).

Онъ нехотѣлъ быть Самодержцемъ для того, чтобы навсегда остаться истиннымъ сыномъ отечества, и, — навсегда остался великъ, безсмертенъ, — чего, можетъ быть, сіяніе вѣнца ему недоставило бы. Опытною мудростію наставленный, онъ зналъ совершенно изъ какого источника проистекаетъ какое благо, и усердствуя щастію Россіи, стократъ болѣе, нежели себѣ собственно, онъ видѣлъ, что всего нужнѣе есть для блага общаго, дабы избираемый Царь окруженъ былъ истинно вѣрными слугами отечеству; видѣлъ сіе и, восхотѣлъ остаться въ числѣ оныхъ; восхотѣлъ лучше быть въ числѣ подданныхъ, дабы чрезъ то доставить Государю своему способы, быть Отцемъ народа, нежели самому содѣлавшись Царемъ, быть предмѣтомъ зависти, и по жребію всѣхъ Вѣнценосцевъ, быть жертвою обмана. При всемъ настоятельномъ убѣжденіи цѣлаго собора, Пожарской рѣшительно отъ царствованія отрѣкся. Но дабы и пресѣчь объ ономъ всякую прю; дабы притупить ядовитое жало зависти и оказать новую отечеству услугу, онъ провозгласилъ Михайла Ѳеодоровича Романова, родственника Царямъ, Рюрикова колѣна, а

потому и законнаго преемника Россійскаго престола. Собраніе Бояръ и старѣйшихъ народа возрадовалося о имени его и единогласно воскликнуло: „Да будетъ *сей* нашимъ Царемъ.“ Тако пріявъ гласъ Князя Пожарскаго за гласъ Божій, Россіе Патрикіи избрали Романова на царство.

Лѣтописи наши молчатъ о семъ достославномъ отреченіи Князя Пожарскаго; можетъ быть потому, что въ тѣ времена добродѣтель небыла чудомъ, и частые подвиги ея не обращали на себя удивленія, а почиталися непремѣнною обязанностію честнаго гражданина и богобоязливаго Христіанина; но преданіе, съ того дня изъ рода въ родъ, изо устъ во уста преходящее и, по мѣрѣ удаленія времѣни, болѣе и болѣе распространяющееся, до насъ достигло; подобно тому, какъ упадшая въ средину озера капля производитъ кругъ, отъ коего родятся круги многіе, обширные, одинъ за другимъ скачущіе по стекловидной поверхности водъ и непрестанно умножаясь, достигающіе до самыхъ далекихъ береговъ; преданіе сіе возвѣщено въ пѣснопѣніи одного изъ славныхъ Скальдовъ

нашихъ (65). Съ восторгомъ прїемлю преданїе сїе за истинну, никакому сомнѣнїю неподлежащую; ибо убѣдительно вѣрю, что въ Россїи могло случиться толь чрезвычайное событїе, поелику въ ней былъ Пожарскій, и такое безпредѣльное величїе духа ему было не чуждо; вѣрю сему не сомнѣнно, и въ образецъ подражанїя, къ порадованїю всего потомства, вѣщаю о семъ необиновенно. Лѣтописи же гласятъ, что народъ Россїйскїй, обрадованный освобожденїемъ отъ Литовскаго ига, по принесенїи теплѣйшїя мольбы Зиждителю Царствъ, обратилъ очи свои къ творцамъ толикїя радости и щастїя, къ Князю Пожарскому и Козьмѣ Минину; что Россїяне, почитая ихъ орудїемъ Божїяго милосердїя, излїяли предъ ними сердца свои, живѣйшею благодарностїю исполненныя, нарицали ихъ своими избавителями, и что, въ засвидѣльствованїе того, всѣ Чины Государства поднесли Князю Пожарскому достоинство Боярства съ грамотою на великїя вотчины, изъ казенныхъ волостей; Козьма же Мининъ равныхъ наградъ достойный, будтобы остался толкмо при одномъ знамѣнитѣйшемъ титлѣ: *Избраннаго человѣка отъ*

всея земли. Но сїе подвержено сомнѣнїю; благодаря обоихъ нельзя одного оставить безъ награды, развѣ онъ самъ ничего невосхотѣлъ принять (66).

Неизсякаемая любовь къ отечеству Князя Пожарскаго, положила твердое основанїе блаженства Россїи, достодолжнымъ избранїемъ истиннаго Государя. Князь Пожарскій возложилъ на Романова порфиру и вручилъ ему державу (67). Невосхотѣвъ быть самъ Царемъ, онъ былъ творцемъ Царя, другомъ его и слугою вѣрнымъ, до послѣдняго дыханїя. Слѣдовательно мы ему обязаны за то, что Россїйская держава престала вдовствовать; отечество престало сиротствовать; что престолъ воздвигся по прежнему; что возсїялъ на немъ Царь въ вѣнцѣ предковъ своихъ, и что народъ всея Русскїя земли нестраждетъ подъ властїю иноплемѣнною.

Младый лѣтами, но старецъ разумомъ и доблестїю Михаилъ Ѳеодоровичь Романовъ, по принятїи Царскаго владычества первымъ долгомъ поставилъ отличать особымъ уваженїемъ и благодарностїю своею всѣхъ тѣхъ, кои рев-

ностно защищали Московское царство: Пожарской и Мининъ, яко началоположники и совершители спасенія Россіи, были первыми въ томъ участниками. Монархъ утвердя своимъ царскимъ словомъ боярство и вотчины, поднесенныя Князю Пожарскому отъ всѣхъ чиновъ Государства, приближилъ его къ себѣ и возлюбилъ яко наперсника; Козьму же Минина почтилъ достоинствомъ *думнаго дворянина* (68), и включилъ его въ свою Царскую думу, оставя при немъ знамѣнитѣйшее титло, *Избраннаго отъ всея земли* (69).

Великій Мининъ служилъ при Царѣ три лѣта. Преклонность вѣка и прилепленность къ отчизнѣ, а можетъ быть и презорство къ зависти вельможъ, мѣстничествомъ зараженныхъ, побудили его возвратиться въ Нижній Новградъ (70). Онъ оставилъ всѣ почести, удалился отъ двора и прешелъ въ свое прежнее жилище. За нимъ повсюду слѣдовали его добродѣтели, его присно-памятные заслуги и почтеніе Самодержца, сопряженное съ почтеніемъ всего Россійскаго народа. Смиренномудрый Ирой, осѣненный мироносными крылами покоя,

подъ кровомъ своихъ предковъ наслаждался, послѣ великихъ дѣлъ, сердечнымъ веселїемъ, и въ радости о щасттїи Россїи окончевалъ достохвальные дни свои. Жизнодатель призвалъ его къ себѣ обратно. Мининъ совершивъ порученное ему благо, востекъ къ вѣчной жизни, на небеса, оставя по себѣ громкую славу. Тако въ тихїй Майскїй вечеръ, когда едва журчитъ ручей, когда вѣтръ недохнетъ, когда лїется съ холмовъ на луга цвѣтовъ благоуханїе и тѣнь древѣсъ ложится по долинамъ, свѣтозарный Сынъ неба, могущественный Царь сїянїя, прешедъ полдень умѣряетъ пламѣнность лучей своихъ и плавно, кротко, величественно клонится къ западу, ни какимъ облакомъ неомраченному, обѣщавающему красное утро; достигнувъ багряно-огненной черты яснаго небосклона, хотя онъ и скрывается отъ взоровъ нашихъ, но оставляетъ по себѣ зарю прекрасную.

По преселѣнїи Минина въ горняя, тѣло его положено въ Нижегородскомъ соборномъ храмѣ, вмѣстѣ съ Нижегородскими, владѣтельными Князьями и порфирородными ихъ коленомъ; достопочестное же и преславное имя его, и имя

сына его воспоминается предъ олтаремъ Вездѣсущаго и предъ лицемъ благоговѣющаго къ памяти его потомства, купно съ именами оныхъ удѣльныхъ Князей, сродниковъ Царскихъ (71).

Безсмѣртный внукъ Михаила и Отецъ Отечества, Петръ Великій, водимый творческимъ духомъ своимъ изъ края въ край вселенныя, когда несъ громъ на древнее Царство Дарія, былъ въ Нижнемъ Новѣградѣ и познавъ мѣсто, гдѣ священный прахъ Минина покоится, поклонился оному до лица земли, произнеся слова сіи: *на семъ мѣстѣ почіетъ Избавитель Россіи* (72). Увлаженныя слезами вѣжды его свидѣтельствовали, что изреченіе сіе было внезапный гласъ сердца благодарнаго... Что болѣе сего знаменатъ можетъ величіе Минина?... Несравненный въ Ирояхъ, первѣйшій изъ Владыкъ міра, дивный мудростію Петръ, преклонявшій долу боговѣнчанное чело свое токмо предъ *Единымъ*, предъ *Неизрѣченнымъ*, поклонился до земли гробу Минина! . . . . . Кто изъ смертныхъ дерзнулъ бы помыслить, быть удостоенъ отъ Петра толикою честію? . . . И тотъ безъ сомнѣнія превыше чело-

вѣка, тотъ достоинъ олтарей, кому толикую честь воздалъ Петръ.... Тебѣ, тебѣ токмо во вѣки, достославный Mининъ, честь сїя принадлежитъ; ты кумиръ сердецъ нашихъ, и яко духу хранителю отечества, мы зиждемъ тебѣ олтари въ душахъ нашихъ.

Всевышнїй въ залогъ своего промысла оставилъ Россїи Князя Пожарскаго, который благопотребенъ былъ Царю во время мира, — своими совѣтами; во время брани, — своею побѣдоносною десницею; онъ былъ и мечь и щитъ отечества; твердый оплотъ престола; добрый собѣсендикъ Царю до самаго пришествїя, изъ Польскаго плѣна, достопочестнаго отца его Филарета, безропотно страдавшаго за отечество многїе годы.

Подобно тому, когда послѣ жестокой бури, ярстїю утомленныя волны ревутъ еще изрѣдка, катяся пѣнными горами одни за другими и, разстилаяся по обширному лону понта, изчезаютъ въ безднѣ; еще не вдругъ утихаетъ шумъ ихъ и море еще колеблется; подобно тому, при началѣ царствованїя

Романова, еще не во всѣхъ мѣстахъ государства водворилась тишина. Изчадїе Ада, Заруцкой губительствовалъ еще въ Астрахани; Донскїе казаки, Черкесы и Холопи, подъ злоначальствомъ Боловни, безчеловѣчно опустошали за Московные города. Но Князь Одоевскїй истребилъ змѣиное гнѣздо Марины, плѣненїемъ Заруцкаго; а Князь Лыковъ сокрушилъ до конца разбойничье скопище Боловни, на благосердїе Царское несклонившееся. Въ слѣдъ за сими прекращенными бѣдствїями наступало бѣдствїе новое и опаснѣйшее: Полководецъ Польскїй, Лисовской, вторгся въ предѣлы Россїи, съ сильнымъ воинствомъ; онъ расширилъ свое мучительное грабительство и взявъ нѣкоторые города, укрѣпился во оныхъ.

Пожарскому Царь ввѣрилъ свои громы и послалъ его на врага, который, коль скоро услышалъ о имѣни Ироя, смутился и побѣжалъ къ Орлу, чтобы въ немъ надежнѣе укрѣпиться. Въ то время, когда мудрый и непобѣдимый Россїйскїй Военачальникъ, желая престичь Лисовскаго и недопустить до Орла, простиралъ свое спѣшное шествїе, притекали къ нему съ повинностїю мяте-

жники; онъ приводилъ ихъ къ присягѣ на вѣрность Царю и Отечеству, и сугубилъ ими число своихъ ратоборцевъ (73). Коль ни быстро текъ Князь Пожарской, не могъ однакоже предупредить бѣгства Литовскаго Полководца. Оба на конецъ они срѣтились подъ самымъ градомъ. Поляки съ такимъ ожесточенїемъ напали на передовой полкъ Россїйскаго воинства, что смяли оный и погнали; бѣжавшїе увлекли съ собою и прочихъ воеводъ; Пожарской остался только съ шестью стами воиновъ и, съ симъ толь малымъ числомъ храбрыхъ, нетокмо остановилъ многотысящную Сарматскую силу, но принудилъ Лисовскаго отступить съ великимъ урономъ, и багряные огни, вечернїя зари, едва погасли на главахъ градскихъ бойницъ, какъ Поляки побѣжали къ Кромамъ, и далѣе, съ такою стремительностїю, что въ тотъ день и нощь протекли они сто пятдесятъ поприщъ (74). Ревностный Витязь преслѣдовалъ Польскаго бѣглеца, достигъ его, и истребилъ бы совершенно; но, къ прискорбїю общему, изнемогши отъ трудовъ, впалъ въ тяжкую болѣзнь. Никто изъ прочихъ воителей неосмѣлился дожать лавры, послѣ него

на полѣ брани оставшiеся, кромѣ Князя Куракина, коего удары толико тяжки были Лисовскому, что онъ укрылся въ сѣверные края Литвы, подобно волку, утекающему въ дебрь, отъ мѣткихъ стрѣлъ искуснаго звѣроловца.

Провидѣнiе внявъ мольбамъ усердныхъ сыновъ Отечества, возсылаемымъ о здравiи народохранителя Князя Пожарскаго, продлило еще дни его, для новыхъ, общихъ благъ, для новыхъ торжествъ Россiи, для незыблемаго утвержденiя ея престола. Знамѣнитый Ирой выздоровѣлъ и паки былъ готовъ на службу Царю и Царству, въ тотъ мрачный годъ, когда дышущiй мщенiемъ и распаленный славолюбiемъ Сигизмундъ, заповѣдалъ сыну своему Владиславу, неотступать отъ ложнаго права на Московскую державу, и вручивъ ему тотъ адскiй свѣточъ, — коимъ превратилъ онъ въ пепелъ множество градовъ Русскихъ, — и мечь свой, проклятiя достойный мечь, съ котораго еще струилась кровь Русская, — онъ велѣлъ ему возобновить злодѣйство.

Владиславъ поднялся на Россiю съ преумноженною, паче прежняго силою и

пошелъ прямо къ Смоленску. Царь распредѣлилъ Бояры съ воинствомъ по градамъ; Князю же Пожарскому приказалъ особенно, укрѣплять оные грады и собирать воинство; ибо вѣдалъ оприверженности къ нему, нетокмо всѣхъ ратныхъ людей, да и всѣхъ Россїянъ. Въ то время пришли къ Государю въ Москву, изъ Калуги сановники съ прозьбою: дабы спасенїя ради отъ Литовскїя бѣды послалъ онъ къ нимъ Князя Пожарскаго (75) ... Естьли такое сокровище въ мїрѣ, которое могло бы дороже быть народныя любви и довѣренности? — Любовь народная, — богатство неоцѣненное великихъ людей; общая довѣренность, — блистательнѣйшїй вѣнецъ души благородной!.... Благотворителя человѣковъ вездѣ хотятъ видѣть, вездѣ желаютъ быть ему обязанными, всѣ тщатся ему угодить, не токмо граждане добрые, но и самые даже изверги естества. Единое слово Пожарскаго, сего доблественнаго мужа премѣняло мятежниковъ въ защитниковъ Отечества, и кровожаждущихъ изменниковъ привлекало къ нему съ покорностїю. Князь Пожарской укрѣпивъ Калугу, послалъ повелѣнїе къ буйствующимъ казакамъ, раззорявшимъ тогда сѣверо-

украинскую страну, чтобы пришли къ нему некосненно. Доселѣ никому непокорные мятежники сїи, толикое къ великому мужу имѣли уваженїе, что не смѣли его ослушаться; пришли къ нему, и оказали Государю многую службу, за что благосердый Монархъ простилъ имъ вины ихъ (*). Вотъ коль сильно владычество добродѣтели и надъ самыми развращенными сердцами! Вотъ сколько можетъ содѣлать пользы въ Государствѣ одинъ честный вельможа! О! коль велико должно быть щастїе той страны и того Монарха, гдѣ ежели, по благости Божїей, есть много таковыхъ!

Усерднѣйшїй и паче всѣхъ отличнѣйшїй исполнитель Царскихъ порученїй, Князь Пожарской, бодрствовалъ въ Калугѣ надъ движенїями Литовцевъ. Владиславъ, возгордившїйся взятїемъ нѣсколькихъ городовъ, прислалъ изъ Вязмы, имъ захваченной, сильную рать подъ Калугу, съ военачальникомъ Опалинскимъ, къ которому присоединился еще и другой Литовской Полководецъ Теплинскїй.

(*) См. тоже 75 примѣчанїе.

Князь Пожарской вышелъ противъ нихъ; сражался съ ними цѣлой день и отторгъ ихъ отъ града. Чрезъ десять дней сїи лукавые Литовцы опять пришли къ Калугѣ ночью, въ чаянїи внезапно овладѣть оною; но недремлющїй стражъ Отечества, добропобѣдный Князь, уловилъ ихъ самихъ своею военною хитростїю: провидя коварный умыслъ ихъ, онъ пропустилъ вражїе полки въ ограду и, какъ бы вдругъ посыпавшїйся крупный дождь, напалъ на нихъ, погубилъ ихъ великое множество и прогналъ изъ Калуги нетокмо сихъ супостатокъ, да и прочихъ единоплемѣнниковъ ихъ изгналъ, вмѣстѣ съ ними, изъ всего Калужскаго округа, съ превеликою для нихъ тратою (76).

Гдѣ присудствовалъ Князь Пожарской, тамъ всегда была побѣда; гдѣ онъ находился, тамъ одно почтенное имя его наводило на сопротивныхъ страхъ; Россамъ же придавало мужества и надѣжды; гдѣ настояла въ скорой и вѣрной помощи крайность, туда посылаемъ былъ отъ Царя сей великїй Ирой; слава ему предшествовала, успѣхи и торжество за нимъ послѣдовали.

Два храбрыхъ Князя Черкаскихъ тщетно отъ Поляковъ защищали Можайскъ и Пафнутїевъ монастырь. Враги преодолѣли ихъ, осадили и городъ и монастырь. Монархъ познавъ, о нещастномъ ратоборствѣ воеводъ сихъ, повелѣлъ Князю Пожарскому идти къ тѣмъ мѣстамъ. Благоискусному побѣдителю сему надлежало токмо узнать волю Государя своего; онъ нетокмо защитилъ обитель святаго Пафнутїя, но побилъ и въ плѣнъ взялъ множество Поляковъ, въ самомъ главномъ ихъ воинствѣ; пришедъ же къ Можайску Росскїй, мудрый Воитель, предъ очами самаго Владислава и всей соединенной, ратной его силы, не токмо извелъ изъ осажденнаго града Бояръ и отрядъ Россїйскихъ всадниковъ, но принудилъ враговъ отступить, непотерявъ изъ своихъ ни единаго ратника (77). Потомъ, укрѣпя Можайскъ и Борисовъ, оставилъ въ нихъ такихъ надежныхъ воеводъ, которые и послѣ него неоднократно уничтожали покушенїя Владиславовы такъ, что ей кичливый Сарматъ принужденъ былъ отступить къ Звѣнигороду.

Въ тѣ смутные времѣна, къ усугубленїю общихъ бѣдъ, появилось въ Мало-

россійскомъ и Запорожскомъ краѣ чудовище, адомъ изрыгнутое: Гетманъ Сагайдачный, который съ великимъ ополченіемъ вступилъ въ Россію, на помощь Владиславу. Оставляя на пути своемъ слѣды ужаснаго человѣкогубительства, онъ выжегъ многія города и шелъ прямо подъ Москву для соединенія съ Поляками.

Пожарскому надлежало бороться съ сею страшною опасностію. По изволенію Самодержца онъ прибылъ въ Серпуховъ, укрѣпилъ сей градъ и приуготовился итти на Сагайдачнаго, дабы воспятить злотворное его шествіе; но, къ сердечному сокрушенію всего Московскаго Царства, паки впалъ въ тяжкую болѣзнь. Преогорченный симъ Царь желалъ видѣть его и больнаго при себѣ; повелѣлъ пренести его въ Москву (78). Сагайдачный между тѣмъ пошелъ безпрепятственно чрезъ всѣ вѣси, грады и рѣки, и соединился съ Владиславомъ. Изъ событія времѣнъ давнопретекшихъ видно, что когда небыло гдѣ одного Князя Пожарскаго, тамъ цѣлое воинство, изъ совокупныхъ силъ всего государства составленное, долженствовало сражаться

Москва, лишенная въ немъ своея всесильныя десницы, была осаждена врагами и едва, едва могла отразить отъ себя тяжкїе Литовскїе удары. Тогда предъ всѣми прочими храбрыми воеводами мужественнѣйшїй Годуновъ, и Татарскїй Князь Миналай, древнимъ, могущимъ богатырямъ подобные, стяжали вѣнцы многократныхъ побѣдъ. Высокосердый Владиславъ съ жестокосердымъ споборникомъ своимъ Сагайдычнымъ прибѣгли къ миру, видя, что всѣ напряженїя властолюбїя ихъ и лютости тщетны.

Податель жизни, Источникъ всякаго блага, Всещедрый къ Россамъ Богъ внявъ моленїю ихъ, еще пробавилъ число дней Князя Пожарскаго и сей великїй мужъ, какъ свѣтлый мѣсяцъ, благотворящїй странникамъ въ ночи, явился опять къ отрадѣ Отечества, Польскимъ лукавствїемъ, какъ темною нощїю, омраченнаго.

Князь Пожарской, яко другъ и наперсникъ Царя, первый посланъ былъ во срѣтенїе святолѣпному Филарету, отцу Самодержца, возвращавшемуся изъ многолѣтняго Варшавскаго плѣна (79).

Князь Пожарско, яко присный Царя, присудствовалъ при двухъ бракосочетанїяхъ его, первымъ изъ избраннѣйшихъ (80). Великїй мужъ сей благопотребенъ былъ и въ Царской думѣ, и на бранномъ полѣ, и въ торжествахъ народа; Государь съ нимъ раздѣлялъ и радости и печали свои; государство же возлагало все упованїе свое на Бога, на Царя и на Князя Пожарскаго.

Между тѣмъ судьба соскучившаяся продолжать кровообагренную нить жизни Сигизмундовой, пресѣкла оную. Сей Польскїй тиранъ, ненасытною алчбою корыстей снѣдаемый, коего жадному оку показалося бы мало завладѣть и всею подсолнечною, естьли бы покорилъ онъ себѣ Россїю, наконецъ упалъ съ высоты престола въ тѣсный гробъ, и память его погибла съ шумомъ; но непогибли съ нимъ его луковые замыслы на Московское царство; онъ посѣялъ ихъ въ кичливое сердце сына своего, и сей достойный отца наслѣдникъ, преемникъ, купно съ вѣнцемъ и всѣхъ злыхъ его намѣренїй, нагло присвоилъ себѣ титло Царя Россїйскаго, и тѣмъ нарушилъ перемирїе въ 1619 году заключенное. Клятвопре-

ступленїее его, многїя неправды, и новое ополченїе на Россїю, подвигли ко брани миролюбиваго, справедливѣйшаго и благочестиваго изъ Вѣнценосцевъ, Михаила Өеодоравича. Государь поручаетъ перуны праведнаго гнѣва своего Боярину Шеину и отправляетъ его карать злочестїе миронарушителя Владислава; отправляетъ его подъ Смоленскъ, гдѣ сей *Вельможа Воинъ* прославился доселѣ храбростїю и вѣрностїю, искушенными девятилѣтнимъ заточенїемъ (81). Военнодѣйствїе сего Боярина несоотвѣтствовало чаямымъ отъ него успѣхамъ; полки, ему ввѣренные, поражены были супостатами и самъ онъ погибъ въ позорномъ подозрѣнїи; подобно свѣтильнику померкшему отъ густой, осѣнней мглы. Почти невѣроятный и великїй студъ навлекшая — ему измѣна, — столь раздражила народъ, что оный требовалъ казни преступникамъ, и человѣколюбивому Монарху ничего неоставалось къ успокоенїю волненїя, какъ удовлѣтворить общему желанїю (82). Но дабы возставить разстроенное подъ Смоленскомъ воинство и дабы паки воскресить надежду въ сердцахъ Россїянъ, страхомъ одержимыхъ, который ежедневно разсѣя-

вала съ преумноженїемъ многоязычная молва: что къ тому граду идетъ самъ Король Польскїй, Владиславъ, и ведетъ за собою множайшую силу. Тогда попечительный Россїйскїй Государь повелѣлъ ратоборствовать, противу неутомимаго врага, двумъ отличнымъ Иро-ямъ: всегда добропобѣдному Князю Пожарскому, а съ нимъ купно, другу его и сподвижнику при достопамятномъ Московскомъ градоимствѣ, Князю Димитрїю Мамстрюковичу Черкаскому.

Одно преславное имя Князя Пожарскаго ужасало сопротивныхъ несказанно болѣе, нежели тьмочисленное воинство; одно оно замѣняло всѣ страшныя ополченїя брани. Высокосердный Владиславъ услышавъ, что Князь Пожарской грядетъ на него, убоялся, смирился, недерзнулъ идти далѣе, препнулся въ своихъ гордыхъ замыслахъ, и предложилъ мирныя совѣщанїя. Князь Пожарской еще необнажилъ остраго меча своего, — миръ уже былъ заключенъ; оный знамѣнитый, всевозжелѣнный Россами, и сынамъ сыновъ ихъ толь щастливѣйшїй мїръ, на которомъ любочестивый Владиславъ нетокмо отрекся отъ титла Царя Россїйскаго, но и отъ

всякаго впредь на оное покушенія а съ симъ вмѣстѣ обязался возвратить Россіи похищенныя Поляками въ Кремлѣ Царскія утвари, многое сокровище и прахъ нещастнаго Царя Шуйскаго, для славы Россійскихъ Государей болѣе всего драгоцѣннѣйшій. Все то было исполнено некосненно. Гробы Шуйскихъ, съ должною честію къ сану сихъ Порфироносныхъ усопшихъ (83) препровождены были изъ Польши. Приснопамятный миръ сей усовершилъ спасеніе Россіи отъ Литовскаго, непрестаннаго губительства и на всѣ грядущія вѣки укорѣнилъ въ ней безопасность. Кому же, кому обязаны мы симъ постояннымъ благополучіемъ? Кому, какъ не Князю Пожарскому? Ему принадлежитъ благодарность во всѣ наши роды; славословіе до конца вѣковъ?

Великій Пожарской проведя всю жизнь въ подвигахъ и побѣдахъ, равнодушно взиралъ на снѣгоподобныя сѣдины, осребряющія главу его и, вѣдая, по совѣсти, что всѣ обязанности его исполнены, не возропталъ на скоротечность времѣни, которое токмо празднолюбцамъ бываетъ недостаточно, на безпредѣльныя при-

хоти ихъ. Свершивъ всю мѣру благодѣяній, отечеству оказанныхъ, спокойно приближился онъ къ предѣлу преповхвальнаго на земли бытія своего и взиралъ на оный довольнымъ окомъ; ибо щастіе Россіи было уже имъ содѣлано; за тѣмъ уже ничего въ семъ мірѣ желать ему болѣе неоставалося. Озаренный не какимъ либо, мгновенно преходящимъ, блескомъ суетнаго титла, гордынею вымышленнаго, но титломъ вѣковѣчнымъ, священнымъ титломъ *Спасителя отечества*, которое купилъ онъ цѣною крови оея, и которое всегда поддерживалъ трогимъ примѣромъ истиннаго благодства, свѣтозарный именемъ и дѣлами нязь Пожарской, внявъ призывающему гласу Божію, прешелъ отъ сея плавныя юдоли въ селенія Райскія. Онъ режилъ злобу и зависть собственыхъ гомъ; пережилъ бѣдствія Россіи; пенилъ, такъ сказать, самую смерть, лико кратъ и явно и коварно возвшую на него губительную косу ; пережилъ все, кромѣ добродѣтесвоихъ и громкой славы, кои неподтъ бытіе - премѣннымъ законамъ ени: онѣ, проводя его съ торжемъ на небеса, остались по немъ

безсмертны на земли. Скажемъ и еще
такъ: Князь Пожарской до послѣдняго
часа пребыванія своего здѣсь, долу, не-
преставалъ служить отечеству, ревност-
но; а дабы успокоиться отъ безпрерыв-
ныхъ трудовъ, онъ возлегъ на свои неу-
вядаемые Лавры и токмо что заснулъ
крѣпкимъ сномъ; онъ уснулъ, но неу-
меръ. Пожарской можетъ ли умереть
Жизнь вѣчная удѣлъ его. Онъ токм
сокрылся отъ бренныхъ взоровъ н
шихъ; но живетъ въ своихъ великих
дѣлахъ, даровавшихъ намъ свѣтлыя дн
Онъ гремитъ въ нашихъ побѣдахъ; о
сїяетъ въ лучахъ сохраннаго имъ вѣ
ца Мономахова; мы видимъ его въ
личїи Петра, во славѣ Екатерины;
видимъ его въ велѣлѣпїи Москвы; с
вомъ мы видимъ его въ лицѣ всего о
чества. Россїя вся, — памятникъ его;
вся собою изображаетъ намъ
жарскаго, занѐ существуетъ его
смертїемъ; и доколѣ на простран
ея гремѣть будетъ имя Пожарск
дотолѣ продлится и бытїе ее на
номъ шарѣ. Блаженство Россїи,
временъ Пожарскаго наченьшееся и
днесь продолжающееся, есть т
твердый адамантъ, на которомъ С

златымъ резцомъ Истинны изчислила Иройскія дѣла и многотрудные дни его: да созерцаютъ ихъ позднѣйшіе потомки, и изъ нихъ да научаются быть великими.

Когда Князь Пожарской оставилъ свое многочестное поприще и, вступя въ таинственный чертогъ Превѣчнаго, сокрылся, въ то время вся Россія возплакала о немъ, подобно нѣжной матери, лишившійся дражайшаго сына. Рѣки лезъ пролились по всемъ ея обширымъ областямъ. Самъ Царь рыдалъ адъ гробомъ Пожарскаго и, присудствіемъ своимъ при велелѣпномъ его погреенїи, доказалъ, сколь болѣзненна ему азлука съ вѣнцедателемъ своимъ (84); а ь тѣмъ вмѣстѣ доказалъ и сїю истину: что тотъ Государь рожденъ самъ эликимъ, которой умѣетъ чувствовать, эго стоитъ государству, лишиться веикаго мужа. . . . трата ничемъ ненаэадимая!

Пожарской! Ангелъ хранитель Россїи! ы водворился въ пресвѣтлое жилище прилосущныя славы, гдѣ царствуетъ Неизэченный, коего святымъ духомъ то-

чатся благодатныя струи, напаяющія всякую тварь ко оживленію. И поистиннѣ для такой дивной добродѣтели нѣтъ вѣнцовъ на земли: — на небесахъ они; вмѣсто тлѣнныхъ нашихъ лавровъ и оливъ, *тамъ* для такой безсмертной главы, *тамъ* уготованы вѣнцы изъ немѣрцаемыхъ звѣздъ слїянные. Ликовствуй дивный Ирой всѣхъ временъ; ликовствуй *тамъ*, посреди невечерняго свѣта, собственнымъ свѣтомъ озаренный, и дабы Россія, тобою воздвигнутая, была во вѣки вѣковъ благополучна, изливай свѣтъ твой на насъ, на сыновъ нашихъ и на сыны сыновъ ихъ; изливай сїянїе твое на насъ вмѣстѣ съ лучами Солнца и Луны, съ зарями утра и вечера; души наши твоею доблестїю согрѣтыя, твоимъ примѣромъ восхищенныя: да ревнуютъ подражать тебѣ; да познаетъ весь мїръ, что страна та, въ коей родились Пожарской и Мининъ, есть непобѣдимое Царство Славы, непремѣнное Отечество мужей великимъ.

Великїе люди, коимъ воздаетъ потомство хвалу и удивлянїе, оставляя мїръ сей, замѣщаютъ собою то неизмѣримое растоянїе, которое находится ме

жду земнородными смертными и духами небесными; но Пожарской и Мининъ, превзошедъ своими добродѣтельми и подвигами многихъ изъ оныхъ великихъ мужей, стоятъ на одномъ степени съ небожителями. Обьятые отвсюду лучами невечерняго свѣта они наслаждаются, своею славою, и существованïе ихъ, время отъ времени, болѣе и болѣе обновляющееся, непрестарѣетъ никогда. О! приснопамятные Ирои! Внемлите взыванïю моему, гдѣ вы ни соприсудствуете бытïю Вселенныя: ликуете ли вы посреди горнихъ силъ предь жизнодательнымъ взоромъ Непостижимаго; или носитесь на быстромолнïенныхъ крылахъ своихъ, яко жители небесные, по неизмѣримому пространству круговъ звѣздныхъ и сообщаете благополучнымъ мïрамъ волю Вѣтхаго деньми; или облечены будучи сïянïемъ новыхъ Солнцевъ, озаряете вы юныя планеты, новоосуществленныя единымъ словомъ Еговы? Взываю къ вамъ: будьте всегда благотворными Россïи созвѣздïями! будте всегда Ангелами хранителями вашего Отечества! вы родились въ Россïи; согрѣвайте же сердца Россовъ жаромъ вашея къ ней любви; возвышайте души наши къ достохваль-

ному вамъ подражанїю; наполняйте величїемъ вашимъ наши помыслы; посѣщайте насъ въ тихїя часы поучительнаго уединенїя; являйтесь намъ и во снѣ; питайте въ насъ непрерывно ваши свойства: да непостыдимъ васъ; да соблюдемъ ненарушимо благоденствїе и славу вами намъ дарованныя!....

Но какое прекрасное видѣнїе поражаетъ мои очи! разверзается превыспренняя: на златордяномъ облакѣ являются священныя тѣни двухъ, славословимыхъ мною, Ироевъ, любительно рука за руку держащихся. Вся страна взыграла веселїемъ; поля произрастили цвѣты и радостїю препоясалися холмы. Пожарской и Мининъ склонили долу зеницы свои, кроткимъ огнемъ непревратно, райскаго веселїя блистающїя. Пожарской рекъ: „Послѣ„дуйте намъ Россы. Вы рождены жить „со славою. Доколѣ тлѣтворный духъ „завидующихъ вамъ иноплеменниковъ, „необуяетъ въ васъ доблественнаго духа „предковъ вашихъ; дотолѣ вы будете „благополучны..... Бодрствуйте Россы, — „довершилъ Мининъ, — ищите величїя „своего въ самихъ себѣ.“ Рекли и благовѣстный, тихїй громъ повторилъ сло-

ва ихъ, прокатясь до самой крайней отдаленности. Лѣса преклонили верхи свои, рѣки остановились въ своемъ теченіи, подъявъ воды, чтобы стократъ изобразить явленіе присноnамятныхъ мужей въ зерцалѣ безструйной своей повѣрхности; ручьй журчать несмѣли; затихли вѣтры; орелъ въ пареніи своемъ изумился солнцецвѣтущимъ бронямъ ихъ и, разширя крыле, пребылъ недвижимъ на воздухѣ; земля исполнилась благоговѣнія къ присудствію небожителей; ужасъ объялъ меня; вѣжды мои сами собою поникли; я преклонилъ главу мою предъ *Спасителями отечества* и въ безмолвіи моемъ токмо что ублажалъ ихъ трепѣтаніемъ, стремящагося къ нимъ, сердца моего. — Природа опять подвиглась. Я возвелъ очи горѣ; но святолѣпные мужи сокрылись уже въ глубинѣ небесной; одно лишь облако рдѣлось, клубяся въ слѣдъ за ними.

Безсмертные мужи! простите дерзновенію моему, простите мнѣ, что осмѣлился сложить неискусную вамъ хвалу; въ сравненіи съ славою вашею, она менѣе нежели капля предъ Океаномъ, — она ничто. Но вы, превыше звѣздъ оби-

тающїе, вы неуслышите словесъ моихъ; мой тихїй гласъ невознесется до Эмпирея. Глухое жужжанїе пчелы, собирающей росу съ цвѣтовъ утренних, недалеко раздается; да іслышно ли оно бываетъ въ то время, когда сладкопѣвцы соловьй поютъ при возстанїи прелестной зари? ихъ громкїй гласъ и перекатистый свистъ, переливаясь изъ звука въ звукъ, отзываются въ рощахъ и чаруютъ слухъ (*). Мое слово умретъ вмѣстѣ со мною. — Прочь низкая мысль! Жертва благодарностїю приносимая не должна оставаться втунѣ; огнь души, пламѣнѣющей чувствованїемъ почтенїя къ памяти Ироевъ, есть огнь священный, возженный добродѣтелью и ея слѣды освѣщающїй; добродѣтель неумираетъ и огнь ея не угасимъ. Прочь отъ меня косноязычная Робость! твое хладное дуновенїе несильно стѣснить груди моей! иди подлая дщерь уничиженїя, иди пре-

---

(*) Г. Р. Державинъ воспѣлъ Князя Пожарскаго. — См. оду его *на Коварство.*

Г. Крюковской изобразилъ намъ Пожарскаго и Минина въ прекрасныхъ стихахъ своей трагедїи.

смыкаться у прага жилища сильныхъ; неси къ симъ гордымъ сынамъ роскоши твои земные поклоны; дрожи предъ ними, блѣднѣя; простирай къ нимъ, изъ поднаклоненнаго чела твоего, тусклые взгляды; иди къ нимъ, лепетать трепѣщущими устами постыдную хвалу тѣмъ ложнымъ достоинствамъ, которыя ничтожное сердце твое, изъ единаго раболѣпствія, чтобъ угодить имъ, признаетъ въ нихъ; влачи добровольная невольница высокомѣрія, влачи жизнь твою въ подобострастномъ оному служеніи; неприближайся и къ жилищу моему. Я хвалю не Царей, властію своею страшныхъ; не вельможъ, случаемъ своимъ сильныхъ; я хвалю Пожарскаго и Минина. Одущевленный благородною отважностію, въ хвалѣ имъ воздаваемой, я предвижу и мое безсмертіе. Славословіе мое сколь ни есть несовершенно, но намерѣніе досточестно. Пусть и современники и потомки непростятъ мнѣ моего дерзновенія; пусть осудятъ мое неискуство; но сіе несовершенное произведеніе да усовершатъ своимъ талантомъ. Уступаю имъ вѣнцы, токмо бы великіе мужи были достодолжно воспѣты. Впрочемъ, преславныя дѣла Князя Пожар-

скаго и Козьмы Минина самые красноречивѣйшїе о себѣ повѣствователи; истинна водила перомъ моимъ; она и вѣщаетъ о нихъ.... Да приникнетъ весь мїръ послушать словесъ ея; да внемлетъ ей: чтобъ отъ Россовъ научиться примѣрамъ сущей доблести. Да отзовется гласъ ея, изъ устъ моихъ гремящїй, въ концахъ Вселенныя; всѣ языки, купно съ нами, да принесутъ несравненнымъ Ироямъ нашимъ принадлежащую данъ, — всеобщее почтенїе. А ты, великая Праматерь народовъ! побѣдоносная, богатая, пресильная Россїя! Воздвигни къ чести и украшенїю своему, на пользу и на радость всему потомству, воздвигни Спасителямъ твоимъ кумиръ, въ нѣдрахъ Кремлевскихъ стѣнъ, на мѣстѣ взорномъ, предъ древнимъ чертогомъ Іоанна; на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ окончился ихъ славный трудъ и начались твои торжества; воздвигни имъ кумиръ; да возвеличится онымъ Москва! — Новый Праксителъ, твой сынъ усердный, ожидаетъ твоего веленїя (*). — Хладный мраморъ

(*) Господинъ Мартосъ, Россїйской, искуснѣйшїй Художникъ XIX вѣка, предпринявъ вылить изъ мѣди кумиры По-

и твердая мѣдь, дражайшимъ намъ образомъ Спасителей отечества оживотворенные, заговорятъ съ сердцами праправнуковъ нашихъ, и многоглагольливымъ молчанїемъ своимъ повѣдаютъ имъ болѣе, нежели многїя бытописанїя, въ книгохранилищахъ погребенныя. Отъ сего славовѣщательнаго кумира жаръ ревенїя въ души Россїянъ пролїется и возродитъ Ироевъ, Пожарскому и Минину подобныхъ.

жарскаго и Минина. — Исполненїе достохвальнаго предпрїятїя сего зависитъ теперь отъ збора вполнѣ той суммы, которая для сооруженїя сихъ кумировъ необходимо нужна и на которую сумму уже предложена обществу подписка.

КНИГА ТРЕТІЯ

О свойствахъ Князя Пожарскаго особенно.

Сколько Лѣтописи, а паче того само щастіе Россійскаго народа, Пожарскимъ и Мининымъ основанное, свидѣтельствуютъ въ томъ, что дни сихъ великихъ мужей были ни что иное, какъ златая цѣпь дѣлъ, отечеству полезныхъ; что все время бытія ихъ измѣряно благотвореніями цѣлому государству; что каждый часъ дней ихъ приносилъ съ собою надѣжду и отраду страдавшей Россіи.

Во многихъ вѣкахъ и умногихъ народовъ являлися необыкновенные люди, изъ коихъ, одинъ отличился храбростію, другой мудростію, сей строгою истинною, тотъ великодушіемъ, и другъ друга то въ томъ, то въ иномъ превосходили. Римъ и Греція оставили намъ въ образецъ великихъ Полководцевъ, великихъ мудрецовъ, великихъ гражданъ; но что бы въ одномъ человѣкѣ были всѣ добродѣтели, трудно найти въ мірѣ нашемъ

таковое чудо. Князь же Пожарской и Козьма Mининъ были одарены оными, каждый въ полномъ совершенствѣ. — Совокупя свои преизящныя качества, чего бы немогли они содѣлать во благо человѣчества? — Оно непострадало бы толико, естьли бы они жили во времѣна Александра и Кесаря, во дни Батыя и Тамерлана.

Дабы насладится созерцанiемъ соединенiя многихъ добродѣтелей въ единомъ великомъ мужѣ, то простремъ взоры наши къ Князю Пожарскому; онъ дѣйствовалъ и прежде и послѣ достохвальнаго Mинина, въ величiи ему равнаго; обратимся къ Пожарскому и въ немъ единомъ удивимся многимъ Ироямъ, изъ коихъ каждый остался бы громокъ въ исторiи, частнымъ своимъ достоинствомъ. Князь Пожарской былъ Витязь мужественный и полководецъ искусный, побѣдитель милосердый, начальникъ мудрый, примѣрный слуга Царю и царству, Бояринъ доблественный, столпъ отечества непоколебимый, достоподражательный сынъ церкви и вѣрный другъ человѣчества. — Изслѣдуемъ же сего истинну.

Князь Пожарской былъ Витязь мужественный и полководецъ искусный. — Онъ покорялъ свою храбрость разсудку; непрежде приступалъ къ браннымъ дѣйствїямъ, какъ обнявъ прозорливостїю своею всѣ обстоятельства, и свѣсивъ глубокомыслїемъ всѣ способы; вѣрно сообразивъ возможность съ трудностїю; тако приуготовляясь на каждое ратное дѣло, заблаговременно недопускалъ онъ приближиться къ полкамъ своимъ тѣ опасности, кои обыкновенно бываютъ слѣдствїями легкомыслїя, запальчивости и опромѣтчивости. Ибо естьли Военачальникъ только что храбръ, а не искусенъ; то воинство, имъ предводительствуемое, нетокмо не можетъ совершенно быть увѣрено въ своей безопасности, но скорѣе можетъ полагать себя жертвою перваго сраженїя. Такого начальника успѣхи не отъ разума и мужества зависятъ, а отъ слѣпой удачи. Пылкая храбрость нужна исполнителямъ; повелителю же потребно равнодушное и прозорливое мужество. Князь Пожарской, ободренъ будучи неустрашимостїю, на благоразумїи основанною, всегда зналъ куда шелъ; заранѣе вѣдалъ, что дѣлать надлежало; предварительно готовъ былъ

срѣшиться съ непрїятелемъ, а не тогда, какъ тотъ уже появлялся. Онъ зналъ когда начать битву: напасть ли самому на врага утомленнаго, чтобы недать ему времени оправиться; или уловить злобу его въ сѣти военной хитрости; или уступить ему, чтобы послѣ нагрянуть сугубымъ жаромъ и поразить; притомъ же былъ онъ и умѣренъ. Сїю дивную умѣренность его, мы видѣли въ самый часъ восторга всего побѣдоноснаго воинства, когда онъ остановилъ оное мудрымъ своимъ изрѣченїемъ, что *въ одинъ день двухъ радостей небываетъ*, и тѣмъ спасъ оное, можетъ быть, отъ вреднаго излишества. Истинное мужество, съ точнымъ военноискуствомъ сопряженное, содѣлывали его непобѣдимымъ и толико врагамъ ужаснымъ, что одно имя его замѣняло самую многочисленную силу. Подъ начальствомъ его отчаянные Россїйскїе ратники, сперва трепетавшїе отъ появленїя токмо Поляковъ, премѣнились въ Витязей толико храбрыхъ и непреодолимыхъ, что напослѣдокъ страшныхъ побѣдителей своихъ привели въ трепетъ.

Князь Пожарской былъ побѣдитель милосердый. — Онъ видѣлъ въ сопротивникѣ своемъ подобнаго себѣ человѣка, который по долгу своему изполнялъ то, что было ему повелѣно, и чѣмъ храбрѣе тотъ сражался, тѣмъ паче онъ уважалъ его. Ибо судя по свойству своей великой души, Пожарской чтилъ въ немъ надежнаго подданнаго того Государя, коего волею былъ онъ движимъ, и вѣрнаго сына той земли, законамъ коея онъ повиновался; но поражалъ его, яко зло, вредное спасаемому имъ отечеству; побѣдивъ же человѣколюбствовалъ о немъ; поступалъ съ нимъ такъ благотворительно какъ желалъ, чтобы сопротивники поступали съ его единоплѣменниками, падшими въ ихъ руки. Измѣряя благороднымъ сердцемъ своимъ страданія ближняго, ему пріятнѣе было облегчать, сколько можно, судьбу и самихъ враговъ, а не удручать ихъ суровостію плѣна. Онъ хотѣлъ лучше съ трудомъ дѣлать добро, нежели безъ малѣйшаго труда дѣлать зло. Война небыла его забавою, и цѣною человѣческой крови, нежелалъ онъ снискать себѣ громкаго титла *Побѣдителя*; но ратоборствовалъ единственно по необходимости: чтобы избавить

отъ бѣдъ Россїю; а потому и немогло быть ему угодно устрашительство, коимъ прочїе побѣдоносцы стараются снискать славу и почтенїе, на ужасѣ основанныя. Изъ сего слѣдуетъ, что онъ нетокмо непревозносился своими великими подвигами, но по врожденному безпристрастїю своему, и хвалу, ему принадлежавшую, относилъ къ другимъ. Доволенъ будучи ободренїемъ своимъ и награжденъ въ самомъ себѣ, несказаннымъ веселїемъ, о щастїи отечества, онъ нелюбилъ питаться ничтожнымъ дымомъ того заразительнаго ѳимїама, которой тщетная молва на краткое время возжигаетъ, и который весьма сладостенъ многимъ мѣчтающимъ о себѣ побѣдителямъ. Имѣя источниками всѣхъ предпрїятїй своихъ вѣру и любовь къ истиннѣ, — кои безъ гласа совѣсти никогда недѣйствуютъ, — онъ былъ сострадателенъ, снисходителенъ, милосердъ. Держа въ рукахъ громы, болѣе любилъ миловать, нежели карать. Притекавшїе къ нему чемъ ближе доступали до него, тѣмъ казался онъ величественнѣе; благодѣянїями предупреждалъ онъ нужды ихъ; отходящїе же отъ него, изумлены бывъ его великодушїемъ и благороднымъ обхожденїемъ, на

всегда оставались преисполнены чувствованїемъ къ нему глубокаго почтенїя. Колико ни одержалъ онъ побѣдъ, но стократъ того болѣе плѣнилъ сердецъ. Онъ обладалъ вполнѣ рѣдкимъ даромъ, онымъ великимъ даромъ, коимъ славятся одни токмо, весьма немногїе, истинные Ирои: *побѣждать враговъ и несражаяся съ ними.* Сїе то необыкновенное искуство: плѣнять людей прелестьми добродѣтели, было виною, что Литовцы въ Кремлѣ осажденные, бросились скорѣе подъ кровъ Князя Пожарскаго, нежели къ своему Государю.

Онъ былъ начальникъ мудрый. — Неутомимая дѣятельность, неразлучно сотовариществовавшая ему отъ состоянїя простаго воина до состоянїя военачальника, самыми опытами научала его похвальному знанїю: *умѣть повелевать*; что не иначе прїобрѣтается, какъ многотруднымъ знанїемъ: *умѣть повиноваться.* Вѣдая по опытамъ какихъ заботъ стоитъ подчиненному, тщательное исполненїе должности, никогда ни отъ кого излишняго онъ нетребовалъ; возлагалъ дѣла по мѣрѣ обязанности каждаго, соотвѣтственно си-

ламъ и предлежащимъ пособамъ. По собственному трудолюбію зная цѣну трудамъ другихъ, онъ судилъ поступки подчиненныхъ безъ суровости и безъ послабленія, и награждалъ справедливо. Особыхъ себѣ почестей нетребовалъ, кромѣ должнаго послушанія чиноначальству, и усерднаго съ нимъ содѣйствія въ общемъ благѣ. Бывъ краснорѣчивѣйшимъ и непреложнымъ ходатаемъ заслугъ, сподвижниками его оказанныхъ, всегда безмолствовалъ о себѣ, а тѣмъ вящше и вящше стяжалъ отъ всѣхъ довѣріе и приверженность. Онъ нетерпѣлъ лжи и ласкательства; строгимъ взоромъ отженялъ отъ себя лесть, многими вельможами любимую; правыхъ же сердцемъ, какого бы они званія ни были, предпочиталъ всегда льстецамъ знамѣнитаго рода. Былъ удобопреклоненъ на всякое вспоможеніе, не токмо соотечественнику, но даже и иноплѣмѣнникамъ, — коль скоро человѣчество того требовало. Былъ внимателенъ къ прозьбамъ самаго послѣдняго ратника; скорый въ нуждахъ благотворитель; суровый во первыхъ самъ исполнитель порядка и тщательный потомъ взыскатель онаго съ прочихъ. Когда надлежало приступать ко

брани, тогда благоразумное распоряженіе подкрѣпленное спокойствіемъ души, подавало надежду воинству его; но когда начиналась сѣча, тогда примѣромъ своимъ побуждалъ онъ каждаго и всѣхъ къ подражанію. Въ то страшное время успѣвая быть вездѣ, такъ сказать, онъ раздѣлялся, размножался повсюду и все наполнялъ собою: повелѣвалъ, защищалъ, сражался, ободрялъ, подвизалъ; иройскій духъ свой разливалъ на все воинство и животворя онымъ слабыхъ и робкихъ, производилъ въ нихъ такое чудо, что они послѣ сраженія сами себѣ удивлялися. Звѣроподобное свирѣпство прочихъ воителей ему было не извѣстно. Пребывая во всѣхъ ратныхъ подвигахъ великодушенъ, осмотрителенъ, по надобности наступчивъ и умѣренъ, колико придавалъ онъ собою примѣръ отважности своимъ полкамъ, толико ужасалъ супостатовъ. Во всѣхъ случаяхъ видно было, что онъ всемѣрно пекся о збереженіи нетокмо части воинства, но и каждаго воина. Всякой изъ подчиненныхъ его точно зналъ, что онъ не для выгодъ Князя Пожарскаго проливаетъ потъ и кровь, но единственно ради блага отечества, коему и самъ Князь собою жертвовалъ.

Таковое военачальствование содѣлывало его кумиромъ всего воинства, толико обожаемымъ, что и самые мятежники не могли не почитать его, не смѣли ему неповиноваться; самые изверги, внутренные злодѣи, приходили къ нему съ покорностїю и, доселѣ пагубныя для Россїи, руки свои простирали наконецъ къ оборонѣ ея, вмѣняя за щастїе служить ей, подъ начальствомъ Князя Пожарскаго.

Онъ былъ примѣрный слуга Царю и Царству. — Отъ самаго перваго чувствованія своего званія и до послѣдняго часа бытїя, онъ служилъ усердно и Шуйскому и Романову, невзирая на смутное время перваго, ни на преклонность лѣтъ своихъ при второмъ. Съ одинаковою же ревностїю подвизался онъ и въ ужасныя дни междуцарствїя. Достигнувъ чиноначальства и всевозможныхъ почестей, ни подъ какимъ предлогомъ онъ непредался покою; что дѣлаютъ многїе знамѣнитые лѣнивцы, которые удовлѣтворя своему высокомѣрїю, снисканїемъ пышнаго титла, чтобы роскошествовать въ праздности и торжественно пользаваться похищеннымъ пра-

вомъ общаго почтенія, уклоняются подъ кровъ мнимыхъ заслугъ; щастливо тунеядствуютъ и преблагополучно уничтожаются, попирая предерзствомъ своимъ истинную заслугу, грядущую скромнымъ шагомъ и рѣдко, рѣдко достигающую до высокаго степени. Князь Пожарской въ лицѣ Царей служилъ Государству, служивъ же оному служилъ Царямъ; ибо онъ мыслилъ тако: что гражданинъ, коль скоро произходитъ на свѣтъ, то всѣ дни его и дѣла суть дань неизъемлемо принадлежащая странѣ той, въ коей онъ родится, и тому владыки, подъ законами коего живетъ. Держась сихъ правилъ онъ неискалъ за службу никакихъ наградъ, и почиталъ оныя паче узами, сугубо прикрѣпляющими къ новымъ трудамъ. Онъ невмѣнялъ себѣ въ уничиженіе, бывъ уже первосановнымъ Бояриномъ, нисходитъ до бѣднаго состоянія послѣдняго гражданина, изслѣдовать оное и вникнуть въ нужды его (*);

(*) Кромѣ другихъ важныхъ должностей порученъ былъ Князю Пожарскому и Ямской приказъ. Во время управленія его онымъ, въ 1627 году, учиненъ у-

ибо, увѣренъ былъ, правотою совѣсти своея, что никакой трудъ, въ угодность Государю, согласною съ пользою государства понесенный, неможетъ нимало унизить вѣрнаго подданнаго; и чѣмъ знаменитѣе вельможа, чѣмъ болѣе для общества трудиться онъ обязанъ: въ томъ состоитъ настоящее преимущество его предъ частнымъ человѣкомъ; а не въ суетныхъ почестяхъ. Князь Пожарской былъ привърженъ къ Царю не изъ того, чтобы уловлять его довѣренность и щедроты, помощїю лѣсти, или пронырства; но по тому, что обязался клятвою, быть ему вѣрнымъ, яко отцу народа. Онъ чтилъ въ Государѣ своемъ не самовластителя безпредѣльнаго, но главнаго стража общаго покоя; но перваго блюстителя общаго блага, и паче всѣхъ повиннѣйшаго исполнителя правды; тако судя старался онъ всѣми силами вспомоществовать ему: нести тяжкое иго царствованїя. Князю Пожарскому ни мало несвѣдомо

ставъ, по скольку какому чину отъ Боярина и до послѣдняго служиваго давать на проѣзды подводъ. См. допол. къ дѣян. *П. В*. т. 2. стр. 481.

было проклятое искусство: заманивать въ свои сѣти сердце владыки своего, спѣшнымъ угожденіемъ страстямъ его, дабы послѣ смѣло господствовать надъ нимъ; и съ тѣми онъ дружбы несводилъ, въ комъ замѣчалъ лукавые замыслы. Невзирая на измѣну оказанную Царю Шуйскому, почти отъ всѣхъ Бояръ, кои сами избравъ его на царство, сперва извивались зміями у подножія престола; но увидѣвъ превозможеніе враговъ царскихъ и чая отъ нихъ болѣе получить прибытка, безстудно предалися, одни Сигизмунду, другіе Лжедимитріямъ, и наконецъ явно востали на Шуйскаго, какъ лютые звѣри. Князь Пожарской нездавался ни на какія увѣты и былъ Царю вѣренъ неблазненно; хотя находился онъ въ отдаленности отъ него и небылъ никогда приближенъ къ нему, но охранялъ его усердно, открыто, благородно. Неуважалъ могуществомъ сильныхъ; изобличалъ измѣнниковъ; послѣ же Шуйскаго, не вооружаясь ни противъ семибоярской власти, ни противъ триначалія и ни сколько не раболѣпствуя онымъ, отправлялъ ревностно долгъ службы отечеству; во всѣхъ случаяхъ неотступно защищалъ оное, хотя

видѣлъ ежечасно предъ собою ковы и самую смерть, отъ невѣрныхъ соотчичей на него направляемую. Великій мужъ всегда былъ одинаковъ, какъ при Царѣ, такъ и безъ Царя; во всякое время онъ служилъ Царству.

Онъ былъ Бояринъ доблественный. — Князь Пожарской имѣлъ разумъ основательный и душу въ добродѣтеляхъ возмужавшую; то суета міра и несильна была поколѣбать твердости его, даже и тогда, когда возшелъ онъ на самый высшій степень чести, своего времени. Возрошему въ трудахъ, въ благотвореніи, въ кротости, въ ненарушимомъ мирѣ съ самимъ собою, ему чужды были: достойное презрѣнія самодовольство, низкое напыщеніе, грѣховное злоупотребленіе всего достоинства, противное обществу своевольство, несносное всѣмъ высокомѣріе и презорство къ другимъ, отвращеніе отъ истинны, прилеплѣнность къ роскоши и нѣгѣ, духорастлительное сластолюбіе, любленіе лести, зависть, алчба къ корысти, ненависть къ достоинствамъ ближняго, самохвальство, своенравіе, подобострастное и гибкое притворство, всегда

улыбающееся лукавство, и всѣ тѣ мерзостные пороки, коими заражены бывають многострастные и притомъ пустыя сердца мужей буихъ, Бояръ недостойныхъ имени человѣка, погрязшихъ въ тинѣ разврата, вреднаго всему государству; въ чемъ удостовѣряютъ насъ самые лѣтописи, въ коихъ позорное бытïе злочестивыхъ вельможъ того времени описано кровïю предковъ нашихъ. Пожарской чувствуя настоящую цѣну истинно высокаго происхожденïя своего, старался собственными добродѣтельми поддержать достоинство отцевъ своихъ, и тѣмъ единственно засвидѣтельствовать знамѣнитость своего рода. Онъ стыдился непокмо творить неправды, но даже и помышлять о томъ. Чистота сердца и сохраненïе званïе своего, въ силу правды, были для него столь же святы, сколь и самая вѣра, которая, яко пламѣнный свѣтильникъ, всегда озаряла стези его жизни. На сихъ добрыхъ началахъ основаны были всѣ поступки Князя Пожарскаго. Отъ оныхъ то началъ родились три священнѣйшïя и, какъ бы, ему токмо единому, столь въ полномъ совѣршенствѣ, свойственыя добродѣтели

(предъ симъ изъясненныя): дивное мужество, неутолимою дѣятельностїю доказанное; безпримѣрная любовь къ отечеству, неизсякаемою ревностїю до послѣдняго дыханїя оправданная; великая честность, нетočїю въ дѣлахъ и словахъ, но даже и въ самомъ взорѣ обнаруживавшаяся... День дню повѣдалъ его всехвальные подвиги, и нощь нощи сообщала его благоизбрѣтательные помыслы. Яко Бояринъ, онъ былъ мудрый податель совѣтовъ Царю; некоснодумный вѣщатель правды у престола; непрекословный исполнитель возлагаемыхъ на него государственныхъ дѣлъ, и строгїй законовъ настоятель. Яко Бояринъ, былъ онъ лютый врагъ насилїю, неправдѣ, обидамъ, мщенїю, жестокости, и всѣмъ онымъ пагубоноснымъ злодѣянїямъ, отъ коихъ ввергаются народы въ нищету и негодованїе, и коими ускоряется паденїе царствъ. Яко Бояринъ, былъ онъ покровъ невиннымъ, прибѣжище страждущимъ, заступникъ заслугъ, благотворитель достойныхъ, оплотъ утѣсняемыхъ, ходатай истинны у Самодержца, помощникъ всякому благонамѣренїю, упредитель всякаго зла, предварительный начало положникъ всякому добру. Яко

Бояринъ, былъ онъ дѣятеленъ безъ унылживости; въ то время, какъ никто неполагалъ, чтобы онъ трудился, всякой ощущалъ пользу трудовъ его, и въ томъ онъ находилъ свою забаву; былъ полезенъ каждому званїю сограждан своихъ, скорою рукою помощи; былъ попечителенъ о дѣлахъ ему ввѣренныхъ, основателенъ въ разсужденїяхъ, мудръ въ заключенїяхъ; обиленъ въ доставленїи способовъ къ благополучїю своимъ подчиненнымъ; ко всему былъ внимателенъ; всякаго дѣла былъ прозорливый испытатель, и нескучалъ соображенїемъ вещей, коль скоро видѣлъ, что изъ того произтекала, нетокмо общая, но и частная польза, хотя бы то касалося до послѣдняго изъ соотечественниковъ его. Яко Бояринъ, былъ онъ благороденъ въ своихъ дѣйствїяхъ; никогда ничего всуѣ нетворилъ; слова же его столь были непреложны, какъ опредѣленїе судьбы; нетокмо смертные могли на нихъ полагаться, но и самъ Богъ неотвращалъ отъ нихъ лица своего, ибо что ни говорилъ Пожарской, то все было такъ справедливо, что всегда за тѣмъ послѣдовала точность. Яко Бояринъ, онъ занимался всегда открытїемъ всего того,

въ чемъ было добро; нашедъ же оное взыскивалъ еще лучшаго. Яко Бояринъ, онъ презиралъ злобу и врагамъ своимъ отмщалъ благодѣянїемъ. Съ досадою взиралъ онъ на злобныхъ человѣковъ стремившихся ко мщенїю, и видѣлъ что дѣлаютъ они самое легкое и обыкновенное дѣло; а поелику прощать враговъ и благодѣтельствовать имъ есть подвигъ великаго мужа; то и поступалъ онъ, — какъ великїй мужъ. Сладострастїе свое полагалъ онъ въ доставленїи людямъ щастїя. Нестолько утѣшался побѣдами на ратномъ полѣ одержанными, сколько тѣми, кои приобрѣталъ надъ сердцемъ своимъ. Всѣ сїи достоподражательныя качества, души преизящной, являютъ намъ въ Князѣ Пожарскомъ Вельможу несравненнаго и столпъ Царства незыблемый.

Онъ былъ достойный подражанїя сынъ церкви и вѣрный другъ человѣчества. — Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, или лучше сказать отъ самой колыбели и до гроба, онъ руководствуемъ былъ вѣрою; она была собѣседницею его въ дѣлахъ и помыслахъ. Въ семъ священномъ источникѣ высокихъ истинъ онъ почер-

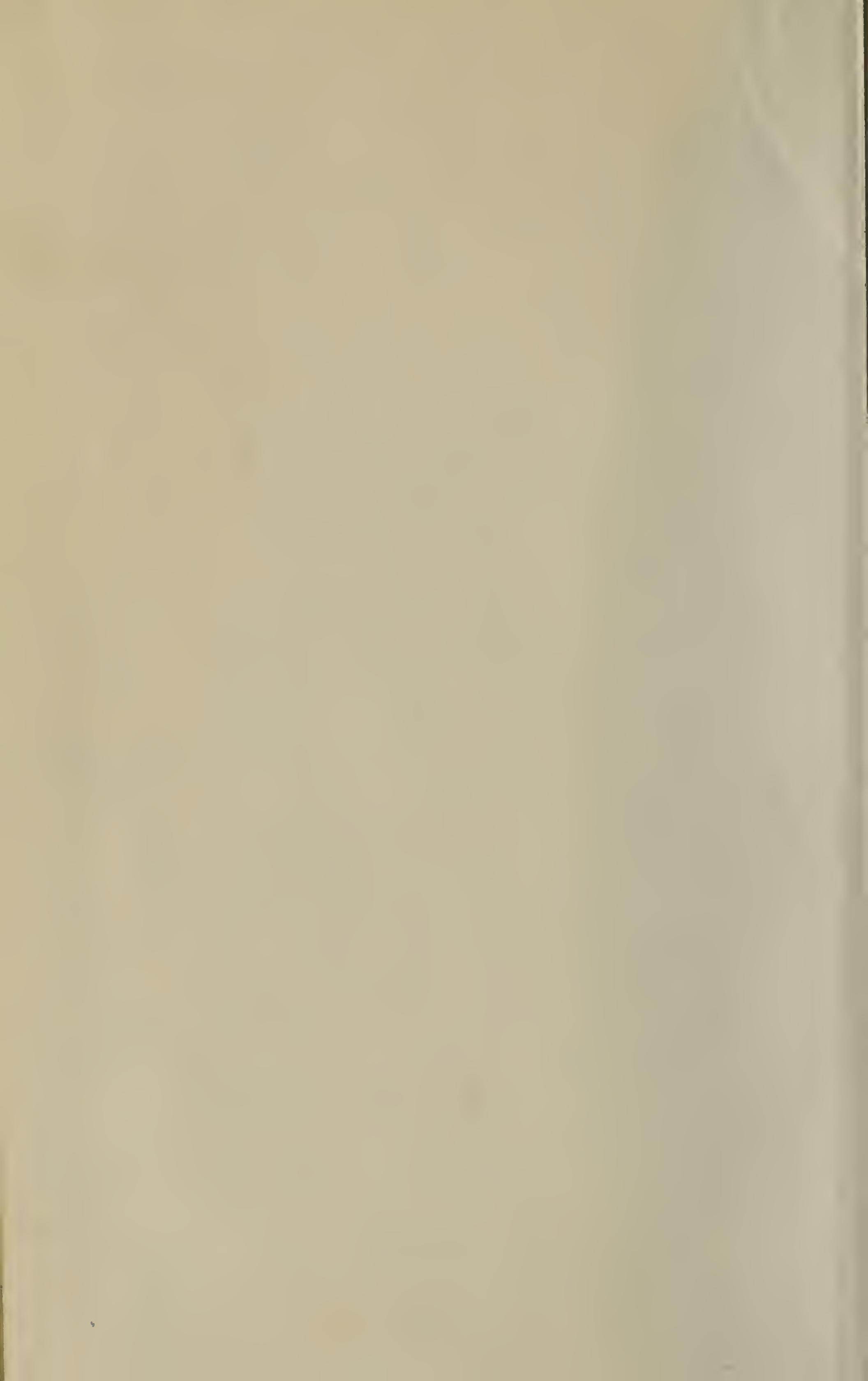
палъ свое геройство, — во время брани; неустрашимость, — въ опасностяхъ ему предстоявшихъ; спокойствїе сердца, — при бѣдахъ ему угрожавшихъ, отъ его личныхъ враговъ ему уготованыхъ; надѣжду, — при самой крайности страдавшаго отечества; несказанное удовольствїе, — дѣлать всякому добро, сколько было можно, и даже съ пожертвованїемъ собственною пользою; услажденїя въ болѣзняхъ; словомъ изъ сего благодатнаго источника почерпалъ онъ то дивное и неистощимое ревнованїе къ обязанностямъ своимъ, которое наконецъ послужило ко спасенїю цѣлой Монархїи. Вѣра вознесла до такого превысшаго степени великую душу его, что онъ, по примѣру Искупителя человѣковъ, простилъ нетокмо скрывавшихся подъ личиною коварства злодѣевъ, но даже и обличенныхъ убїйцъ своихъ. Имѣя духъ воскрыленный твердымъ упованїемъ на благи будущей жизни, онъ попиралъ все земное и суетное, и подражая Божеству всещедрому, всеблагому, разливалъ благодѣянїя на все его окружавшее; себѣ токмо одному ни за что никакого воздаянїя нетребовалъ, что и доказалъ безпримѣрнымъ своимъ поступкомъ: онъ отрекся даже

отъ поднесеннаго ему вѣнца. Храня въ сердцѣ своемъ, скрижали заповѣдей Божїихъ, онъ былъ всегда смиренномудръ, справедливъ, человѣколюбивъ. Благоговѣлъ нетокмо во храмахъ предъ Непостижимымъ, но полагая и вѣря тому, что на всякомъ мѣстѣ владычество его, онъ такъ жилъ, что самъ Богъ всегда былъ свидѣтелемъ непорочныхъ думъ его и почилъ въ его душѣ. Иройскїе подвиги его въ томъ вѣрные доказательства; — вѣра была виною оныхъ. Видя православную Христїанскую церковь поруганною, и дѣтей ея погибающими, онъ рѣшился: ежели нельзя будетъ исторгнуть ее изъ рукъ злодѣйскихъ, то принесть себя на жертву Богу и человѣчеству. Съ какимъ Христїянскимъ умиленїемъ посѣщалъ онъ воиновъ томящихся отъ ранъ на одрѣ болѣзни! Во дни брани и смятенїя онъ тщился утѣшать, ободрять, ущедрять страждущихъ; онъ усердствовалъ о спокойствїи ихъ, стремяся на всякую имъ помощь, какъ бы къ единокровнымъ своимъ. Когда надлежало благотворить людямъ, тогда онъ забывалъ о себѣ. Всегда сопутствуемъ будучи вѣрою, онъ явилъ въ себѣ не сына земли, страстьми

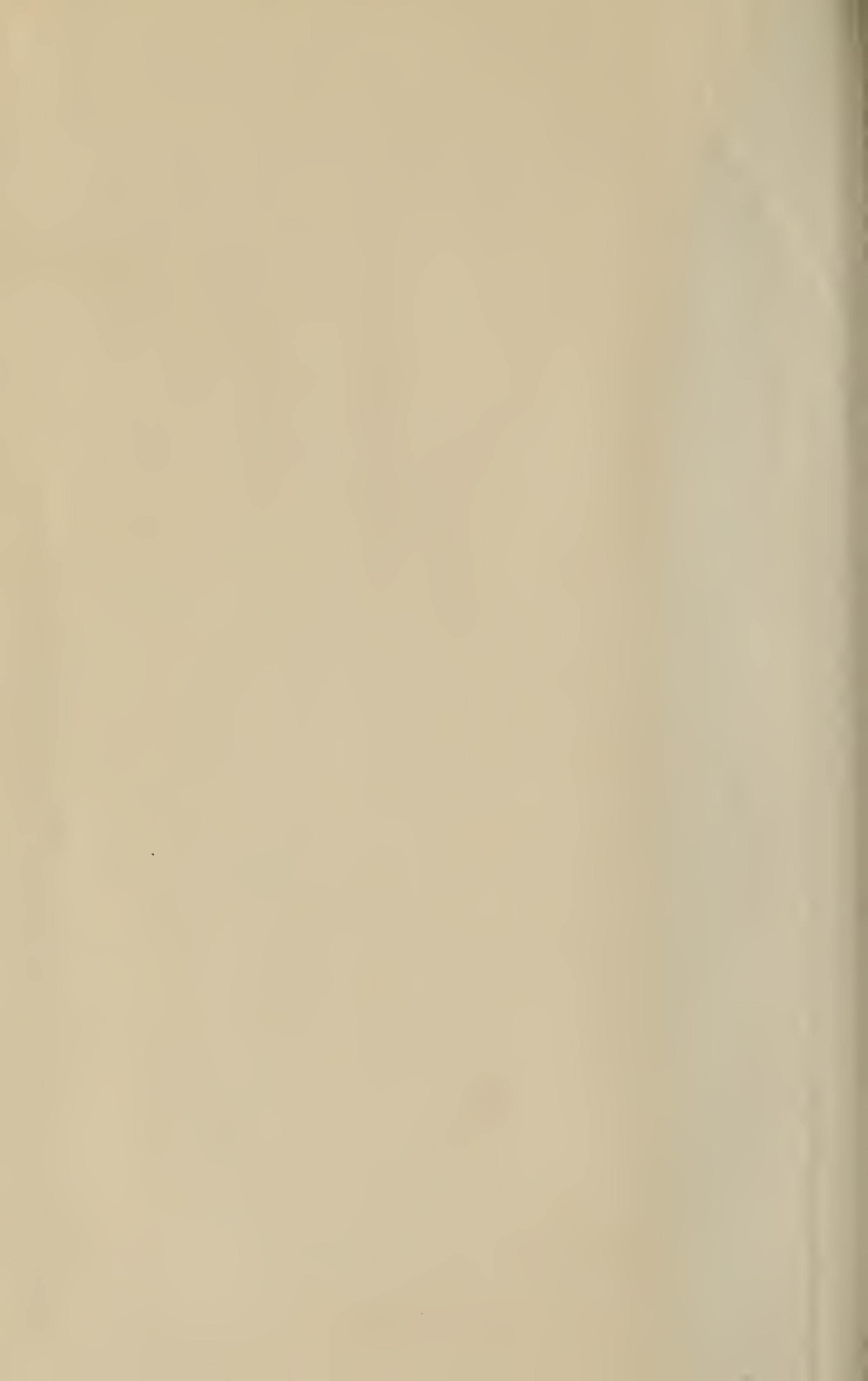
обуреваемаго, но небожителя свѣтлаго, который, повинуясь премудрымъ законамъ Творца, дабы дѣйствовать между смертными, облекся плотїю ихъ и по чину природы родился для щастїя той страны, въ которую былъ ниспосланъ.— Такъ. -- Пожарской родился для избавленїя Россїи; жилъ для блага человѣковъ вообще; преселился опять отъ земли на небо, къ вѣчной славѣ. Онъ одинъ исполнилъ то въ несколько дней, что едва могли свершить многїе Ирои во многїе годы. Десять лѣтъ тѣ осаждали Иллїонъ, а Князь Пожарской, въ нѣсколько дней, нѣсколько лѣтъ бѣдствовавшее отечество воздвигъ изъ развалинъ его,- далъ оному Царя, и водворилъ въ немъ блаженство. Онъ умѣлъ на великую пользу употребить скоротечность времени. Ему довольно было краткихъ часовъ жизни человѣческой, чтобы устроить на всѣ столѣтїя щастїе цѣлаго народа. Онъ показалъ своимъ примѣромъ, коль чрезвычайное благо великїй мужъ содѣлать можетъ въ единый день, въ единый часъ, и что довольно ему себя одного, наполнить собою всѣ вѣки.

Конецъ.

L'vov, P.

Pozharskoi i Minin

